

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Барнаулский юридический институт

О.В. Ермакова

**Законодательные конструкции
составов преступлений и их влияние
на определение момента
окончания преступления**

Монография

Барнаул 2017

Ермакова, О.В.

Е 721 Законодательные конструкции составов преступлений и их влияние на определение момента окончания преступления : монография / О.В. Ермакова. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. – 132 с.

ISBN 978-5-94552-296-1

Рецензенты:

Шатилович С.Н. – канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел;

Голубых Н.В. – канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Уральского юридического института МВД России.

В предлагаемой читателю работе проанализированы виды конструкций составов оконченных преступлений, а также их влияние на момент окончания преступления в рамках каждого вида. Отдельное внимание автором уделено способам и правилам отражения в уголовном законе вида конструкции состава преступления и момента окончания преступления. Представленные в данной монографии положения способствуют формированию навыков по определению конструкций составов преступлений, закрепленных в УК РФ и моментов их окончаний, которые необходимы для правильного толкования уголовного закона и его применения.

Монография предназначена для обучающихся в образовательных организациях высшего образования системы МВД России, а также работников правоохранительных органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений и определяющих момент их окончания. Кроме того, монография может быть полезна преподавателям и научным сотрудникам образовательных и научно-исследовательских центров (организаций) МВД России.

Введение

*Величие некоторых дел состоит
не столько в размерах, сколько
в своевременности их.*

Сенека

Современное развитие российского уголовного права характеризуется непрекращающимися законодательными реформами. Так, с момента принятия Уголовного кодекса РФ в него было внесено 983 изменения и дополнения¹, в результате которых не только появились новые составы преступлений, но и изменены конструкции уже существующих.

Подобная «подвижность» уголовного закона предъявляет повышенные требования в первую очередь к законодателю, благодаря волеизъявлению которого уголовное законодательство «совершенствуется». Они заключаются в следовании определенным правилам конструирования уголовного закона, их соблюдение поможет создать стройный, логически и концептуально единый нормативный правовой акт. Внесение же в уголовный закон хаотичных изменений может привести к существованию пробелов в праве и рассогласованности уголовно-правовых норм между собой, что, несомненно, негативным образом отразится на правоприменительной деятельности.

Помимо законодателя, мобильность уголовного закона повышает требования к правоприменителям, знания, умения и навыки которых должны быть достаточными для точного уяснения смысла закона при его применении.

Для повышения «мастерства» законодателя по созданию уголовно-правовых норм и правоприменителей по их толкованию особую значимость приобретают научные исследования, прививающие соответствующие навыки.

Вопросы конструирования составов преступлений многообразны и включают в себя не только саму процедуру создания законодательных конструкций, отбор обязательных признаков, в них входящих, но и закрепление момента окончания преступления, который может передвигаться законодателем по оси генезиса преступного поведения.

---

¹ При этом на 30 марта 2017 г. Особенная часть УК РФ дополнена 79 новыми статьями, а изменения в диспозиции 199 статей проводились 318 раз. В 26 статьях изменения имели место три и более раза.

В итоге каждая конструкция состава преступления в обязательном порядке отображает указанный момент, но не непосредственно, а опосредованно через обязательные признаки состава преступления. Опосредованность закрепления момента окончания преступления подтверждается тем, что ни в одной норме Особенной части уголовного закона не используется термин «момент окончания преступления».

Поэтому уяснение момента окончания преступления представляется трудной задачей, для решения которой необходимы знания видов конструкций составов оконченных преступлений и правил описания момента окончания в них.

Настоящее монографическое исследование представляет собой совокупность знаний относительно видов конструкции составов преступлений и отражения в рамках каждой конструкции момента окончания преступления.

Несмотря на то, что вопросы конструирования составов преступлений освещались в работах таких видных ученых, как Л.Л. Кругликов, А.В. Иванчин, Н.Ф. Кузнецова, А.Н. Трайнин, Н.Д. Дурманов, М.И. Ковалев, В.В. Мальцев, В.Н. Кудрявцев и др., вопросы видов конструкций составов оконченных преступлений и определения момента окончания преступления нельзя отнести к числу разработанных, что объясняется их освещением «попутно» с иными проблемами конструирования состава преступления, без проведения отдельного комплексного исследования.

Таким образом, разработка видов составов оконченных преступлений и правил отражения момента окончания преступления в каждом из них способствует развитию теории уголовного права; представляет особую значимость для законотворчества, поскольку, руководствуясь определенными правилами отражения в законе конструкции состава преступления и момента окончания, законодатель перейдет от «хаотичной» схемы создания уголовно-правовых норм к концептуальной системе, что позволит исключить противоречия между различными нормами, их дублирование, повысить качество принимаемых законов и, несомненно, сократит ошибки в квалификации преступлений в практической деятельности; а также неопенима для правоприменительных органов при толковании момента окончания преступления.

Представленные доводы свидетельствуют о своевременности исследования видов конструкций составов оконченных преступлений (в связи с чем нами выбран эпиграф. – авт.), относительно же качественной содержательной составляющей данного материала судить только правоприменителю...

Глава 1. Конструкция состава оконченного преступления: понятие, виды, взаимосвязь с моментом окончания преступления

§ 1.1. Понятие конструкции состава оконченного преступления

В научной литературе широкое распространение получила позиция, рассматривающая оконченное преступление как завершающую стадию совершения преступления¹.

Традиционно в учебниках по уголовному праву разъясняется, что стадии – это определенные этапы развития умышленного преступления, среди которых следует выделять: приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление².

Существующее понимание оконченного преступления в качестве стадии преступного деяния свидетельствует о необходимости углубленного изучения правовой природы стадий совершения преступления (хотя на первый взгляд может показаться, что вопрос о стадиях чрезмерно отдален от заявленной темы, но это абсолютно не так, поскольку только исследование в этом ключе позволит определить природу оконченного преступления).

Исторически понятие «стадия» не было характерно как для уголовного законодательства, так и для уголовного права. Вместо него в законодательных актах содержалось понятие «неоконченное преступление», которое включало в себя приготовление и покушение (впервые данные понятия были закреплены в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года)³.

Исключение составляют Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. (раздел 4 именовался «О стадиях осуществле-

---

¹ Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2010. С. 178; Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко. М., 2008. С. 307; Мишунин П.Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917-1918 гг. М., 1954. С. 166-167.

² См.: Советское уголовное право / под ред. М.И. Ковалева. Свердловск, 1972. С. 153-154; Уголовное право / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 2000; Уголовное право / под ред. А.И. Рарога. М., 2015. Следует отметить, что, несмотря на распространенность изложенной позиции, ее представители так и не объясняют отказ законодателя от использования понятия «стадии совершения преступления».

³ См.: Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Неоконченное преступление и его виды. М., 2003. С. 19; Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006. С. 25-26, 32.

ния преступления»). Кроме того, понятие стадии не упоминается ни в одном зарубежном уголовном законе¹.

Не используется понятие «стадии совершения преступления» и в УК РФ. Вместо него в гл. 6 УК РФ закреплены нормы, касающиеся исключительно неоконченного и оконченного преступления.

Возможно, именно отказ законодателя от использования такого понятия послужил появлению еще в начале 50-х гг. XX в., наряду с традиционным пониманием стадий, позиций ученых, критически высказывавшихся относительно отождествления стадий и видов неоконченного и оконченного преступления.

В категоричной форме разделяют стадии совершения преступления и виды неоконченной преступной деятельности Н.Ф. Кузнецова, А.П. Козлов и другие ученые².

Так, А.И. Ситникова указывает, что «трактовка неоконченных видов преступления в качестве стадий имеет ряд недостатков: во-первых, множество преступлений не проходит названных стадий; во-вторых, выделение стадий возможно только в отношении многоэтапных оконченных преступлений; в-третьих, отнесение оконченного преступления к третьей стадии совершения преступления не имеет уголовно-правового значения, поскольку оконченное преступление квалифицируется без учета норм о приготовлении и покушении»³.

Однако, несмотря на общность взглядов о необходимости размежевания понятия стадии совершения преступления с закрепленными в уголовном законе понятиями приготовления, покушения и оконченного преступления, среди сторонников данной позиции отсутствует единство мнений относительно правовой природы стадий, а также их количественного числа.

Так, Н.Ф. Кузнецова к стадиям совершения преступления относит подготовительные действия и исполнение преступления, а в качестве видов неоконченной преступной деятельности выделяет приготовление и покушение⁴.

---

¹ См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. М., 2009. С. 11; Ситникова А.И. Русские криминалисты о неоконченных видах преступлений. М., 2013. С. 6-8.

² См.: Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 40; Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. СПб., 2002. С. 35; Тадевосян Л.З. Неоконченные преступления. М., 2008. С. 27.

³ Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. С. 35-36.

⁴ Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению... С. 39-41.

Схожую позицию высказывает М.П. Редин, выделяя в качестве стадий осуществления преступного намерения два этапа – подготовки к преступлению и совершения преступления¹.

А.П. Козлов указывает: «Стадии совершения преступления – этапы поступательного непрерывного развития преступной деятельности во времени и пространстве с момента возникновения соответствующего психического отношения к деянию и результатам своего поведения до наступления преступного последствия или прерывания преступной деятельности. ... Указанные этапы могут быть дифференцированы относительно условно; условность связана с тем, что трудно провести жесткие границы в целостной структуре преступления»².

Несмотря на кажущееся различие в количестве выделяемых стадий в их терминологическом обозначении, связующей нитью данных точек зрения выступает связь стадий с процессом совершения преступления (начиная от мыслей и заканчивая их реализацией).

По нашему мнению, для решения данного вопроса необходимо обратиться к лексическому значению термина «стадия», означающему «период, ступень в развитии чего-нибудь»³.

На основании этого стадии представляют собой определенные этапы совершения преступного деяния. Понимание стадий как этапов развития явления предопределяет существование признака сменяемости, т.е. предыдущий этап переходит в последующий.

По нашему мнению, именно признак временной сменяемости стадий не соотносится с понятием оконченного преступления, традиционно признаваемого последней стадией совершения преступления.

Так, согласно ч. 1 ст. 29 УК РФ, преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления. Очевидно, что даже в плане временной протяженности оконченное преступление охватывает собой *все* этапы противоправного поведения лица, начиная с preparatory действий (если они были в данном конкретном случае) и заканчивая причинением вреда объекту уголовно-правовой охраны. Кроме того, понятие оконченного преступления не связывается с процессом совершения преступления, поскольку законодатель использует формулировку прошедшего времени – «*в совершенном деянии*» (выделено

---

¹ Цит по: Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. СПб., 2002. С. 18.

² Козлов А.П. Стадии совершения преступления... С. 36, 40.

³ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. С. 751.

нами. – авт.). Юридическое же значение придается отражению *в уже совершенном поступке* признаков состава преступления (выделено нами. – авт.).

В научной литературе отдельные ученые также не признают оконченное преступление стадий. Так, Г.А. Насимов пишет: «...Традиционное признание оконченного преступления стадией совершения преступления является неверным, поскольку с причинением вреда общественным отношениям, с наступлением преступного результата в его широком понимании заканчивается преступная деятельность, прекращается развитие преступления во времени и пространстве»¹. Поддерживая автора в начальном выводе, позволим себе не согласиться с приведенной аргументацией, поскольку рассмотрение оконченного преступления как «завершающего этапа» как раз полностью подходит под понятие стадий совершения преступления.

Представленные аргументы свидетельствуют о существующих противоречиях в традиционном понимании стадий совершения преступления в качестве приготовления, покушения и оконченного преступления.

Как уже отмечалось на страницах работы, стадии преступного деяния должны отражать процесс его совершения. С этой точки зрения стадии получили детальную разработку в рамках криминологической науки. Правда, в криминологии речь идет не о стадиях, а о механизме преступного поведения², но эти понятия в принципе синонимичны, т.к. имеют своим предназначением демонстрацию процесса совершения деяния.

Если же задаться выбором более точного термина, то, по нашему мнению, в качестве такового выступает стадия механизма преступного деяния по следующим аргументам. Термин «механизм» подчеркивает содержательную сторону того явления, в котором выделяются стадии, поскольку отражает внутреннее строение процесса совершения преступления. Иначе говоря, использование термина «стадия механизма преступного деяния» привносит ясность относительно того, что этапы развития выделяются в процессе совершения преступления.

Вопрос об этапах механизма преступного деяния в криминологической науке достаточно разработан и не вызывает дискуссий.

---

¹ См.: Насимов Г.А. Указ. соч. С. 27.

² См.: Клейменов М.П. Криминология: учебник. М., 2009. С. 109-136; Хохряков Г.Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 2002. С. 178-183; Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С. 58-66; Семенюк Р.А. Криминология. Барнаул, 2011. С. 56-67.

Так, генезис преступного поведения позволяет выделить три этапа, заключающиеся в формировании мотивации, планирования и исполнения преступления¹. Наступление последующего этапа прекращает действие предыдущего, но только их совокупность демонстрирует процесс совершения преступления.

Применяя разработки криминологической науки к уголовному праву, можно сделать вывод, что стадиями механизма преступного деяния выступают мотивация, планирование и исполнение.

Представленный вывод порождает вопрос: если приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление (ст. 29-30 УК РФ) не являются стадиями, то какова их правовая природа и в чем предназначение для уголовного законодательства?

По нашему мнению, раскрыть взаимодействие стадий механизма преступного деяния и понятий приготовления, покушения и оконченного преступления возможно только путем анализа сущности каждой стадии и особенностей реализации уголовной ответственности на этом этапе.

Первой стадией механизма выступает мотивация, на которой происходит формирование у лица преступных побуждений.

При этом в научной литературе можно встретить мнение, что в качестве первой стадии необходимо выделять обнаружение замысла либо формирование преступного умысла², и на первый взгляд может показаться противоречивой предложенная нами стадия в виде возникновения мотивации от обнаружения замысла либо формирования умысла. Однако если проанализировать предлагаемое авторами содержание такой стадии, заключающееся в формировании на основе определенных потребностей преступного умысла, то очевидно, что никакого противоречия нет. Используемое нами понятие «возникновение мотивации», с одной стороны, включает в себя предлагаемые в научной литературе формулировки в виде обнаружения замысла и формирование умысла, а с другой – является более широким, поскольку охватывает собой не только умышленные преступления, но и неосторожные.

Возникновение мотивации не является преступлением, т.к. исходя из понятия преступления сами по себе побуждения, не нашедшие

---

¹ Некоторыми авторами выделяется также характеристика условий формирования криминогенных качеств личности (См.: Клейменов М.П. Криминология: учебник. М., 2009. С. 109), однако нами этот блок механизма рассматриваться не будет, т.к. он не имеет отношения к процессу совершения преступления.

² См.: Козлов А.П. Стадии совершения преступления... С. 42; Тадевосян Л.З. Указ. соч. С. 24.

отражения в конкретном деянии¹, не представляют общественной опасности.

Именно на отсутствие общественной опасности указывается противниками выделения обнаружения умысла в качестве стадии. Так, Н.И. Загородников утверждал, что это «стадия, которая не выражает достаточной степени общественной опасности содеянного и личности»².

Противоположную точку зрения высказывал А.А. Пионтковский: «Голый умысел преследует свои самостоятельные цели и является средством посягательства на охраняемые законом интересы»³.

По нашему мнению, в представленной дискуссии произошло смешение стадий и признание каждой из них преступной. Как уже отмечалось на страницах работы, с точки зрения этапов развития механизма преступного деяния любое преступление начинается с мотивации, выступающей побудительным «толчком» для определенного поведения. Стадия мотивации присуща любому преступлению, поскольку даже при неосторожном деянии лицо действует или бездействует, не предвидя последствий по каким-то причинам. Когда мы говорим об умышленном преступлении, то на этапе мотивации в сознании лица возникает умысел на совершение деяния, поэтому обнаружение умысла – это составная часть мотивации в умышленных преступлениях.

Однако стадия мотивации не является преступной вследствие недостаточной общественной опасности и отсутствия конкретных действий (бездействия). Именно по причине отсутствия преступления на стадии мотивации привлечение к уголовной ответственности не осуществляется.

Второй стадией является планирование и принятие решения, на которой лицо начинает совершать подготовительные действия.

Выделенная стадия в научной литературе получила различное терминологическое оформление. Так, А.П. Козлов именует ее «стадией создания условий»⁴, а Н.Ф. Кузнецова – «стадией подготовки к преступлению»⁵.

---

¹ В научной литературе мотивация понимается именно как «внутренний (психологический) процесс, не находящий внешнего проявления». См.: Иванов В.Д. Ответственность за покушение на преступление. Караганда, 1974. С. 8.

² См.: Загородников Н.И. Советское уголовное право. М., 1975. С. 115.

³ См.: Курс советского уголовного права: в 6 т. М., 1970. Т. 1. С. 403.

⁴ См.: Козлов А.П. Стадии совершения преступления... С. 35.

⁵ Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 2002. Т. 1. С. 361.

Подобное терминологическое разнообразие вполне допустимо, поскольку каждое из предложенных названий отражает сущность рассматриваемой стадии¹.

Следует отметить, что стадия планирования присуща не всякому преступлению, что объясняется несколькими обстоятельствами:

- 1) особенностями самого преступного деяния;
- 2) нежеланием субъекта преступления осуществлять подготовительные действия.

Например, анализ 300 уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 158-163 УК РФ, в которых стадия планирования юридически возможна, показал, что в 268 случаях стадия планирования имела место (89,3 %) и лишь в 32 случаях виновное лицо не совершало действий по планированию по своему усмотрению (11,7 %).

Указанные обстоятельства тесно связаны между собой, поскольку именно психическое отношение лица, совершающего преступление, к своим действиям, выражающееся в форме вины, предопределяет потенциальную возможность наличия стадии планирования в определенных преступлениях.

Так, в преступлениях, совершаемых по неосторожности, подготовительные действия невозможны ввиду особенностей психологических процессов, заключающихся в непредвидении наступления преступных последствий.

Также возникает вопрос о возможности приготовительных действий в преступлениях, совершаемых с косвенным умыслом. В большинстве научных работ авторы, хотя напрямую и не исключают возможность приготовления с косвенным умыслом, однако из предложенного содержания вины можно сделать именно такой вывод.

Так, В.Д. Иванов указывает: «Лицо, совершая приготовление к преступлению, сознает, что эти действия создают условия для совершения задуманного преступления. При этом умысел преступника включает не только сумму приготовительных действий, но и сознание и желание с их помощью совершить конкретное преступление, т.е. добиться намеченной цели»².

Анализируя представленную позицию, нетрудно сделать вывод, что, используя формулу «осознает-желает», автор имеет в виду исключительно прямой умысел.

---

¹ Учитывая, что в рамках данного исследования стадии выделяются как этапы механизма преступного деяния, содержание которого включает такой блок, как планирование преступления, считаем целесообразным с целью терминологического единообразия использовать такое же наименование.

² Иванов В.Д. Указ. соч. С. 10.

Таким образом, особенности подготовительных действий предполагают их совершение исключительно с прямым умыслом.

Вопрос о признании стадии планирования преступной и подлежащей уголовной ответственности в науке уголовного права решался неоднозначно.

Так, С.В. Познышев полагал, что «приготовление не должно быть наказуемым, ибо не объективизирует решимость человека совершить преступление»¹.

Сторонником ненаказуемости приготовления был А.Ф. Кистяковский, исключением, по его мнению, должны быть случаи, когда приготовление является самостоятельным преступлением².

Е.В. Благов, напротив, обосновывая наказуемость приготовительных действий, отмечает: «...При совершении приготовления к преступлению создаются все или только некоторые условия для совершения преступления. В последнем случае это могут быть по значению существенные, менее существенные и несущественные условия. Чем более существенные условия для совершения преступления созданы лицом, чем нужнее они, и чем объемнее их количество, тем выше степень преступного намерения, а значит, суровее наказание должно быть назначено»³.

Учитывая, что преступным могут признаваться только такие деяния, которые представляют общественную опасность, решение вопроса о преступном характере стадии планирования и ее наказуемости необходимо основывать только из способности таких действий причинить вред или создавать возможность причинения вреда.

В своей основе общественная опасность проявляется в способности деяния причинить вред объекту преступления.

В научной литературе можно встретить мнение, что «действия по подготовке к преступлению не создают для объекта непосредственной опасности»⁴.

Например, А.И. Ситникова считает, что «приготовительные действия могут быть отделены в пространстве от объекта посягатель-

---

¹ См.: Познышев С.В. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1923. С. 136. Цит. по Ситникова А.И. Русские криминалисты о неоконченных видах преступлений. С. 31.

² См.: Ситникова А.И. Русские криминалисты о неоконченных видах преступлений. С. 22.

³ Благов Е.В. Особенности назначения наказания за неоконченное преступление (вопросы дифференциации и индивидуализации). Ярославль, 1994. С. 22.

⁴ См.: Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 331; Редин М.П. Разграничение приготовления к преступлению и покушения на преступление // Следователь. 1999. № 1 (18). С. 13-14.

ства. Приготовление может быть начато и завершено без соприкосновения с объектом посягательства и на расстоянии от него»¹.

Следует отметить очевидную неточность используемой формулировки *«приготовительные действия отдалены в пространстве от объекта посягательства»* (выделено нами. – авт.), поскольку объект преступления – это абстрактная категория общественных отношений, которые в реальном пространстве существовать не могут. Очевидно, автор имеет в виду опосредованное влияние приготовительных действий на объект преступления.

Однако следует признать, что приготовительные действия реальную опасность причинения вреда объекту преступления все-таки создают. Так, например, приобретение отмычки для проникновения в жилище приближает виновное лицо к совершению самого деяния, поэтому создает реальную опасность причинения вреда соответствующим общественным отношениям.

В.Д. Иванов такую опасность именует «угрозой для непосредственного посягательства», А.П. Козлов указывает на «реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям»².

А отдельные приготовительные действия сами по себе обладают повышенной общественной опасностью (например, приобретение оружия), в связи с чем законодатель вправе признать их совершение в качестве самостоятельных оконченных преступлений, переместив момент окончания на стадию планирования (о чем будет указано в § 1.2)³.

Однако всякие ли приготовительные действия представляют общественную опасность? И почему законодатель в ч. 2 ст. 30 УК РФ закрепил уголовную ответственность исключительно для приготовления к тяжким и особо тяжким преступлениям?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо правильно расставить акценты в определении общественной опасности. В том случае, если рассматривать приготовительные действия с точки зрения совокупности телодвижений человека, без связи с тем преступлением, к которому осуществляется подготовка, то, очевидно, мы придем к выводу, что большинство из них опасность могут и не представлять.

---

¹ Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. С. 38.

² См.: Иванов В.Д. Указ. соч. С. 28. Козлов А.П. Стадии совершения преступления... С. 63.

³ О таких составах писал еще А.Н. Трайнин. См.: Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 237.

Исключение составляют отдельные подготовительные действия, которые сами по себе, как верно замечает Н.Д. Дурманов, «...создают серьезную опасность для объекта посягательства»¹.

Однако если опасность тех же самых действий «привязать» к конкретному преступлению, для исполнения которого совершаются подготовительные действия, то характер общественной опасности увеличится в несколько раз. Например, по своей сути, не представляют опасности и выглядят «правомерно» осмотр местности, составление чертежа и т.д. Однако стоит эти действия соединить с направленностью на совершение, предположим, убийства, следует однозначный вывод об их повышенной общественной опасности. Поэтому качество опасности придает не только характер самих подготовительных действий, но и их направленность на совершение определенного преступления, посягающего на охраняемые уголовным законом общественные отношения. Поэтому чем опаснее само преступление, тем большую общественную опасность представляют подготовительные действия к его совершению. Представленные аргументы обосновывают объявление преступными только приготовления к тяжкому и особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

Признание деятельностного планирования общественно опасным, создающим угрозу причинения вреда охраняемым общественным отношениям, предопределяет необходимость реализации уголовной ответственности на данном этапе механизма.

Вопрос об основании уголовной ответственности при неоконченной преступной деятельности относится к числу дискуссионных.

Разнообразие мнений ученых можно свести к следующим позициям: при неоконченной деятельности отсутствует какой-либо элемент состава², что «создает особое положение ответственности»³; для уголовного осуждения достаточно, чтобы виновный частично выполнил состав конкретного преступления⁴; основанием является наличие в действиях лица признаков состава преступления⁵.

---

¹ См.: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 72.

² В некоторых работах вообще утверждается, что при неоконченном преступлении, как правило, нет состава преступления. См.: Энциклопедия уголовного права. СПб., 2006. Т. 5. Неоконченное преступление. С. 282.

³ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 307-308.

⁴ Тишкевич И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 8.

⁵ Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 159.

Очевидно, что последняя точка зрения воспроизводит действующую редакцию ст. 8 УК РФ, согласно которой «основанием уголовной ответственности выступает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления».

Но о каком составе преступления следует вести речь? Если имеется в виду состав конкретного преступления, закрепленный в Особенной части, то на стадии планирования виновное лицо еще не приступает к исполнению преступления.

На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос кроется в понятии состава преступления, представляющего собой совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих конкретное общественно опасное деяние в качестве преступления¹.

Совокупность таких признаков представлена законодателем в понятии приготовления к преступлению, т.е. приискания, изготовления или приспособления лицом средств или орудий совершения преступления, приискания соучастников преступления, сговора на совершение преступления либо иного умышленного создания условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам (ч. 1 ст. 30 УК РФ).

Исходя из того, что норма о приготовлении представляет собой модель, состоящую из набора объективных и субъективных признаков, данное понятие необходимо признать законодательной конструкцией состава преступления², при помощи которой осуществляется привлечение к уголовной ответственности за совершение действий по планированию как самостоятельной стадии механизма преступного деяния, в случае пресечения действий на этом этапе.

Следует отметить, что большинство зарубежных уголовных законов не содержит понятия приготовления (исключение составляют УК КНР в ст. 22, УК Украины). По мнению Г.А. Насимова, это объясняется тем обстоятельством, что в большинстве стран Запада расширена формулировка покушения на преступление³.

Таким образом, стадия планирования и конструкция состава приготовления, закрепленная в ч. 1 ст. 30 УК РФ, соотносятся между

---

¹ См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 59-60.

² Представление о юридической конструкции как «абстракции, разновидности нормативной модели» было предложено Л.Л. Кругликовым. См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 65.

³ См.: Насимов Г.А. Указ. соч. С. 20.

собой как преступление и состав преступления¹. Первое понятие характеризует преступное деяние, происходящее в реальной жизни, а второе – юридическое выражение данного деяния, заключающееся в совокупности обязательных признаков.

Следует отметить, что конструкция состава приготовления не является единственной законодательной конструкцией. Так, по мнению В.Н. Кудрявцева, теоретически мыслимы 576 различных конструкций состава в зависимости от комбинации категорий признаков².

Законодательная конструкция состава приготовления состоит из объективных и субъективных признаков, которые характеризуют стадию планирования. Наличие совокупности данных признаков выступает юридическим основанием уголовной ответственности.

К числу таких признаков относятся:

1. Планирование, которое заключается в конкретных действиях по созданию условий для последующего совершения преступления.

Несколько иначе понимает объективную сторону приготовления В.Д. Иванов, который указывает: «...Являясь внешним проявлением умысла на совершение преступления, приготовительные действия находятся в тесной взаимосвязи с действиями, направленными на непосредственное совершение преступления, и образуют объективную сторону, предусмотренную статьями Особенной части УК» (выделено нами. – авт.)³. Позволим обратить внимание на некую неточность данного высказывания, поскольку при совершении приготовительных действий лицо еще не выполняет объективную сторону какого-либо преступления, соответственно, указанная позиция чрезмерно расширяет границы объективной стороны приготовления.

Н.Д. Дурманов подчеркивает: «При каких бы то ни было приготовительных действиях нет еще самого осуществления действий, непосредственно приводящих к результату. Так, если сапожник приобретает материал, приводит в порядок инструменты, это еще не означает, что он начинает починку сапог»⁴.

---

¹ Использование формулировки «состав оконченного преступления» можно встретить в работе В.Д. Иванова «Ответственность за покушение на преступление» на с. 11, а формулировки «состав приготовления» и «состав покушения» использует В.С. Прохоров. См.: Курс советского уголовного права. Т. 1. С. 250.

² См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 77.

³ Иванов В.Д. Указ. соч. С. 10.

⁴ Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления... С. 63. Схожие аргументы приводятся и другими авторами. Например, Г.А. Насимов приводит следующий пример: «Лицо готовится совершить убийство. В этих целях приобретает нож. Однако факт приобретения ножа не составляет объективную сторону убийства». См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. С. 55.

В части 1 ст. 30 УК РФ, закрепляя конструкцию приготовления, законодатель избрал путь перечисления возможных действий в виде приискания, изготовления или приспособления лицом средств и орудий совершения преступления, приискания соучастников, сговора на совершение преступления или иного умышленного создания условий. Подобный законодательный подход представляется нерациональным, поскольку приготовительные действия настолько разнообразны, что перечисление полного перечня невозможно, а отбор отдельных разновидностей достаточно затруднителен. Соответственно, наиболее верным будет использование общей формулировки: «Совершение умышленных действий, заключающихся в создании условий»¹.

А.П. Козлов указывает на еще одно несовершенство такой законодательной формулировки, как «создание условий для совершения преступления», заключающееся в том, что «создание условий и совершение преступления логически разрываются во времени и пространстве»². Если руководствоваться логикой автора, то корректировать необходимо большинство норм гл. 6 УК РФ, поскольку такие формулировки, как «приготовление к преступлению» (ч. 1 ст. 30 УК РФ), «покушение на преступление» (ч. 3 ст. 30 УК РФ), «уголовная ответственность наступает за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению» (ч. 2 ст. 30 УК РФ) (выделено нами. – авт.) терминологически оформлены по такому же принципу.

Полностью поддерживая стремление А.П. Козлова придать уголовному закону ясность, четкость и недвусмысленность³, полагаем, что используемые в гл. 6 УК РФ формулировки не свидетельствуют о разрыве во времени между созданием условий и совершением преступления, а также не отдаляют приготовление и покушение от самого преступления. Доказательство такого утверждения кроется в систематическом толковании уголовного закона. Так, в части 2 ст. 29 УК РФ (а именно это норма – одна из первых в гл. 6 УК РФ) законодатель изначально четко обозначает: «Неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление». Тем самым по прямому указанию закона действия по приготовлению и покушению признаются преступлением, а начало их осуществления – совершением преступления.

---

¹ В научной литературе также подчеркивается, что «основная черта приготовительных действий – создание условий для непосредственного совершения оконченного преступления». См.: Иванов В.Д. Указ. соч. С. 10.

² Козлов А.П. Стадии совершения преступления... С. 52.

³ Там же. С. 54.

2. Действия по планированию всегда направлены на причинение вреда определенному объекту преступления. Следует еще раз подчеркнуть, что, как уже указывалось на страницах исследования, подготовительные действия не причиняют вреда охраняемым общественным отношениям в силу их отдаленности от самого преступления, но создают угрозу его причинения.

3. Уголовная ответственность за деятельностное планирование как самостоятельную стадию механизма преступного деяния наступает только в случае недоведения данных действий до конца по не зависящим от лица обстоятельствам.

4. Стадия планирования осуществляется исключительно с умышленной формой вины.

Таким образом, приготовление к преступлению, закрепленное в ч. 1 ст. 30 УК РФ, представляет собой законодательную конструкцию состава преступления, состоящую из объективных и субъективных признаков. Данная конструкция служит основанием уголовной ответственности тех деяний, которые в механизме своего развития были прерваны на стадии планирования по не зависящим от лица обстоятельствам.

Последней стадией преступного деяния является исполнение преступления, которая начинается с совершения самого деяния, а заканчивается наступлением преступного результата.

«Под исполнением, – указывает А.Н. Круглевский, – следует разуметь воплощение представляемого явления в действительности или факт существования реального явления, соответствующего признакам представляемого явления»¹.

В отличие от стадии планирования стадия исполнения присутствует в механизме любых деяний, за исключением тех, которые были прерваны на стадии планирования по не зависящим от лица обстоятельствам.

Однако учитывая то обстоятельство, что данная стадия начинается с совершения деяния, а заканчивается наступлением результата, количество этапов, ее характеризующих, может быть различным².

Каждому преступлению присущ только первый этап, заключающийся в совершении деяния как путем активных действий, так и невыполнением обязательных для субъекта действий.

В отличие от стадии планирования, прерывание деяния на стадии совершения деяния по не зависящим от лица обстоятельствам должно влечь уголовную ответственность во всех случаях. Это свя-

---

¹ Цит. по: Козлов А.П. Стадии совершения преступления... С. 66.

² Этапы стадии исполнения деяния в дальнейшем будут именоваться стадиями совершения деяния и наступления результата.

зано с тем, что действия по исполнению преступления обладают большей общественной опасностью по сравнению с подготовительными действиями. Кроме того, на данном этапе может иметь место непосредственное причинение вреда объекту преступления.

Основанием уголовной ответственности в случае прерывания преступных действий на этапе исполнения преступления выступает совершение действий (бездействия), содержащих признаки состава преступления.

Такие признаки закреплены в понятии покушения на преступление (ч. 3 ст. 30 УК РФ), под которым понимается совершение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, не доведенных до конца по не зависящим от лица обстоятельствам.

Следовательно, покушение на преступление, так же как и приготовление, – это законодательная конструкция состава преступления, представляющая собой совокупность объективных и субъективных признаков. Предназначение данной конструкции заключается в том, что она представляет собой юридическое основание уголовной ответственности в случае прерывания преступной деятельности на стадии исполнения преступления.

Раскрытие покушения на преступление через такую стадию, как исполнение преступления, можно встретить в зарубежном уголовном законодательстве. Например, УК Франции в ст. 121-5 закрепляет: «Попытка совершения преступления имеет место тогда, когда явно выражена *началом исполнения*, она была прервана...» (выделено нами. – авт.)¹.

Учитывая, что конструкции «приготовление» и «покушение на преступление» предусматривают уголовную ответственность за деяние, которое было прервано, в обобщенном виде их можно объединить в конструкцию «неоконченное преступление».

В научной литературе также встречается понятие «предварительная преступная деятельность»². Однако термин «предварительная» создает впечатление, что такая деятельность осуществляется до самого преступления, что, в частности, не соответствует содержанию понятия покушения на преступление.

Несколько иная аргументация нецелесообразности указания на «предварительную деятельность» представлена в работе В.Д. Ива-

---

¹ См.: Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крылова. СПб., 2002.

² См.: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления...

нова. По его мнению, данное понятие означает «нечто предшествующее чему-либо. Приготовление и покушение не предшествуют преступной деятельности, а так же, как и оконченное преступление, являются общественно опасной преступной деятельностью»¹.

Следует отметить, что законодательная формулировка понятия «покушение на преступление» вызывает критику в научной литературе. Так, Е.В. Благов отмечает: «...Особенность покушения на преступление заключается, согласно закону, в непосредственной направленности действий лица на совершение преступления. Однако такие действия могут осуществляться только до начала совершения преступления, что характерно не для покушения на преступление, а для приготовления к преступлению. Представляется оптимальным считать, что покушением на преступление признается не завершённое или не повлекшее наступления желаемого последствия действие или бездействие *по непосредственному совершению умышленного преступления*»² (выделено нами. – авт.).

Соглашаясь с критикой использования в законе абстрактной формулировки «непосредственно направленных на совершение преступления»³, считаем, что предложенная дефиниция покушения в качестве действий по непосредственному совершению умышленного преступления также не отличается однозначностью своего толкования. Так, например, можно ли признать приход к месту совершения преступления, ожидание потерпевшего для реализации своего намерения в качестве действий по непосредственному совершению преступления, или же такие действия следует рассматривать в качестве создания условий?

Правильное решение поставленного вопроса зависит от четкости описания отличительного признака конструкций состава приготовления и покушения в уголовном законе.

---

¹ См.: Иванов В.Д. Указ. соч. С. 13.

² Благов Е.В. Указ. соч. С. 23-24.

³ Абстрактность используемой законодателем формулировки «непосредственно направленных на совершение преступления» также подтверждается анализом научной литературы. Так, В.Д. Иванов отмечает: «Наличие у субъекта сформировавшегося умысла на совершение преступления и проведение им подготовительных действий, направленных на его осуществление, свидетельствуют о том, что он приступил *к непосредственному совершению преступления*» (выделено нами. – авт.). См.: Иванов В.Д. Ответственность за покушение на преступление. С. 32. Очевидно, автор уже распространяет данную формулировку не только на покушение, но и на подготовительные действия, что полностью ликвидирует грань между указанными конструкциями.

По нашему мнению, в качестве такого признака должна выступать объективная сторона составов приготовления к преступлению и покушения на преступление¹.

Так, объективная сторона состава приготовления заключается в любых действиях по созданию условий, но при этом лицо не выполняет те действия, которые образуют объективную сторону конкретного состава преступления.

Конструкция состава покушения, наоборот, предполагает совершение действий, относящихся к объективной стороне конкретного состава преступления.

Исходя из этого, конструкцию состава покушения можно сформулировать следующим образом: это совершение действия (бездействия), образующего объективную сторону конкретного состава преступления, не доведенное до конца по не зависящим от лица обстоятельствам.

Предложенное определение умышленно не содержит указания на преступные последствия, поскольку стадия исполнения преступления может привести к наступлению преступного результата, однако в том случае, если данные последствия не совпадают с последствиями, указанными законодателем в конкретном составе преступления, содеянное будет образовывать покушение на преступление².

Закрепление объективной стороны в качестве признака, разделяющего конструкции составов приготовления и покушения, позволит унифицировать судебную практику, в частности, приведенные нами примеры пограничных деяний смогут получить однозначное решение. Так, если лицо только приезжает на место преступления и поджидает потерпевшего, то конкретных действий, входящих в объективную сторону, оно еще не совершает, такая совокупность признаков соответствует конструкции состава приготовления.

Правильность представленного вывода подтверждается и судебной практикой. Например, по делу Т. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала, что прибытие Т. к месту

---

¹ Именно такое отличие приготовления и покушения приводится в научной литературе, хотя без связи с составом преступления. См.: Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая. М., 1948. С. 353. Рассмотрение же приготовления к преступлению и покушения на преступление в качестве конструкций составов преступлений позволяет выделять, как объективные, так и субъективные признаки.

² О возможности «наступления последствий при покушении» указывалось в научной литературе. См.: Благов Е.В. Указ. соч. С. 20. Однако обратим внимание на некоторую терминологическую неточность. Как указывалось на страницах работы, последствия при покушении наступить не могут, поскольку последнее является лишь законодательной конструкцией. Последствия же наступают на стадии исполнения преступления, на определенном этапе механизма совершения деяния.

совершения преступления с целью изнасилования потерпевшей направлено на обеспечение возможности совершения этого преступления и потому эти действия следует расценивать как приготовление к изнасилованию¹.

Аккумулятивные в составе покушения на преступление признаки позволяют составить более подробное представление о стадии совершения деяния:

1. На стадии исполнения лицо приступает к совершению действий (бездействия), направленных на причинение вреда конкретному объекту преступления. В отличие от стадии планирования, при исполнении преступления имеется непосредственная связь между совершаемым деянием и его влиянием на объект преступления.

Так, В.Д. Иванов подчеркивает: «...Являясь преступным посягательством, покушение на преступление, в какой бы форме оно ни выражалось, всегда связано с объектом посягательства»². Следует оговориться, что в рамках представленного соотношения стадий механизма преступного деяния и конструкций составов приготовления, покушения и оконченного преступления, более уместно говорить о связи стадии совершения деяния на объект посягательства.

При этом причинение вреда объекту на стадии совершения деяния может проявляться различным образом:

- реальное причинение вреда общественным отношениям³;
- угроза наступления вреда (такая ситуация имеет место при неоконченном покушении, когда виновный еще не выполнил всех запланированных действий, необходимых для наступления преступного результата, либо используемая законодателем конструкция не связывает юридический момент окончания преступления с реальным причинением вреда);
- причинение иного вреда, который не охватывался умыслом виновного лица⁴.

Таким образом, уяснение объекта посягательства, соответствующего направленности умысла виновного, имеет принципиально важное значение, поскольку объект преступления предопределяет характер тех действий, которые необходимо совершить.

---

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 3. С. 21-23.

² Иванов В.Д. Ответственность за покушение на преступление. Караганда, 1974. С. 33.

³ В этом случае стадия наступления результата по времени будет совпадать со стадией совершения деяния.

⁴ Случаи причинения вреда объекту при направленности умысла на иной объект в научной литературе именуется ошибкой в объекте.

2. Стадия исполнения всегда проявляется в совершении действий (либо бездействия), образующих объективную сторону конкретного состава преступления.

Как верно указывает Г.В. Тимейко, «от правильного определения границ преступного действия зависит определение стадий развития умышленного преступления...»¹. Другими словами, начальный момент преступного действия позволяет определить начало исполнения и отграничить данную стадию от планирования².

Несмотря на значимость данного вопроса, его нельзя отнести к числу разработанных. В этой части следует согласиться с А.П. Козловым, утверждающим, что «теория уголовного права на сегодня не способна очертить пределы деяния-исполнения»³.

Начальным моментом преступного действия, по мнению Г.В. Тимейко, является «тот момент, когда совершенные телодвижения приобретают черты общественной опасности и уголовной противоправности»⁴. Позволим себе не согласиться с подобной обобщенной формулировкой, которая не позволяет отграничить действия, образующие конструкцию приготовления, от действий, свидетельствующих о покушении. Так, многие приготовительные действия уже представляют общественную опасность и к тому же могут сами по себе образовывать конкретный состав преступления.

По нашему мнению, при определении начального момента совершения действия, образующего объективную сторону, следует руководствоваться двумя правилами:

1. Действия должны непосредственно воздействовать на конкретный объект преступления с целью причинения ему вреда.

2. Совершенные действия необходимо соотнести с описанием объективной стороны конкретного состава преступления в нормах Особенной части УК РФ.

Данное правило в несколько ином варианте предложено А.П. Козловым. В частности автор, определяя начало деяния-исполнения, указывает, что оно «должно отражать специфику вида преступления»⁵.

Таким образом, только совершение первых телодвижений по исполнению конкретного состава преступления, воздействующих на

---

¹ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д., 1977. С. 42.

² В свою очередь, правильное определение стадии в механизме позволит осуществить привлечение к уголовной ответственности.

³ Козлов А.П. Стадии совершения преступления... С. 66.

⁴ См. Тимейко Г.В. Указ. соч. С. 43.

⁵ См.: Козлов А.П. Стадии совершения преступления... С. 92.

определенный объект, может свидетельствовать о начале преступного действия.

В ряде конкретных составов преступлений законодатель четко описывает преступное действие, и определение начального момента его совершения трудностей не вызывает. Например, в составе террористического акта (ст. 205 УК РФ) начало действий, образующих объективную сторону, определяется как совершение взрыва, поджога и иных действий¹.

Однако при описании отдельных конкретных составов преступлений не всегда возможно четко описать начало преступного действия. Например, действия, направленные на причинение смерти, могут быть настолько разнообразны, что законодатель при конструировании состава убийства не конкретизирует их. В этом случае установить начало преступного действия возможно только путем толкования уголовного закона, функцию по осуществлению которого в настоящее время взял на себя Пленум Верховного Суда РФ.

В качестве критерия, позволяющего установить начало исполнения деяния, по мнению А.П. Козлова, выступает соответствие деяния «специфике замысла лица»².

Но нами подобный критерий не выделяется по следующим соображениям. Вопрос о начале исполнения деяния должен рассматриваться в рамках конкретного вида преступления. Иначе говоря, нет смысла проводить рассуждения о начале абстрактного преступления. В том же случае, если разновидность преступления уже определена, то априори установлен и умысел лица на совершение действий по исполнению именно конкретного преступления.

Исполнение преступления может состоять не только в действии, но и в бездействии.

Г.В. Тимейко начало совершения бездействия связывает с моментом «когда в объективной реальности возникла угроза причинения вреда или начал причиняться вред объекту»³. Позволим не согласиться с мнением автора по следующим основаниям. Во-первых, используемое нами толкование бездействия через категорию действия с отрицательным значением предопределяет необходимость связывать начало совершения бездействия с моментом невыполнения действия. Во-вторых, предлагаемое автором определение начала бездействия через причинение вреда объекту свидетельствует об одномоментном понимании начала и окончания бездействия, по-

---

¹ В Особенной части УК РФ насчитывается около 260 составов с конкретным описанием деяния.

² См.: Козлов А.П. Стадии совершения преступления... С. 92.

³ Тимейко Г.В. Указ. соч. С. 43.

скольку при наступлении вреда объекту уже наступают преступные последствия.

По нашему мнению, начальным моментом преступного бездействия, образующего стадию исполнения, следует считать момент невыполнения тех действий, которые лицо обязано было совершить. Такой момент, по верному замечанию Г.В. Тимейко, должен характеризоваться только невыполнением юридически обязательных действий, когда они стали «объективно необходимыми и реально возможными»¹.

Например, при убийстве, совершаемом путем бездействия, необходимым момент несовершения лицом обязательных для него действий (например, отказ матери кормить ребенка для причинения ему смерти).

Помимо начального момента деяния, установлению подлежит и конечный момент деяния, который не находит однозначного понимания в науке уголовного права.

Так, по мнению одних авторов, конечный момент посягательства должен связываться с ущербом, причиняемым объекту. Очевидно, что сторонники данной позиции приравнивают конечный момент действия и наступление преступного результата в единое целое, что в принципе не совсем верно, поскольку такое правило определения конечного момента «работает» далеко не во всех случаях. В частности, такое «несовпадение» имеет место в преступлениях, где деяние и последствия отдалены друг от друга во времени (например, лицо отправляет посылку с ядом и потерпевший, получив посылку и употребив ее, умирает).

Наиболее верно утверждение тех авторов, которые связывают завершение активной формы деяния либо с последним актом телодвижений, либо с моментом наступления последствий².

Момент завершения бездействия должен связываться с моментом, когда отпадает необходимость или устраняется возможность предотвратить вред³. Такая необходимость может прекращаться по различным основаниям, связанным с наступлением последствий, изданием акта об амнистии и т.д.

Заключительным этапом в механизме преступного деяния выступает наступление результата.

В.Н. Кудрявцев приравнивает преступный результат к преступной цели, которую преследует виновный⁴.

---

¹ Тимейко Г.В. Указ. соч. С. 63.

² Там же. С. 22-23, 43.

³ Там же. С. 63. Аналогичного мнения придерживается В.Н. Кудрявцев. См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 95.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н. Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 227.

Однако цель не характерна для преступлений, совершаемых по неосторожности, следовательно, предложенная автором формула «цель-достигнутый результат» не является универсальной.

По нашему мнению, понятие преступного результата необходимо связывать с теми негативными изменениями, которые произошли в объекте после совершения деяния.

Выделение в содержании стадии исполнения таких элементов, как совершение деяния и наступление результата — достаточно условное, поскольку нельзя утверждать, что в каждом преступлении деяние и результат происходят в разных временных отрезках и сменяют друг друга. Поэтому следует выделять три различные модели стадии исполнения.

Первая модель представляет собой ситуацию, в которой деяние и результат отдалены друг от друга во времени, что позволяет провести четкое разграничение между конечным моментом деяния и наступившим результатом. В качестве примера преступления с такой моделью выступает убийство, в котором удар ножом и наступление смерти могут быть отдалены друг от друга во времени.

Вторая модель является наиболее распространенной и заключается в том, что конечный момент деяния и преступный результат во времени совпадают. Например, при изнасиловании с момента полового сношения наступает результат в виде нарушения половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Третья модель характеризует механизм тех преступлений, которые не завершились наступлением результата.

По общему правилу, механизм любого преступного деяния развивается до наступления результата, который свидетельствует о фактическом окончании деяния (исключения составляют те случаи, когда деяние прервано по причинам, зависящим либо не зависящим от виновного лица). Именно поэтому следует согласиться с В.Д. Филимоновым, утверждающим: «Каждое преступление причиняет вред личности, обществу или государству»¹.

Однако законодатель, конструируя состав преступления, может перенести момент окончания преступления на стадии, предшествующие наступлению результата. В таких составах преступление будет признаваться юридически оконченным даже при ненаступлении преступного результата в механизме совершения деяния.

Как верно отмечает С.В. Землюков, «...нет сомнения в том, что установление момента окончания преступления до фактического

---

¹ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 112.

наступления преступного вреда является достаточно распространенным приемом законодательной техники»¹.

Способность законодателя балансировать моментом окончания преступления при помощи средств юридической техники, перенося его на различные этапы механизма преступного деяния, привела к необходимости различать юридический и фактический момент окончания преступления.

На различия фактического и юридического момента окончания преступления обращалось внимание еще в 70-е гг. XX в.²

Различие юридического и фактического момента окончания также присуще зарубежному уголовному праву. Так, в немецкой доктрине «различаются окончание деяния при выполнении всех признаков преступления и окончание деяния в материальном смысле, завершение “событий”»³.

В период действия нового уголовного законодательства в науке уголовного права были высказаны предложения по законодательному закреплению понятия «момент фактического окончания преступления». Например, С.Ф. Милуков, критикуя современное определение времени совершения преступления, данное в ч. 2 ст. 9 УК РФ, считал необходимым связать его с фактическим окончанием преступления, включая наступление предусмотренных законом последствий⁴.

Объяснение этого феномена кроется в сложной структуре самого объекта преступления, включающей в себя охраняемое общественное отношение и охраняющее. Степень поражения объекта уголовно-правовой охраны, получающая отражение в составе преступления, может быть различной. Если бы в каждый состав преступления включался как вред охраняемому общественному отношению, так и вред охраняющему отношению, то момент фактического окончания преступления и момент его юридического окончания совпадали бы. Однако в силу разных причин делается это далеко не всегда. Вред, причиняемый охраняющему общественному отношению и выражающийся в его разрыве, действительно находит свое отражение в лю-

---

¹ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. С. 63.

² См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1970. Т. 2. С. 392; Курс советского уголовного права. Часть Общая / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. 2. С. 413; Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991. С. 60-68.

³ См.: Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 249.

⁴ См.: Милуков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 48.

бом составе преступления через описание самого общественно опасного деяния (в узком смысле слова), тогда как вред, причиняемый охраняемому общественному отношению и материализующийся в поддающихся установлению общественно опасных последствиях, вводится законодателем в конкретные составы преступлений в качестве самостоятельного признака объективной стороны весьма избирательно. Именно поэтому некоторые преступления, юридически завершившись в момент причинения вреда охраняемому общественному отношению, фактически становятся оконченными лишь в момент причинения вреда охраняемому общественному отношению, т.е. в момент наступления материализованных общественно опасных последствий, находящихся за пределами состава преступления. Так, разбой, будучи преступлением против собственности, юридически считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или угрозой такого насилия, фактически же он оказывается завершенным лишь с момента причинения вреда собственности как охраняемому общественному отношению.

В научной литературе было высказано и другое мнение о возможном соотношении во времени моментов фактического и юридического окончания преступления. В частности, М.И. Федоров по этому поводу писал: «Может быть такое положение, когда фактическое окончание преступления наступит значительно раньше юридического. Так, смерть потерпевшего, наступившая спустя продолжительное время после причинения ему опасного для жизни повреждения, является обязательным признаком оконченного умышленного или неосторожного убийства. Однако фактически преступление следует считать оконченным с момента нанесения повреждений...»¹.

С такой позицией трудно согласиться, поскольку здесь речь идет не о моменте фактического окончания преступления в целом, а о моменте окончания деяния, понимаемого в узком смысле слова, т.е. о моменте завершения действия лица. Между тем, как справедливо отмечает В.Н. Кудрявцев, «когда действие (бездействие) закончилось, но преступные последствия еще не наступили (например, субъект произвел выстрел, но пуля еще не попала в цель), объективную сторону преступления еще нельзя признать оконченной»².

Таким образом, момент фактического окончания преступления, определяемый причинением вреда охраняемому общественному от-

---

¹ Курс советского уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Т. 2. С. 392.

² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 16.

ношению, не следует смешивать с моментом прекращения или прерывания преступной деятельности (бездеятельности) лица.

Особое значение это обстоятельство имеет применительно к продолжаемым и длящимся преступлениям. Если применительно к другим преступлениям указанные выше моменты (фактического окончания и прерывания либо прекращения преступного поведения лица) обычно совпадают (причинив вред охраняемому уголовным правом объекту, лицо прекращает свою деятельность в рамках данного конкретного преступления), то длящиеся и продолжаемые преступления являются исключением из этого правила. Момент их прекращения (по воле лица) или прерывания (против воли лица) во времени может далеко выходить за пределы момента причинения вреда не только охраняемому общественному отношению, но и охраняемому общественному отношению. Иначе говоря, он может наступать гораздо позднее даже момента фактического окончания преступления. Например, уклонение от уплаты налогов, предусмотренное ст. 198 и 199 УК РФ, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 64 от 28 декабря 2006 г. «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления», юридически и фактически считается оконченным с момента фактической неуплаты налогов в срок, установленный налоговым законодательством. Именно в этот момент причиняется вред охраняемому общественному отношению как подсистеме объекта, наступают общественно опасные последствия в виде имущественного ущерба бюджетной системе РФ, заключающегося в неполучении должного. Прекращение преступного бездействия, предпринятое лицом после этого и выражающееся в уплате налогов, нельзя считать моментом фактического окончания этого преступления в изложенном его понимании. Конечно, в любой момент бездействия-уклонения преступление может расцениваться как фактически оконченное, т.е. причинившее вред охраняемому уголовным законом общественному отношению. Но это не значит, что любой момент бездействия в длящемся преступлении и есть момент его фактического окончания. Таковым является только начальный момент этого бездействия.

Вместе с тем между юридическим и фактическим моментом окончания преступления прослеживается тесная связь, заключающаяся в том, что именно фактический момент окончания преступления, отождествляясь с наступлением результата, оказывает влияние на законодательное определение юридического момента окончания.

С учетом разницы между юридическим и фактическим моментами окончания преступления и различий в уголовно-правовом зна-

чении этих моментов в научной литературе при употреблении проанализированных выше понятий следовало бы уточнять, о каком моменте окончания преступления идет речь и какого рода последствия преступления (вред охраняемому или охраняющему общественному отношению), связываемые с моментом окончания, имеются в виду. Иначе трудно судить о правильности высказываемых положений. Так, Н.Ф. Кузнецова, обращаясь к понятию оконченного преступления, данному в ст. 29 УК РФ, указывает, что концом преступления является наступление общественно опасного последствия. Очевидно, что в данном случае имеется в виду юридически завершенное преступление (преступление, содержащее все признаки состава). Однако если под последствиями понимать материализованный вред, причиняемый охраняемому общественному отношению, то согласиться с автором нельзя, поскольку такой вред входит не во все составы и, следовательно, невозможно отождествлять с ним момент юридического окончания любого преступления¹.

Значение же юридического момента окончания преступления заключается в том, что его установление позволяет признать преступление оконченным, предполагающим наличие в совершенном лицом деянии всех признаков состава преступления, предусмотренного УК РФ (ч. 1 ст. 29 УК РФ).

Неразрывная связь оконченного преступления и момента окончания преступления демонстрирует несовершенство законодательного определения оконченного преступления, которое не содержит указания на момент окончания, что позволяет согласиться с утверждением Ю. Демидова о его непригодности «для практического решения вопроса о моменте окончания преступления»².

В связи с этим считаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 29 УК РФ и под оконченным преступлением понимать «деяние, в котором нашел отражение юридический момент окончания преступления, а также содержатся все обязательные признаки состава преступления, предусмотренные уголовным законом».

Еще одним недостатком дефиниции оконченного преступления, по мнению А.И. Ситниковой, выступает «отсутствие указания на

---

¹ Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика. М., 2013. С. 19-20.

² Демидов Ю. Понятие оконченного преступления // Советская юстиция. 1966. № 16. С. 21. На значимость момента окончания в дефиниции оконченного преступления указывали и другие ученые. См.: Иванчина С.А. Оконченное преступление. М., 2013. С. 58-59.

субъективную направленность преступного деяния»¹. «Привязка» понятия оконченного преступления исключительно к преступлениям, совершаемым с прямым умыслом, является достаточно традиционной для сторонников «классического» понимания стадий совершения преступления².

Так, если не существует оконченных преступлений, совершаемых по неосторожности, то почему абсолютное большинство ученых, анализируя конкретные составы неосторожных преступлений в Особенной части, рассматривают вопрос о признании того или иного преступления оконченным³? И какой характеристикой, с точки зрения этапов своего развития, в этом случае обладают неосторожные преступления?

Ответов на эти вопросы сторонники рассмотрения оконченного преступления исключительно для преступлений, совершаемых с прямым умыслом, не дают, что связано, по мнению А.П. Козлова, с догмой невозможности стадий в неосторожных преступлениях⁴.

Как уже отмечалось, признание оконченного преступления последней стадией развития преступного деяния явно не соответствует смысловому значению оконченности деяния, предполагающему «прекращение развития преступления во времени и пространстве»⁵, поскольку при наступлении момента юридического окончания преступления механизм преступного деяния не завершается (имеются в виду случаи несовпадения юридического и фактического момента окончания). Например, признание разбоя юридически оконченным в момент нападения, совершенного с применением насилия, опасного для жизни и здоровья⁶, не означает завершения преступных действий в механизме данного деяния. А как показывает анализ судебной практики, чаще всего после нападения процесс совершения дея-

---

¹ Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. С. 102.

² См.: Уголовное право РФ. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 2002. С. 230; Герцензон А.А. Указ. соч. С. 345-346; Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению... С. 38 (несмотря на то, что Н.Ф. Кузнецову нельзя отнести к числу сторонников «традиционного» понимания стадий, оконченное преступление она рассматривает только как умышленное преступление).

³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есакова. М., 2015. С. 153, 407 и др.; Комментарий к Уголовному кодексу РФ для работников прокуратуры / под ред. В.В. Малиновского, А.И. Чучаева. М., 2011. С. 699, 770 и др.

⁴ См.: Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002. С. 132.

⁵ Козлов А.П. Стадии совершения преступления... С. 127.

⁶ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 3.

ния продолжается изъятием имущества, его дальнейшим распоряжением. В связи с тем, что оконченное преступление не отражает процесс совершения деяния, его не следует признавать стадией совершения преступления.

По нашему мнению, аналогично приготовлению и покушению, оконченное преступление является не чем иным, как законодательной конструкцией состава преступления, сущность которой заключается в наступлении момента юридического окончания преступления, в котором в совершенном деянии оказываются представлены все признаки состава преступления¹.

Учитывая, что в составе каждого преступления, независимо от формы вины, регламентируется юридический момент окончания, то очевидно, что оконченными могут признаваться как умышленные, так и неосторожные преступления.

В том же случае, если механизм совершения деяния по оси своего развития еще дошел до той стадии, которая объявлена законодателем оконченным преступлением, применению подлежат конструкции составов приготовления или покушения на преступление.

При этом необходимо помнить, что состав приготовления к преступлению может существовать только на стадии планирования, когда лицо еще не совершает действия по исполнению объективной стороны конкретного состава преступления, закрепленного в Особенной части УК РФ.

В свою очередь, состав покушения может применяться только на стадии исполнения преступления в следующих случаях:

1) при прерывании преступной деятельности на этапе совершения деяния до наступления момента юридического окончания преступления;

2) при ненаступлении преступного результата, необходимого для юридического окончания преступления.

Признание покушения на преступление не стадией совершения преступления, а юридической конструкцией актуализирует вопрос относительно существующей в научной литературе классификации видов покушения на оконченное и неоконченное. Первая разновидность предполагает фактическое совершение виновным всех запланированных действий (либо всех, по его мнению, достаточных для

---

¹ Понимание оконченного преступления как конструкции состава представлено А.Г. Безверховым, Д.В. Решетниковой. См.: Безверхов А.Г. О проблеме конструирования составов преступлений по моменту окончания // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2012. № 1. С. 70-78; Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 53.

достижения результата действий). При второй разновидности лицо, наоборот, не успевает совершить запланированные действия и осознает данное обстоятельство¹.

Представленное содержание разновидностей покушения опять-таки свидетельствует о существующем в настоящее время смешении стадий как этапов совершения преступления и закреплённой в уголовном законе конструкции покушения. Так, если рассматривать возможность такой классификации с точки зрения стадий механизма преступного деяния, то подобное деление недопустимо, поскольку преступление в своем развитии не проходит этапы неоконченного и окончательного покушения.

Деление покушения на виды в рамках единой юридической конструкции состава покушения также нецелесообразно по следующим основаниям. Во-первых, признаки, закреплённые в составе покушения, имеют обобщенный характер и распространяются на такую стадию механизма, как исполнение преступления. Во-вторых, предложенное деление не влияет на квалификацию преступления.

В качестве последнего аргумента, свидетельствующего о значимости деления покушения на виды, в научной литературе указывается «влияние на назначение наказания»². По нашему мнению, данный аргумент также нельзя признать состоятельным, поскольку суд при назначении наказания должен учитывать «не виды покушения», а особенности всех совершенных стадий механизма преступного деяния.

Следует иметь в виду, что если составы приготовления и покушения могут применяться только на определенной стадии механизма³, то состав окончательного преступления нельзя связывать с какой-либо одной стадией, поскольку «уголовный закон по-разному конструирует состав преступления, и в зависимости от этого момент признания преступления окончательным будет различным. Так, в одних случаях преступление будет окончательным при наступлении вредных последствий, точно предусмотренных статьями Особенной части УК. В других случаях преступление считается окончательным с момента совершения тех действий, которые запрещены законом,

---

¹ См.: Благоев Е.В. Указ. соч. С. 25. Тадевосян Л.З. Указ. соч. С. 33-34; Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. С. 42; Герцензон А.А. Указ. соч. С. 355.

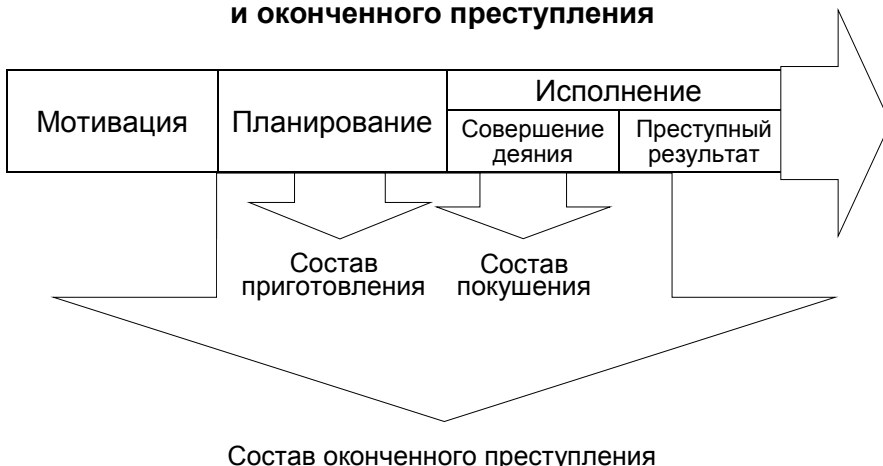
² См.: Насимов Г.А. Указ. соч. С. 59.

³ Состав приготовления может применяться только на стадии планирования, а состав покушения – на стадии исполнения.

либо, наоборот, с момента несовершения действий, которые закон предписывает совершить»¹.

Представленные рассуждения можно проиллюстрировать схемой.

**Взаимосвязь стадий механизма преступного деяния
и конструкций составов приготовления
к преступлению, покушения на преступление
и оконченного преступления**

Схема 1

Таким образом, представленные в гл. 6 УК РФ понятия приготовления, покушения и оконченного преступления представляют собой не стадии совершения преступления, а законодательные конструкции составов преступлений, закрепленные в Общей части УК РФ, которые представляют собой совокупность обязательных признаков, выступающих основанием уголовной ответственности при прерывании преступного поведения на определенной стадии механизма², а также позволяющих индивидуализировать уголовную ответственность в зависимости от этапа реализации преступного деяния.

Следует отметить, что подобное предложение о разделении понятий стадии совершения преступления и разновидностей приготовления, покушения и оконченного преступления, правда, в несколько ином варианте, было предложено Н.Д. Дурмановым, который отме-

¹ Иванов В.Д. Указ. соч. С. 11-12.

² На указанное предназначение понятий приготовления и покушения неоднократно указывалось в научной литературе. См.: Насимов Г.А. Указ. соч. С. 24.

чал: «Термин “стадии совершения преступления” нередко употребляется в двояком значении: 1) для определения тех этапов, которые проходят оконченные преступления, 2) для определения особенностей ответственности за преступное деяние в зависимости от этапа, на котором было прекращено совершение преступления»¹. По нашему мнению, второе значение как таковое стадиями являться не может, поскольку это противоречит смысловому значению стадий как «этапов совершения преступления». Соответственно, для реализации особенностей уголовной ответственности целесообразно говорить не о стадиях совершения преступления, а о законодательных конструкциях составов неоконченного² и оконченного преступления.

Признание приготовления к преступлению, покушения на преступление и оконченного преступления конструкциями составов преступлений позволяет перейти на следующий уровень познания, предполагающий рассмотрение оконченного преступления (поскольку именно оно составляет предмет нашего исследования) в этом ракурсе.

Конструкция (от лат. *constructio* – составление, построение) означает строение, устройство чего-либо. Выступая средствами законодательной техники, они представляют собой «схемы, модели, типовые образцы, используемые законотворцем для формулирования правовых норм, построения права»³.

Конструкции состава оконченного преступления являются моделями, в которых находит отражение юридический момент окончания преступления, установленный законодателем на определенной стадии механизма преступного деяния.

Каждая конструкция состава оконченного преступления отличается от остальных особенностями момента окончания. Многообразие таких конструкций, а следовательно, и различных моментов окончания преступлений вызывает необходимость их классификации, что и будет выступать предметом дальнейшего исследования.

---

¹ Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления... С. 11.

² В.Д. Иванов подчеркивает удачность термина неоконченные преступления, указывая: «Особенности характера преступной деятельности заключаются в том, что преступная деятельность не доводится до конца по причинам, не зависящим от виновного» (Иванов В.Д. Указ. соч. С. 13).

³ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Указ. соч. С. 57.

§ 1.2. Научные подходы относительно классификации конструкций составов оконченных преступлений

Первые попытки разработки классификации составов оконченных преступлений имели место еще XIX в. Истоки данной теории, восходящие еще к Биндингу (XIX в.), впоследствии в начале XX в. были развиты в учениях А.Н. Круглевского, П.И. Люблинского. Так, А.Н. Круглевский писал о «нормальном типе составов» и «усеченных, где в роли оконченного преступления выступает действие»¹.

Однако до настоящего времени не достигнута ни терминологическая, ни численная определенность в выделяемых видах. А отдельными учеными вообще высказываются критические замечания относительно такого деления составов с указанием на тот довод, что любое преступление влечет определенные последствия.

Например, Н.Ф. Кузнецова подчеркивает: «Само законодательное понятие “деяние” включает в себя не только характеристику форм поведения – действие и бездействие, – но и вредные последствия»².

Очевидно, что в основе такого подхода лежит широкая трактовка преступного результата, которую достаточно трудно оспорить, т.к. нельзя отрицать тот факт, что деяние возводится в ранг преступлений именно из-за своей вредоносности.

Однако если преступление – это явление, происходящее в реальной жизни, то состав преступления – это модель, описывающая данное явление языком закона. При этом способы описания преступления могут быть различными, в т.ч. и без указания на причиняемый вред.

По нашему мнению, классификация составов оконченных преступлений не только имеет под собой достаточные основания, но и востребована теорией уголовного права и практикой применения уголовного закона. С точки зрения практической значимости, унифицированная классификация конструкций составов оконченного преступления позволяет не только единообразно устанавливать вид

---

¹ См.: Круглевский А.Н. Имущественные преступления. СПб., 1913. С. 43-46; Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 26-27.

² Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 56.

конструкции, используемой законодателем¹ в Особенной части УК РФ, влияющий на обязательные признаки состава преступления, а также момент окончания, но и, как следствие, избежать ошибок в квалификации деяния. В теоретическом же плане классификация составов оконченного преступления сводит все многообразие возможностей установления юридического момента окончания преступления к определенным типовым моделям.

Даже те исследователи, которые по разным причинам ее не признают, не могут отрицать того факта, что объективная сторона преступления как развивающееся во времени явление в различных составах преступлений конструируется неодинаково и, следовательно, неодинаково будет определяться момент их юридического окончания.

Представляется, что совершенно прав Л.Л. Кругликов, который указывает: «Если отвлечься от упреков чисто терминологического порядка (т.е. насколько удачны обозначения: усеченный состав, формальный и т.д.), сосредоточив внимание на сути проблемы, то нельзя не увидеть зависимость используемой законодателем в конкретном случае конструкции от его намерения так или иначе определить момент окончания описываемого в статье Особенной части Уголовного кодекса вида преступления. <...> Отрицание факта существования анализируемых конструкций наносит, безусловно, ощутимый урон и теории, и практике»².

Логичное объяснение возможности выделения формальных и материальных составов преступлений, вполне совместимое с положением о том, что всякое преступление причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны, дает В.Д. Филимонов в рамках концепции сложной структуры объекта. С его точки зрения, характерное для любого преступления причинение вреда объекту отражают и формальные, и материальные составы. Однако в материальных составах отражены оба вида вреда, причиняемого объекту, – и вред охраняемому общественному отношению, материализующийся в определенных общественно опасных последствиях, и вред охраняемому общественному отношению, заключающийся в нарушении функционирования этого отношения. В формальных же составах отражен только второй вид вреда – вред охраняемому общественному отношению, который неотделим от деяния и особо в норме права не оговаривается. Что же касается общественно опасных по-

---

¹ Проблема установления вида конструкции с очевидностью прослеживается при анализе научной литературы. Так, практически по каждому составу преступления имеет место дискуссия относительно вида конструкции состава.

² Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Указ. соч. С. 70-71.

следствий как признака объективной стороны, то они в такой состав не включаются¹.

Таким образом, классификацию составов преступлений по моменту окончания следует признать обоснованной, не противоречащей фундаментальным положениям доктрины российского уголовного права и имеющей важное значение для решения вопроса о моменте юридического окончания преступления. Ее предназначение заключается в том, чтобы «де-факто разные по моменту окончания преступления влекли одинаковые юридические последствия, неодинаковые по моменту завершения посягательства подчинялись общим правилам назначения уголовного наказания за оконченное преступление»².

Представленный вывод позволяет перейти к непосредственному анализу научных подходов (которых, как мы уже указывали, множество), существующих в научной литературе.

Однако прежде чем выделять конкретные разновидности, а тем более вдаваться в дискуссию о терминологическом оформлении различных видов составов³, необходимо определить классификационное основание, объединяющее виды составов по группам.

Большинство ученых в качестве основания классификации предлагают использовать особенности конструкции объективной стороны, т.е. способы ее законодательного описания⁴. Отдельные исследователи, придерживаясь этого же направления, несколько ограничивают классификационное основание, указывая на описание последствий преступления в диспозиции нормы⁵.

---

¹ Филимонов В.Д. Обстоятельства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления // Уголовное право. 2003. № 2. С. 85.

² Безверхов А.Г. О проблеме конструирования составов преступлений... С. 72.

³ В научной литературе можно встретить возражения против использования практически любого из терминов, которыми обозначаются виды составов в рамках данной классификации. Так, А.Н. Трайнин выступал против термина «усеченный состав» (Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 137). И.С. Тишкевич подвергал критике термины «формальный состав» и «материальный состав» (Более подробно см. об этом: Козлов А.П. Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 795).

⁴ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2008. С. 109; Уголовное право. Общая часть / отв. ред. А.Н. Тарбагаев. М., 2011. С. 94-95; Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М.: Эксмо, 2010. С. 78; Уголовное право. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С. 123.

⁵ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 156; Уголовное право. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1996. С. 105; Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб., 2011. С. 256.

По нашему мнению, выделение таких оснований не слишком удачно, поскольку объективная сторона формальных и усеченных составов (т.е. тех составов, в которых последствия не являются обязательным признаком) в норме закона описывается идентично путем указания исключительно на деяние, но при этом момент окончания преступлений с такими составами абсолютно разный.

А.В. Иванчин предлагает при выделении видов составов использовать разные классификационные критерии. Так, «по функциональной роли последствий в составе – формальные, материальные и формально-материальные...; по моменту окончания – составы с реальными последствиями, составы с возможными последствиями (составы создания опасности), составы завершенных деяний без последствий, составы “деяний-приготовлений”, составы “деяний-покушений”, смешанные составы (например, составы завершенных деяний в комбинации с последствиями)»¹.

Подобная классификация содержит ряд неточностей. Во-первых, не учитывается то обстоятельство, что материальные, формальные и формально-материальные составы различаются как раз по моменту окончания преступления (а в предложенной классификации это уже второй классификационный критерий). Во-вторых, деление составов по моменту окончания опять-таки привязывается к наличию такого обязательного признака, как преступные последствия (что входит в первую классификацию)². Таким образом, классификационные основания в виде функциональной роли последствий и момента окончания неразрывно связаны между собой и разделение их на два вида можно осуществить только условно.

Учитывая, что классификационное основание должно в первую очередь отражать целевое назначение выделяемых групп, в качестве которого в данном случае выступают различия в юридическом моменте окончания преступления, считаем необходимым виды составов выделять именно в зависимости от этого основания. Тот факт, что в составах может быть различная роль преступных последствий, не свидетельствует о каком-то ином основании, поскольку наличие или отсутствие юридических последствий в описании объективной

---

¹ Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 31.

² Думается, именно поэтому автор во второй классификации указывает на преступные последствия как на критерий различных составов, отличающихся по моменту окончания.

стороны опять-таки основано на различиях момента окончания преступления.

Помимо основания классификации составов оконченных преступлений, дискуссионным следует признать количество выделяемых видов.

Традиционно в рамках данной классификации учеными указываются формальные и материальные составы, понимая под первыми составы, в объективную сторону которых законодателем не включены общественно опасные последствия, а под вторыми – составы, содержащие в себе такие последствия¹.

Отдельными авторами добавляются к этим двум видам составов одна или несколько дополнительных классификационных групп, в частности, усеченные составы, составы опасности² либо эти же виды составов рассматриваются как разновидности формального и материального состава³.

И наконец, существуют «нетрадиционные» точки зрения, предлагающие выделять «нематериальные составы», при этом основным аргументом такой новации указывается нарушение классификационного основания выделяемых групп.

К таким составам Г.А. Насимов предлагает относить преступления, в которых преступный результат носит моральный, политический характер⁴. Несколько иное понимание нематериальных составов предложено С.А. Иванчиной: «Это составы, момент окончания связан с совершением указанных в уголовном законе действий (бездействия)»⁵.

По нашему мнению, используемая терминология привносит путаницу в устоявшуюся классификацию составов преступлений. Так, предложенное понимание нематериальных составов показывает их идентичность по своему содержанию с формальными составами.

Таким образом, следует констатировать терминологическое и видовое разнообразие относительно видов составов оконченного

---

¹ См., например: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 164; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога и А.И. Чучаева. М., 2007. С. 87-88.

² См., например: Курс советского уголовного права. Часть Общая / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968. Т. 1. С. 270-271.

³ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога и А.И. Чучаева. С. 87-88.

⁴ См.: Насимов Г.А. Указ. соч. С. 33.

⁵ См.: Иванчина С.А. Указ. соч. С. 153.

преступления, что, безусловно, не пригодно для создания четкой и стройной классификации составов оконченных преступлений и нуждается в систематизации.

Учитывая, что классификация составов преступлений по моменту окончания призвана выделить возможные варианты составов, устанавливающие юридический момент окончания на разных этапах механизма преступного деяния, то количество вариантов (видов) составов должно соответствовать стадиям механизма.

Юридический момент окончания преступления может быть установлен как на этапе наступления результата (и в этом случае юридический и фактический момент окончания совпадают), так и предшествующих стадиях в виде планирования либо совершения деяния (действия или бездействия). Поэтому однозначно можно согласиться с высказанным в науке мнением, что конструкций состава преступлений, используемых законодателем для установления момента окончания преступления, в действительности не две (формальные и материальные составы) и даже не три (формальные, материальные и усеченные составы), а гораздо больше.

Так, Л.Л. Кругликов представляет большое количество разновидностей составов преступлений в зависимости от особенностей момента окончания, указывая, что «в одних нормах этот момент связывается с фактическим наступлением последствий, в других – с угрозой их наступления, в третьих – с совершением действий (бездействия), причем оказавшихся успешными для виновного, хотя и не повлекшими преступных последствий (о них не говорится в диспозиции статьи), в четвертых – с формальным моментом окончания деяния, в пятых – с совершением хотя бы части деяния, описанного в законе, в шестых – с приготовительными действиями»¹.

Выделение составов преступлений в зависимости от момента окончания на различных стадиях механизма преступного деяния терминологически может оформляться в уже устоявшиеся в науке уголовного права виды, но с определенными дополнениями. Так, установление момента окончания деяния на этапе наступления результата с приданием последнему юридического выражения образует материальный состав; на начале совершения деяния – усеченный состав; на конечном моменте совершения деяния – формальный состав.

---

¹ См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Указ. соч. С. 71.

Помимо названных составов, момент окончания преступления может быть установлен на этапе планирования (подготовительных действий), в связи чем дополнительно следует выделять в рамках данной классификации состав планирования.

Строго говоря, законодатель в таких составах оконченным преступлением объявляет приискание соучастников, сговор, приискание, изготовление, приспособление средств или орудий и иное умышленное создание условий.

В научной литературе существуют предложения о выделении отдельных подготовительных действий в качестве самостоятельных составов преступлений. Так, А.Г. Безверхов вовлечение соучастников предлагает обособить в отдельный состав «деликт соучастников»¹. Д.В. Решетникова считает необходимым преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, признать «составом с двойной превенцией». Однако мы такие составы относим к составам планирования по причине того, что согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ приискание соучастников является разновидностью подготовительных действий.

Единственная стадия в генезисе механизма преступного деяния, не связанная с конструкциями состава преступления – это стадия мотивации, что связано с признанием в ч. 1 ст. 14 УК РФ преступным исключительно деяния. Иная ситуация имела место в Артикуле воинском, согласно которому отдельные преступления признавались оконченными уже на стадии «голого умысла». Например, арт. 140 закрепляет: «...Ежели пойдут и захотят на поединке биться»².

Нельзя не заметить, что выделяемые виды подвергаются в научной литературе критике с точки зрения терминологического оформления и содержательного наполнения (о чем уже упоминалось ранее).

Так, наибольшая дискуссия касается усеченного состава преступления. Еще А.Н. Трайнин указывал на неудачность термина «усеченный» состав, поскольку «состав всегда един и всегда “полон” теми конкретными элементами, из которых он по закону складывается»³.

Возможно, представленные терминологические упреки на самом деле объективны, однако используемые названия, во-первых, отра-

---

¹ См.: Безверхов А.Г. О проблеме конструирования составов преступлений... С. 70-78.

² См.: Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 388.

³ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. С. 99-100.

жают сущность характеризующих их составов. Так, термин «усеченный» подчеркивает перенос момента окончания на начальные этапы преступной деятельности. Во-вторых, такая терминология уже «устоялась» в науке уголовного права и правоприменительной деятельности и вряд ли требует пересмотра.

Что касается содержания усеченного состава, то в противовес представленной нами позиции, признающей установление момента окончания в усеченном составе на этапе начала совершения деяния, Д.В. Решетникова отмечает: «К усеченным составам относятся составы, где юридический момент окончания преступления перенесен де-факто на стадию приготовления»¹. Однако следует отметить, что ограничение усеченных составов рамками создания условий не согласуется с распространенным в науке уголовного права пониманием усеченных составов как составов, момент окончания которых перенесен на ранние стадии совершения преступления (это в первую очередь стадии исполнения). Так, еще А.Н. Круглевский описал усеченные составы через «действие, должностное вызвать определенный эффект»². С точки зрения связи вида конструкции состава и стадии механизма, на которой располагается юридический момент окончания преступления, также нецелесообразно использовать термин «усеченный состав» в силу его терминологического несоответствия применительно к стадии планирования. Именно поэтому нами состав планирования выделен в отдельную разновидность, с ограничением момента окончания стадией планирования, а усеченный состав связан только со стадией совершения деяния с установлением момента окончания на начале исполнения.

Помимо названных разновидностей составов оконченных преступлений, Д.В. Решетникова предлагает обособлять «состав уголовно наказуемых угроз», в котором момент окончания смещен на этап обнаружения умысла³. Опровергая представленную позицию, следует отметить, что в исследованиях, посвященных насилию, угроза рассматривается как разновидность психического насилия, способного выступать как в качестве самостоятельного деяния, так и способом совершения других преступлений (ст. 162, 131 УК РФ и т.д.). В тех составах, где угроза представляет собой деяние, момент окончания связывается с ее реализацией (доведения до сведения по-

---

¹ См.: Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений... С. 131.

² См.: Круглевский А.Н. Имущественные преступления. С. 43-46; Уголовное право. Общая часть / под ред. А.Н. Тарбагаева. М., 2011. С. 94-95.

³ Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений... С. 17.

терпевшего), что полностью соответствует формальному составу. Если же угроза выступает способом совершения деяния, конструкция состава должна определяться по наличию последствий, а при их отсутствии – по характеристике самого деяния.

Дополнительная аргументация непризнания угрозы обнаружением умысла представлена И.И. Карпецом: «Уголовный закон связывает наказание за угрозу убийством не просто безрассудным подчас заявлением: “убью тебя”, а с обстоятельствами, позволяющими считать такую угрозу реальной. Иначе людей можно было бы привлекать за любое безответственное слово»¹.

В научной литературе в рамках рассматриваемой классификации также выделяются составы опасности, в которых, по верному замечанию Л.Л. Кругликова, «речь идет о возникновении такой ситуации либо таких обстоятельств, которые повлекли бы предусмотренные законом вредные последствия, если бы не были прерваны вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли причинителя вреда»².

В научной литературе составы опасности предлагается относить к различным видам конструкций составов.

Так, А.В. Иванчин относит составы опасности к числу материальных по причине указания в них на преступные последствия³. «Возможность – тоже последствие преступления, при этом предусмотренное законом», – пишет автор⁴. Позволим не согласиться с подобным утверждением, поскольку преступные последствия – это только **реальные изменения, произошедшие в общественных отношениях** (выделено нами. – авт.).

И.А. Бобраков отождествляет состав опасности с усеченным составом⁵, что также нельзя признать верным, т.к. законодатель при описании составов опасности в нормах закона указывает на преступные последствия, с реальной опасностью наступления которых следует связывать момент окончания преступления.

---

¹ См.: Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 105.

² Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Указ. соч. С. 72-73.

³ См.: Иванчин А.В. Проблемы определения вида состава преступления в зависимости от функциональной роли последствий в его законодательной конструкции // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 63.

⁴ Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. С. 261.

⁵ Цит. по: Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права. М., 2011. С. 299.

По нашему мнению, состав опасности занимает самостоятельное место в классификации составов преступлений по моменту окончания, поскольку момент окончания преступления с таким составом не связывается с наступлением преступных последствий (как в материальном составе), а наступает на стадии совершения деяния, создающего угрозу наступления вредных последствий. Отличие от формальных составов заключается в том, что законодатель, описывая состав опасности, придает юридическое выражение тем общественно опасным последствиям (в результате чего появляется сходство этого состава с материальным), для предотвращения которых и создавался такой состав, но не требуя фактического их наступления для признания преступления оконченным.

Помимо названных составов в рамках анализируемой классификации, возможно существование комбинированных составов, соединяющих в себе различные виды конструкций. Так, следует выделять формально-материальные составы, в конструкции которых соединено в альтернативе обязательное и необязательное наступление последствий.

А.Г. Безверхов, описывая такие составы, указывает: «Эта конструкция включает в себя одновременно два общественно опасных деяния (одно из которых с общественно опасными последствиями) и два разных момента окончания»¹.

В действующей редакции УК РФ такую конструкцию нельзя отнести к числу распространенных (она составляет 4,1 %).

Д.В. Решетникова выделяет три вида формально-материальных конструкций:

1) конструкции преступлений, объективная сторона которых предполагает выполнение альтернативных действий (бездействия), одно из которых включает наступление общественно опасных последствий, предусмотренных как признак объективной стороны;

2) конструкции, в которых объединены последовательно два последних этапа развития преступной деятельности. Здесь один момент окончания связан с покушением на преступление, а второй момент – с наступлением материальных общественно опасных последствий;

3) конструкции составов преступлений, в которых не конкретизируются общественно опасные последствия преступления либо

---

¹ См.: Безверхов А.Г. О проблеме конструирования составов преступлений... С. 70-78.

конкретизируются лишь частично. Например, существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (ст. 285, 286, 293 УК и др.)¹.

Положительно оценивая выделение первого и второго вида конструкций формально-материальных составов, нельзя согласиться с предложенной третьей разновидностью (а тем более с приведенными примерами составов, конструкция которых соответствует материальному составу в связи с наличием преступных последствий, позволяющих признать деяние оконченным преступлением), поскольку в приведенной формулировке отсутствует сочетание нескольких конструкций, выступающее обязательным признаком комбинированного состава преступления.

Соединение в одном составе преступления нескольких видов конструкций нельзя ограничивать формально-материальными составами. Так, возможно сочетание состава опасности и материального состава (например, ст. 358 УК РФ «Экоцид» объединяет два самостоятельных деяния, в одном из которых наступление общественно опасных последствий на квалификацию влияния не оказывает, а в другом – предполагает их обязательное наступление в виде массового уничтожения растительного или животного мира, отравления атмосферы или водных ресурсов)².

Особый интерес представляют составы, сочетающие в себе даже не две, а три конструкции. Примером является состав геноцида (ст. 357 УК РФ), включающего в себя следующие составы: материальный (убийство членов национальной, этнической или другой группы либо причинение тяжкого вреда их здоровью); формальный (принудительная передача детей, насильственное переселение); состав планирования (иное *создание жизненных условий*, рассчитанных на физическое уничтожение членов группы).

Представленную классификацию составов преступлений в зависимости от момента юридического окончания преступления можно представить в виде схемы.

---

¹ Решетникова Д.В. Формальный состав преступления в классификационном ряду *corpus delicti* // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 132-136.

² Составы, сочетающие в себе различные конструкции, следует именовать комбинированными.

Виды конструкций составов оконченного преступления

Схема 2

Следует отметить возможности дальнейшего развития классификации видов составов преступлений в рамках выделенных групп.

Так, в материальном составе преступления может быть различным юридическое значение преступных последствий, выступающих обязательным признаком. Существуют материальные составы, в которых ненаступление преступного вреда приводит к невозможности привлечения к уголовной ответственности в связи с отсутствием состава преступления.

В этих составах преступные последствия имеют статус не просто обязательного, а «криминализующего признака»¹.

Типичными примерами такой разновидности материальных составов выступают неосторожные преступления (ст. 109 УК РФ), однако они могут встречаться и в умышленных преступлениях (ст. 146 УК РФ).

В научной литературе можно встретить утверждение (которое, к слову, находит множественные подтверждения в УК РФ), что при описании преступных последствий в качестве криминализующего признака законодателем используется союз «если»². Однако возводить наличие обстоятельственного союза условия в ранг универсального правила описания материальных составов нельзя, поскольку в УК РФ можно увидеть и иные способы описания такой разновидности составов (например, ст. 264 УК РФ).

В отличие в предложенного нами деления материальных составов А.И. Ситникова считает неверным относить составы с криминализующими преступными последствиями к числу материальных³. Ошибочность такой позиции заключается в том, что автор фактически исключает определенный блок конструкций из классификации составов преступлений по моменту окончания, оспаривая явно следующее из диспозиций уголовного закона установление момента окончания таких преступлений моментом наступления преступных последствий, указанных в законе (что полностью соответствует материальному составу преступления). С другой стороны, следует поддержать стремление автора обособить, показать уникальность таких составов преступлений, в связи с чем считаем необходимым в рамках материальных составов преступлений (выделенных по моменту окончания преступления) продолжить классификационный ряд конструкций составов преступлений. В частности, по наличию криминообразующего значения преступных последствий материальные составы следует подразделять на составы, в которых последствия выступают криминализующим признаком, и составы с приданием последствиям обязательного значения, но не криминообразующего.

Во второй разновидности материальных составов преступлений ненаступление преступных последствий свидетельствует только об отсутствии оконченного преступления, но не препятствует привлечению к ответственности за неоконченную преступную деятельность (например, ст. 105, 111 УК РФ).

---

¹ Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права. С. 297.

² Там же.

³ Там же.

Кроме того, в рамках материального состава законодатель может связать юридическое выражение преступных последствий с причинением вреда как основному объекту, так и дополнительному.

Как верно отмечает Н.Ф. Кузнецова, «в некоторых случаях закон конструирует состав преступления не с одним, а с двумя последствиями, которые являются элементами этого состава»¹.

В связи с этим в рамках материальных составов по количеству преступных последствий следует выделять простой материальный состав, момент окончания которого связан только с одним основным последствием, и сложный материальный состав (будет иметь место только в двуобъектных преступлениях), при котором юридическое значение может придаваться причинению вреда только основному объекту, только дополнительному объекту, либо и тому и другому².

Примером сложного материального состава с двумя последствиями является убийство с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В качестве обязательных последствий данного состава в научной литературе предлагают признавать смерть потерпевшего и причинение при убийстве особых физических или психических страданий потерпевшему либо особых психических страданий близким потерпевшего. Эти последствия связаны с объектами уголовно-правовой охраны, в сложную структуру которых входят такие блага, как жизнь человека и его физическое и моральное состояние, характеризующееся отсутствием сильной физической или душевной боли³. Разбой, совершенный в крупном размере (ч. 3 ст. 162 УК РФ), сконструирован законодателем как состав, включающий обязательное последствие, связанное с основным объектом (имущественный ущерб), а разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ), – напротив, как состав, включающий обязательное последствие, связанное с дополнительным объектом.

Включение вреда дополнительному объекту в конструкцию материального состава широко используется отечественным законодателем при конструировании составов двуобъектных неосторожных

---

¹ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. С. 57.

² В этой части может сложиться впечатление о необходимости выделения другого классификационного основания (например, в зависимости от юридического выражения преступных последствий), однако целесообразность такого решения сомнительна в связи с тем, что в конечном итоге юридическое выражение преступных последствий влияет на момент окончания преступления, отражая и конкретизируя его.

³ О дополнительном объекте и дополнительном последствии убийства с особой жестокостью см.: Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006. С. 165-170. См. также: Филимонов В.Д. Норма уголовного права. С. 107.

преступлений и двухобъектных преступлений с двумя формами вины. Причиняемое по неосторожности последствие связано с дополнительным объектом, в качестве которого обычно выступает жизнь или здоровье человека, а последствие, имеющее отношение к основному объекту, в состав не вводится (например, ст. 143, 263, 264, п. «в» ч. 3 ст. 126, п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ и т.д.).

Если оценивать выделенные разновидности материальных составов с точки зрения проблем, которые может создать та или иная законодательная конструкция при применении закона, то наименее удачным является вид состава с двумя общественно опасными последствиями, одно из которых относится к основному, а второе – к дополнительному объекту, если вина по отношению к каждому последствию выступает в форме умысла. Момент окончания такого преступления связывается с моментом, когда в совершенном деянии оказываются представлены оба последствия. Однако одно последствие, как правило, из другого не вытекает и жесткой связи с ним не имеет. Каждое из них может наступить, а может и не наступить вне зависимости от того, причинено ли другое. Казалось бы, очевидным должен быть тот факт, что в случае ненаступления хотя бы одного из последствий деяние не может расцениваться как оконченное преступление данного вида. При этом если виновный желал причинить оба последствия, содеянное должно образовывать покушение на соответствующее преступление. Однако правоприменительная практика далеко не всегда идет по этому пути, особенно при явной неравноценности объектов, а значит, и последствий. Неоднозначно решается этот вопрос и в научной литературе.

В частности, применительно к убийству с особой жестокостью специалисты сталкиваются с проблемой квалификации содеянного в том случае, если виновный желал причинить потерпевшему и смерть, и особые страдания в процессе лишения жизни, но в силу тех или иных обстоятельств второе последствие не наступило (например, потерпевший потерял сознание после первого нанесенного повреждения и далее не чувствовал боли). Одни исследователи считают, что преступление надлежит квалифицировать как оконченное убийство с особой жестокостью. Так, А.Н. Попов пишет по поводу оценки таких ситуаций следующее: «...Неправильно, на наш взгляд, квалифицировать содеянное как покушение на убийство с особой жестокостью, во-первых, потому что виновный желал и реально проявил особую жестокость в обстоятельствах содеянного, во-вторых, потому что убийство уже совершено»¹. Из приведенной

---

¹ Попов А.Н. Убийства приотягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 382.

цитаты видно, что автор ориентируется на более тяжкое последствие – смерть потерпевшего, считая его в рамках рассматриваемой ситуации достаточным для признания преступления окончанным убийством с особой жестокостью. Другие ученые полагают, что признак особой жестокости, напротив, не должен получать никакого отражения в квалификации, поскольку потерпевший фактически не испытывал особых страданий, хотя виновный и направлял на это свои усилия¹.

Еще более усложняется уголовно-правовая оценка содеянного (по крайней мере, с позиций теории) тогда, когда по отношению к ненаступившему последствию усматривается прямой умысел, а по отношению к наступившему – косвенный. Здесь, помимо уже обозначенной проблемы, возникает еще и вопрос о том, возможно ли покушение на преступление с двумя последствиями при разных видах умысла по отношению к ним. Из всего изложенного вытекает вывод о том, что законодателю при формировании конкретных составов следовало бы избегать таких конструкций составов двубъектных преступлений, когда в объективную сторону состава включаются и последствие, относящееся к основному объекту, и последствие, связанное с дополнительным объектом.

Что же касается видов материальных составов, в которые вводится последствие, связанное с одним из объектов (либо основным, либо дополнительным), то они подобных проблем с квалификацией содеянного не создают. Однако при их использовании в законе у правоприменителя могут появиться сложности другого плана. Если такой тип состава использован для конструирования квалифицированного состава того или иного преступления, а основной состав является формальным, в ряде случаев при оценке конкретных ситуаций неизбежно возникает проблема конкуренции покушения на преступление, соответствующее квалифицированному составу, и окончченного преступления, соответствующего основному составу. Справедливости ради следует заметить, что в равной степени это относится и к однообъектным преступлениям, когда при конструировании их составов применяется подобный прием законодательной техники, т.е. основной и квалифицированный составы отражают разные стадии развития одного и того же умышленного преступления. Тот момент, который для преступления, соответствующего основному составу, выступает в качестве момента его юридического окончания,

---

¹ См., например: Константинов П.Ю. Влияние жестокости преступного поведения на квалификацию убийства // Законность. 2001. № 9. С. 8; Антонян Ю.М. Понятие особой жестокости и преступления с особой жестокостью // Социалистическая законность. 1990. № 6. С. 53.

в рамках квалифицированного состава оказывается всего лишь одним из преходящих моментов его развития. В настоящее время такую конструкцию можно увидеть, например, в ч. 1 и 2 ст. 122 УК РФ. В результате умышленное поставление потерпевшего в опасность заражения ВИЧ-инфекцией с прямым умыслом на заражение, с одной стороны, является оконченным преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 122 УК РФ, с другой стороны – покушением на совершение преступления, предусмотренного ч. 2 той же статьи.

В научной литературе вопрос о конкуренции при таких условиях решается в пользу покушения на совершение квалифицированного вида преступления. Так, Л.В. Иногамова-Хегай указывает, что при конкуренции норм с оконченной и неоконченной преступной деятельностью, содержащих признаки разных составов преступлений (в т.ч. и разных составов одного и того же преступления), предпочтение отдается норме, которая полнее в оконченном преступлении¹. Однако судебная практика нередко игнорирует это правило, особенно в случаях, когда квалифицированный состав двуобъектного преступления включает умышленно причиняемое последствие, относящееся не к основному, а к дополнительному объекту. Сложившийся среди практических работников стереотип о моменте окончания преступления, вытекающем из характеристики основного состава, оказывается столь силен, что распространяется и на все его квалифицированные составы. Например, представление о том, что момент окончания разбоя – это момент нападения, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия, при применении закона на практике экстраполируется и на квалифицированные виды данного преступления, имеющие материальные составы. С теоретических позиций, если при разбое у виновного был прямой умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, но это последствие не наступило, то его действия должны квалифицироваться как покушение на квалифицированный разбой по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Судебная же практика идет по другому пути. Так, в 2001 г. Алтайским краевым судом было рассмотрено дело в отношении Ч., который, намереваясь завладеть автомобилем М., с целью лишения жизни произвел два выстрела в голову потерпевшего. Произошла осечка, М. не пострадал. Ему удалось выскочить из машины и убежать. Действия виновного суд квалифицировал по ч. 3 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ (в первоначальной редакции ст. 162),

---

¹ Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: учеб. пособие. М., 2002. С. 126-127.

т.е. как покушение на убийство, сопряженное с разбоем, и разбой с применением оружия¹. Такое же решение было принято тем же судом и по другим уголовным делам с аналогичными обстоятельствами совершения преступлений². Между тем во всех указанных случаях умысел виновного был направлен даже не на причинение тяжкого вреда здоровью, а на причинение смерти потерпевшему, но на применении статьи о разбое это никак не отразилось³.

Таким образом, сами виды материальных составов, характеризующиеся тем, что в состав вводится общественно опасное последствие, связанное либо с основным, либо с дополнительным объектом, отнюдь нельзя назвать ущербными. Неудачным следует признать лишь их использование для конструирования квалифицированного состава преступления, если основной состав является формальным, а в квалифицированном составе формой вины по отношению к последствию выступает умысел.

Представленные рассуждения о видах материальных составов можно обобщить в виде схемы.

Виды материальных составов преступлений

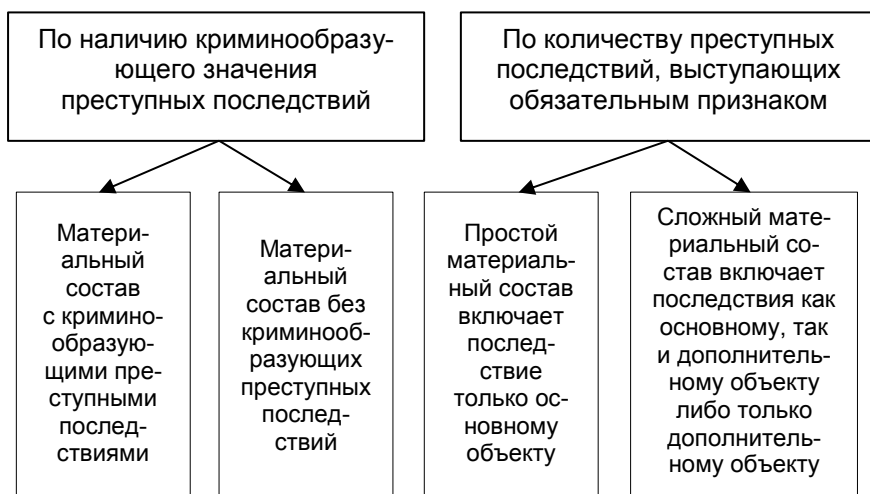

Схема 3

¹ Архив Алтайского краевого суда. 2001. Д. № 2-72.

² См. также: Архив Алтайского краевого суда. 2003. Д. № 2-111; Архив Алтайского краевого суда. 2009. Д. № 2-50.

³ Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика. М., 2013. С. 25-28.

Классификация формальных составов также может быть продолжена в зависимости от того, включен ли преступный результат, не получивший юридического выражения, в конструкцию состава. На основе такого классификационного критерия следует выделять формальные составы, в которых преступный результат входит в конструкцию состава, и формальные составы без включения результата.

Представленные виды формальных составов преступлений демонстрируют ошибочность их понимания как составов, не влекущих преступные последствия. Непригодность такой позиции объясняется тем, что стадия наступления результата в виде причинения вреда объекту преступления может иметь место и в формальном составе, однако законодатель по определенным причинам не придает такому результату юридическое выражение и, как следствие, не связывает момент окончания с его наступлением¹. Поэтому в отличие от материального состава в формальном последствия не являются обязательным признаком объективной стороны.

Нельзя не заметить, что использование отдельных видов составов оконченных преступлений при конструировании может создать проблемы в правоприменительной деятельности. Так, состав планирования выступает, с одной стороны, оконченным преступлением, а с другой стороны – приготовлением к совершению иного преступления, что порождает вопрос относительно идеальной совокупности таких действий. Например, прохождение лицом обучения террористической деятельности образует состав преступления, предусмотренный ст. 205.4 УК РФ, и одновременно является приготовлением к совершению преступлений террористической направленности, поскольку благодаря обучению лицо создает благоприятные условия для последующего совершения преступления.

По нашему мнению, применение правил совокупности преступлений нарушит принцип справедливости, поскольку фактически лицо привлекается дважды за одно и то же деяние (в приведенном примере – обучение). Другое дело, если лицом совершаются одновременно с приготовительным действием, выделенным в самостоятельный состав планирования, еще и иные приготовительные действия, не охватываемые данным составом. Примером таких иных действий могут служить составление плана конкретного преступления террористической направленности, осмотр территории и т.д. В таком случае применение правил совокупности преступления необходимо признать правильным и обоснованным.

---

¹ В.Н. Кудрявцев такие формальные составы именовал составами, причиняющими фактический ущерб. См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 157.

§ 1.3. Взаимосвязь вида конструкции состава оконченного преступления с моментом окончания преступления

Конструкция оконченного преступления воспроизводит юридический момент окончания преступления, следовательно, последний, в свою очередь, зависит от вида конструкции состава оконченного преступления.

Вариации юридического момента окончания преступления в зависимости от вида конструкции состава распределяются следующим образом: при использовании конструкции материального состава юридический момент окончания устанавливается на стадии наступления преступного результата, с приданием ему юридического выражения. Схожим по своему оформлению видится состав опасности, в котором в уголовном законе по аналогии с материальным составом указаны общественно опасные последствия, однако момент окончания преступления связан лишь с угрозой наступления таких последствий. В формальном составе юридический момент окончания преступления перенесен на стадию совершения деяния. При этом преступный результат не получает воплощения в норме уголовного закона, но это не означает его отсутствие. Следовательно, более правильным следует признать утверждение, что в формальном составе результат не влияет на момент окончания преступления. В усеченном составе момент окончания преступления связывается с началом совершения деяния (но по своему описанию такой состав не отличается от формального состава). При использовании состава планирования юридический момент окончания преступления переносится законодателем на этап совершения подготовительных действий (иначе говоря, на стадию планирования). Наиболее сложными следует признать комбинированные составы, сочетающие в себе различные вариации юридического момента окончания преступления (например, стадию наступления результата и совершения деяния либо планирования и совершения деяния и т.д.)¹.

Анализ УК РФ позволяет разделить все составы преступлений, содержащиеся в Особенной части, по следующим видовым группам, с присущими каждой группе моментами окончания преступления (данные представлены в таблице).

---

¹ См. приложение 1.

Таблица 1

Вид состава оконченного преступления	Статьи Особенной части	Момент окончания преступления
материальный состав	105-109, 111-118, 121, 124, 140, 143, 146-147, 158-161, 164-165, 167-168, 170.2, 173.1, 176, 185-185.2, 195-197, 201-203, 215.1, 215.2, 216, 217.1, 218-219, 224-225, 235, 236, 243-243.2, 245, 246, 248-251, 254-255, 257, 259-262, 263-264, 266-269, 272, 274, 284, 285, 286-286.1, 288, 292.1, 293, 330, 332, 342-344, 346-352	наступление преступных последствий, имеющих юридическое выражение в диспозиции статьи
формальный состав	110.1-110.2, 119, 123, 126-128.1, 131-135, 136-139, 141.1-142.1, 145-145.1, 148, 151-151.1, 153-157, 166, 169-170.1, 171.1-171.2, 172.1-172.2, 173.2-175, 177, 181, 183-184, 185.5, 186-187, 189-194, 198-200.3, 204, 204.2, 205.2, 205.6-207, 211-214, 215.4, 220-221, 226-226.1, 228-234.1, 235.1, 237-238.1, 240.1, 241-242.2, 243.3-244, 252-253, 258.1, 264.1, 267.1, 270-271, 273, 275-276, 280-280.1, 281-282, 282.3-283.1, 284.1, 285.1-285.3, 287, 290-291, 291.2, 292, 296-297, 298.1-301, 303-308, 310-316, 318-322.3, 324, 325.1, 327-329, 330.1-330.2, 334-338, 345, 354-354.1, 355-356, 359	совершение преступного деяния
усеченный состав	120, 141, 144, 149, 227, 277-278, 294-295, 302, 317, 333, 360	начало совершения преступного деяния
состав планирования	150, 205.1, 205.3-205.5, 208-210, 222-223.1, 279, 282.1-282.2	совершение preparatory действий
состав опасности	122, 125, 205, 215, 215.3, 247, 361	совершение преступного деяния, с обязательным установлением реальной опасности причинения преступных последствий, обозначенных в диспозиции статьи

комбинированный состав	110, 163, 171, 172, 178, 179, 180, 185.3-185.4, 185.6, 204.1, 217, 217.2, 239, 240, 256, 258, 291.1, 309, 323, 325, 326, 339-341, 353, 357-358	сочетание различных моментов окончания

С очевидностью прослеживается приоритет использования конструкций, не связанных с обязательным установлением преступных последствий (их доля составляет 73,3 %). Доля же применения законодателем конструкции материального состава сравнительно невелика и составляет 26,7 %.

Выбор конструкции состава преступления представляется важной задачей, решение которой демонстрирует волю законодателя признать преступление оконченным на определенной стадии механизма преступного деяния. При этом, на первый взгляд, все выглядит достаточно просто: правоприменитель определяет вид конструкции состава, в результате чего получает представление о моменте окончания преступления (в преступлениях с материальным составом момент окончания должен связываться с наступлением последствий; с формальным составом – с совершением деяния; с составом планирования – с подготовительными действиями и т.д.).

Однако в большинстве случаев правоприменитель сталкивается как с трудностями определения вида состава оконченного преступления, так и момента окончания преступления (даже при верном установлении вида конструкции) из-за неточности, неясности, неоднозначности текста закона. В таких случаях необходимо «познать смысл законодательного текста в соответствии с духом права»¹.

Именно поэтому прослеживается очевидная взаимосвязь между конструкцией состава оконченного преступления и моментом окончания преступления, проявляющаяся в том, что, с одной стороны, вид конструкции состава очерчивает границы момента окончания преступления, а с другой – момент окончания преступления свидетельствует об использовании определенной конструкции состава преступления. Например, исходя из толкования момента окончания разбоя, предложенного Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении № 29 от 27 декабря 2003 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»², можно сделать вывод об использовании законодателем конструкции усеченного состава, связывающей юри-

¹ Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2010. С. 189-190.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

дический момент окончания преступления с моментом нападения (иначе говоря, с начальным этапом стадии совершения деяния).

Особую сложность представляет установление усеченного состава преступления, поскольку, как уже указывалось на страницах работы, по своему описанию в норме уголовного закона такой состав идентичен формальному. В этом случае определение вида конструкции состава и, соответственно, момента окончания преступления должно основываться на смысловом значении тех терминов, которыми обрисовывается преступное деяние. Такое значение должно свидетельствовать об установлении момента окончания на начале совершения преступления, независимо от дальнейших действий виновного.

Например, термин «принуждение», используемый в составах преступлений, предусмотренных ст. 120, 133, 179, 240, 302 УК РФ, означает действия, направленные на получение желаемого результата, т.е. предполагается, что кто-то заставляет совершить действия, которые могут привести к желаемому результату либо не достигнуть его¹. По нашему мнению, использование такой формулировки при описании деяния демонстрирует установление момента окончания преступления на начальном этапе его совершения, т.е. предполагает усеченный состав.

Иная ситуация с использованием термина «воспрепятствование». Несмотря на то, что лексическое значение данного термина, означающего создание препятствий с целью недопущения чего-либо², также предполагает деятельность, результат которой отдален от совершаемых действий (что в принципе должно свидетельствовать об усеченном составе преступления), конструкция состава преступления с использованием этого термина может быть различной. Это связано с включением в его содержание в нормах уголовного закона различных смысловых нагрузок. Например, в составе воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ) данный термин означает любое вмешательство в деятельность, независимо от того, были ли реализованы избирательные права субъектом. Такое смысловое значение предполагает наличие усеченного состава. Иная ситуация имеет место в составе воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ), поскольку в дис-

---

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 585.

² Там же. С. 95.

позиции статьи законодатель наполняет данный термин следующим содержанием: «Неправомерный отказ в государственной регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения» и т.д., что предполагает оконченные формы поведения должностного лица. Соответственно, данный состав следует признать формальным, а не усеченным.

Кроме того, требует пояснения отнесение составов к разновидностям состава планирования. Например, состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), как видно из таблицы, нами отнесен к формальным составам, поскольку сами по себе антиобщественные действия преступными не являются, в свою очередь, стадия планирования, исходя из конструкции состава приготовления), предполагает совершение действий по подготовке к **преступлению** (выделено нами. – авт.). По этим же соображениям не является составом планирования составы вовлечения в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ).

К слову сказать, состав вовлечения в занятие проституцией нами признан комбинированным, поскольку включает в себя не только вовлечение, т.е. возбуждение у лица желания, но и принуждение. Если при вовлечении для признания преступления оконченным необходимы активные действия вовлекаемого, то для принуждения достаточно начала совершения насильственных действий, независимо от их исхода.

Таким образом, уяснение вида конструкции состава оконченного преступления представляет собой достаточно сложную задачу, решение которой зависит в первую очередь от того, насколько точно в уголовном законе конструкция состава преступления получила описание, что позволяет перейти ко второй главе исследования, посвященной способам и правилам описания конструкции состава преступления и момента окончания преступления в диспозициях статей Особенной части УК РФ.

Глава 2. Описание вида конструкции состава оконченного преступления и момента окончания преступления в уголовном законе

§ 2.1. Общие положения относительно описания вида конструкции состава оконченного преступления и момента окончания преступления в уголовном законе

Юридическое выражение вида конструкции состава преступления в нормах Особенной части УК РФ осуществляется путем описания той стадии, на которой законодатель установил юридический момент окончания преступления.

При этом вид конструкции состава преступления указывает только на рамки момента окончания, установленные в законе, конкретизация которых зависит от способа описания такого момента в норме Особенной части УК РФ.

Изложенные обстоятельства позволяют утверждать необходимость выделения способов отражения в законе конструкции состава и способов отражения момента окончания преступления.

Первая группа способов представляет собой приемы, используемые законодателем для отражения в норме уголовного закона той стадии механизма преступного деяния, на которой установлен юридический момент окончания преступления.

В свою очередь, способы отражения в законе момента окончания преступлений – это те приемы, которые используются для конкретизации момента окончания преступления.

Совокупность выделенных способов позволяет регламентировать описание вида конструкции состава оконченного преступления и момента окончания в нормах уголовного закона.

От того, насколько удачным с позиций законодательной техники является отражение вида конструкции состава преступления, зависит правильность установления «границ» юридического момента окончания преступления; от описания же момента окончания того или иного преступления зависит эффективность правоприменительной деятельности и, в конечном итоге, – эффективность самого уголовного закона. Неточное указание в законе на момент окончания преступления усложняет толкование закона, приводит к отсутствию единообразия судебной практики и ошибкам в квалификации преступлений.

Приемы отражения вида конструкции сводятся к обязательному указанию стадии механизма преступного деяния, выступающей рамками юридического момента окончания преступления.

Так, конструкцию материального состава преступления можно распознать вследствие отражения в диспозиции статьи преступных последствий; конструкцию состава планирования – через обрисовку подготовительных действий; а при описании формального и усеченного состава законодатель дает представление о самом совершаемом деянии (действии или бездействии)¹.

Учитывая, что для отражения конструкции состава преступления не требуется конкретизация момента окончания преступления, каких-либо особых правил в этой группе способов не существует.

Иная ситуация с правовой регламентацией момента окончания преступления, требующей соблюдения правил законодательной техники и законодательной текстологии².

Способы отражения момента окончания преступления подразделяются на несколько классификационных групп, выделяемых по следующим основаниям, в зависимости:

1) от степени обобщения конкретных показателей момента окончания (абстрактный и казуистический способ);

2) особенностей описания момента окончания (прямой, ссылочный, бланкетный способ);

3) используемой конструкции состава оконченного преступления.

Казуистический способ характеризуется стремлением законодателя охватить предельное количество конкретных ситуаций (например, ст. 111 УК РФ охватывает обширный перечень преступных последствий, каждое из которых выступает юридическим моментом окончания). Абстрактный же способ предполагает предельное обобщение признаков.

Необходимость применения того или иного способа зависит от изменчивости общественных отношений. Так, стабильным отношениям соответствует казуистический способ, а изменяющимся отношениям требуются обобщенные формулировки³.

---

¹ См. приложение 2.

² Правила юридической техники, текстологии уголовного права подробно освещены в работах: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве; Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права. М., 2011; Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в правоприменении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения. М., 2011; Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание. М., 2010.

³ Грачева Ю.В. Указ. соч. С. 149-151.

Разъясняя способы отражения момента окончания в рамках второй классификации, следует отметить, что прямой способ предполагает точное и полное описание момента окончания в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Анализ действующего УК РФ позволяет сделать вывод об отсутствии такого способа отражения момента окончания, поскольку для толкования момента окончания правоприменитель вынужден обращаться к иным нормам уголовного закона либо иным нормативным правовым актам.

Бланкетный способ изложения означает описание момента окончания не в самом УК РФ, а в ином нормативном правовом акте. Например, такой способ используется законодателем в составе убийства (ст. 105 УК РФ), для толкования момента окончания которого необходимо обратиться в ином нормативным правовым актам, определяющим момент наступления смерти.

При использовании ссылочного способа описание момента окончания приводится в другой статье УК РФ. Примером этого описания является состав мошенничества с причинением значительного ущерба гражданину (ст. 159 УК РФ), который для уяснения момента окончания отсылает к примечанию 2 ст. 158 УК РФ.

Наибольшую группу составляют способы отражения момента окончания преступления в зависимости от вида конструкции состава преступления. В рамках данного классификационного основания необходимо выделять способы отражения момента окончания преступления при использовании материального состава, формального состава, состава опасности, планирования¹. Именно эта классификация будет положена в основу дальнейшего исследования вопросов правовой регламентации момента окончания преступления (в § 2.2-2.3).

Помимо способов отражения в законе момента окончания преступления, необходимо выделять правила описания момента окончания, разработанные не только в рамках уголовного права (специальные правила), но и в общей теории права (общие правила).

Среди общих правил юридической техники в научной литературе указываются следующие:

- использование простых слов и выражений;
- отказ от использования сложных конструкций;
- отказ от злоупотребления иностранными словами, архаичными выражениями;

---

¹ Комбинированный состав нами умышленно не упоминается, поскольку он представляет собой соединение нескольких разновидностей составов и самостоятельными способами описания момента окончания не характеризуется.

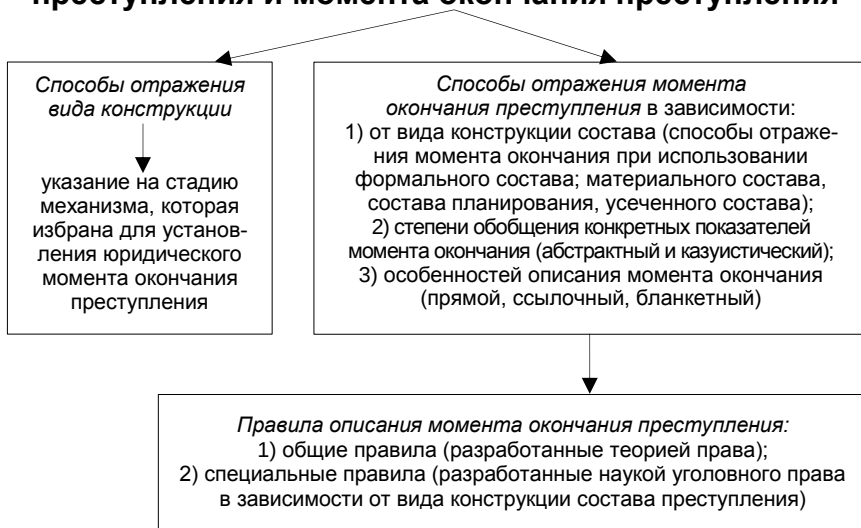
- использование однозначных формулировок;
- ограничение использования специальных терминов¹.

Встречаются и более обширные перечни требований к языку и тексту закона, которые обобщенно можно представить в виде правила «точности, ясности и полноты предписаний»².

Специальные правила описания момента окончания преступления в большей степени зависят от вида конструкции состава преступления (иначе говоря, от того, что требуется описать) и будут рассматриваться нами отдельно в рамках исследования способов отражения момента окончания преступления в зависимости от вида конструкции состава.

Представленные положения можно проиллюстрировать общей схемой.

Способы отражения вида конструкции состава преступления и момента окончания преступления

Схема 4

Представленные общие требования к регламентации момента окончания преступления являются отправной точкой для дальнейшего исследования вопросов отражения момента окончания преступления в уголовном законе.

¹ См.: Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права. С. 59.

² Чухвичев В.Д. Законодательная техника. М., 2008. С. 179; Алиев Н.Б. Теоретические основы советского уголовного правосотворчества. Ростов н/Д., 1986. С. 34; Люблинский П.И. Указ. соч. С. 7.

§ 2.2. Отражение момента окончания преступления при использовании конструкции материального состава преступления и состава опасности

Момент окончания преступления с материальным составом связывается с наступлением общественно опасного результата, получающем в составе преступления юридическое выражение. Поэтому для отражения в уголовно-правовой норме момента окончания такого преступления законодатель должен дать четкое представление о преступных последствиях.

Однако, как указывал А.Э. Жалинский, «во многих случаях законодатель превращает материальные составы по существу в формальные, крайне размыто определяя общественно опасные последствия»¹.

В уголовно-правовой литературе проблема описания в законе преступного вреда в достаточной степени разработана.

Исследователи выделяют два способа описания преступного вреда:

- 1) прямое закрепление с указанием на характер и размер вреда (либо только на характер или только на размер);
- 2) опосредованное закрепление через отражение данных о характере и размере вреда в иных признаках состава преступления².

«Оба способа описания вреда правомерны, – пишет И.А. Анисимова. – Выбор способа диктуется особенностями вреда и преступления в целом»³.

В.В. Мальцев указывает: «Не столь важно, как отражены общественно опасные последствия в норме. Главное, чтобы правовое отражение последствий содержало основание оценки опасности причиненного или возможного вреда»⁴.

При этом, как показывает анализ диспозиций статей Особенной части УК РФ, существует большое разнообразие способов отражения преступных последствий в рамках выделенных двух вариантов.

---

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 366.

² См.: Землюков С.В. Указ. соч. С. 112-117; Анисимова И.А. Уголовно-правовое значение преступного вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. С. 20.

³ Анисимова И.А. Указ. соч. С. 20.

⁴ Мальцев В.В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. М., 2014. С. 152.

Так, способами прямого закрепления преступного вреда выступают следующие разновидности:

1. Описание в диспозиции статьи характера и размера вреда. Использование такого способа позволяет отразить наиболее точную характеристику причиняемого вреда, поскольку в этом случае складывается полное представление о моменте окончания соответствующего преступления.

Анализ Особенной части УК РФ приводит к выводу, что этот способ отражения момента окончания преступления с материальным составом используется только в 38 диспозициях (что составляет 38,7 %) ¹. В своей основе описание вида и размера вреда имеет место в преступлениях против жизни и здоровья (12 составов), в экологических преступлениях (4 состава), в преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта (8 составов), преступления против государственной власти (5 составов). Считаю необходимым расширять применение данного способа при отражении в законе момента окончания преступления.

2. Указание на качество общественно опасных последствий без обозначения количественной составляющей.

Например, такой вариант отражения преступных последствий без обозначения минимального необходимого для привлечения к уголовной ответственности размера ущерба характерен для хищений. Например, в уголовно-правовых нормах, в которых предусматривается ответственность за хищение, не закрепляется тот размер имущественного ущерба, который необходим для уголовного преступления. Как известно, в настоящее время граница между уголовно наказуемым хищением и административно наказуемым мелким хищением устанавливается на основании систематического толкования норм различной отраслевой принадлежности. В статье 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях речь идет о мелком хищении, совершенном в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты при отсутствии квалифицирующих признаков данных деяний, установленных в УК РФ. В примечании к этой статье сказано, что мелким признается хищение на сумму, не превышающую две тысячи пятьсот рублей. Между тем преступность и наказуемость деяния должны устанавливаться уголовным законом. Поэтому следует согласиться с теми учеными, которые предлагают ввести в понятие хищения величину преступных последствий, поз-

---

¹ Представленный показатель получен только на основе выборки материальных составов, без учета комбинированных составов.

воляющую отграничить преступление от административного правонарушения¹.

В уголовном законе способ описания преступного вреда через качественную характеристику используется в 34 диспозициях (34,7 %) и получает наибольшее распространение в преступлениях против собственности (11 составов), в преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (3 состава), в экологических преступлениях (7 составов).

3. Отражение момента окончания преступления с материальным составом исключительно через количественные показатели преступных последствий (без качественной характеристики).

Например, в ст. 176 УК РФ («Незаконное получение кредита»), законодатель использует такое последствие, как «крупный ущерб», содержащее количественный показатель размера вреда без четкого указания на его вид (вывод о том, что речь идет об имущественном ущербе, следует из характера преступного деяния).

Причем описание преступного вреда законодатель может расположить в диспозиции статьи Особенной части УК РФ либо в примечании, определяющем признаки деяния. Первый вариант использован в ст. 165 УК РФ («причинение имущественного ущерба»), второй – в определении хищения в примечании 1 к ст. 158 УК РФ («ущерб собственнику или иному владельцу имущества»).

Обозначенные способы отражения момента окончания преступления с материальным составом можно представить в виде схемы.

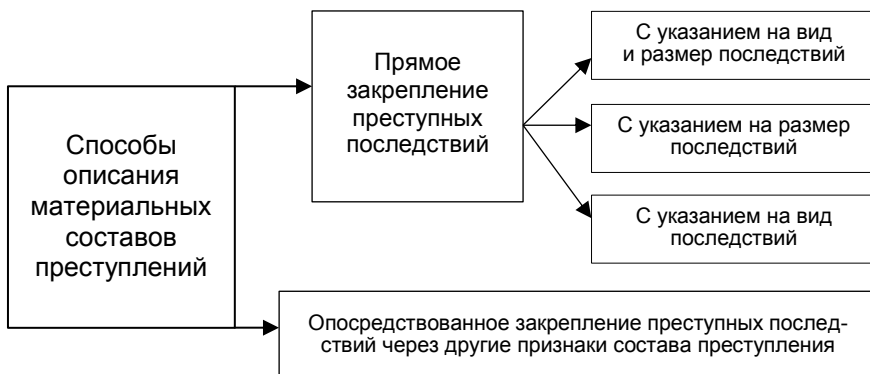

Схема 5

¹ См., например: Безверхов А.Г., Шевченко И.Г. Согласование административного и уголовного законодательства об уничтожении, повреждении и хищении чужого имущества // Российская юстиция. 2008. № 1. С 29-30; Адоевская О.А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 7.

Специалистами в области уголовного права не только обозначены способы отражения в законе преступного вреда (а значит, и момента окончания преступлений с материальным составом), но и разработаны правила законодательной техники, которые должны использоваться при этом. Их применение позволит конкретизировать признаки составов преступлений. Немаловажно, что предельно возможная конкретизация признаков составов преступлений в настоящее время представляет собой не только пожелание ученых, адресованное законодателю, но и требование, уже неоднократно выраженное в документах Конституционного Суда РФ. Так, в известном Постановлении № 8-П от 27 мая 2008 г. «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» Конституционный Суд РФ указал, что «особую значимость требования определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе общего правового регулирования приобретают применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей правовой природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения... Уголовная ответственность может считаться законно установленной и отвечающей требованиям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления и что уголовный закон ясно и четко определяет признаки этого преступления, отграничивая его от иных противоправных и тем более – от законных деяний»¹.

И.А. Анисимова, обращаясь к разработке правил законодательной техники, подлежащих учету при терминологическом выражении преступного вреда, подчеркивает, что в уголовном законе необходимо исключить многозначность и неопределенность терминов и понятий, выражающих преступный вред. При этом в качестве причин подобной неопределенности она называет: 1) несоблюдение единства понятий и терминов, выражающих преступный вред, обозначение в законе тождественного вреда различными терминами; 2) использование для обозначения преступного вреда неоднозначно трактуемых общеупотребительных и специально-технических терминов; 3) использование оценочных понятий².

---

¹ По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян: постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П // Рос. газ. 2008. 7 июня. № 123.

² Анисимова И.А. Указ. соч. С. 20-22.

Практически все эти причины так или иначе проявляют себя при отражении в уголовном законе общественно опасных последствий как обязательного признака материальных составов, с которым связывается момент окончания этих преступлений.

Несоблюдение требования единства понятий и терминов, обозначающих преступный вред, выражается в одновременном использовании в рамках одной главы 21 УК РФ понятий «ущерб» и «размер». Так, например, в ст. 167 УК РФ законодатель указывает на значительный ущерб, а в ст. 168 УК РФ – на крупный размер. В рамках ст. 165 УК РФ в ч. 1 говорится об имущественном ущербе, в ч. 2 – о деянии, совершенном в крупном размере, а в ч. 3 – о деянии, причинившем особо крупный ущерб. Соответственно, возникает вопрос о соотношении двух названных правовых понятий применительно к преступлениям против собственности.

Как верно отмечает И.Г. Шевченко, размер и ущерб – это родственные юридические понятия, посредством которых описываются объективные признаки соответствующих посягательств¹. Но полностью отождествлять их нельзя. Размер характеризует предмет преступления, понятием ущерба в законе описываются последствия. В преступлениях против собственности эти величины в основном совпадают. Например, ущерб от хищения определяется стоимостью изъятого имущества как предмета преступления. Однако есть преступления, в составы которых предмет не входит (ст. 165 УК РФ). Поэтому в части использования указанных терминов должна быть некая унификация, исключающая их одновременное употребление и смешение.

Описание преступных последствий в нормах уголовного закона во многих случаях сопровождается использованием оценочных понятий (доля оценочных понятий составляет 36,7 %).

Оценочные понятия определяются в теории уголовного права как понятия, используемые законодателем при конструировании уголовно-правовой нормы с открытой структурой, содержание которых не определено в законе с достаточной степенью понимания для правоприменителя².

В диспозициях статей Особенной части УК РФ через оценочные понятия обозначаются как характер преступного вреда, так и размер.

---

¹ Шевченко И.Г. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России: эволюция норм: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 120.

² См.: Коробец Б.Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве: социальная обусловленность и юридическая сущность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9.

Однако в большинстве случаев оценочные понятия используются для отражения размера преступного вреда (66,6 %).

Виды применяемых законодателем оценочных понятий достаточно разнообразны, в связи с чем целесообразно их представить в виде обобщенной таблицы.

Таблица 2

Оценочные понятия, используемые в УК РФ для отражения характера и размера преступного вреда¹

Наименование характеристики преступного вреда	Наименование оценочного понятия	Статьи УК РФ
характер вреда	физическая боль	ст. 116, 116.1 УК РФ
	физические страдания	ст. 117 УК РФ
	вред правам граждан	ст. 140, 143 УК РФ
	нарушение нормальной работы	ст. 215.3 УК РФ
	распространение эпидемии	ст. 248, 249 УК РФ
	загрязнение атмосферы	ст. 251 УК РФ
	вред интересам безопасности государства	ст. 340, 341 УК РФ
размер преступного вреда	существенное нарушение прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства	ст. 285-286.1, 288, 293
	существенный вред (правам и законным интересам граждан, интересам службы, животному и растительному миру)	ст. 201-203, 250, 330, 332 УК РФ
	тяжкие последствия	ст. 215.1, 224-225, 246, 248-249 УК РФ
	массовое заболевание, массовая гибель	ст. 236, 246, 257 УК РФ
	существенное изменение радиоактивного фона	ст. 246 УК РФ
	значительный ущерб	ст. 167, 255, 262 УК РФ
	крупный ущерб	ст. 258, 274 УК РФ

¹ Представленное описание преступного вреда через оценочные понятия основывается как на материальных, так и на комбинированных составах.

В ряде статей Особенной части оценочные понятия, используемые для описания характера и размера вреда, могут разъясняться законодателем (например, понятие «значительный ущерб гражданину» закрепляется в примечании 2 к ст. 158 УК РФ), но в большинстве случаев такие толкования в уголовном законе отсутствуют¹.

В научной литературе подчеркивается, что в стратегическом плане законодательство должно развиваться в направлении уменьшения использования в УК РФ оценочных понятий², что связано со сложностями их установления в правоприменительной деятельности.

Например, момент окончания состава злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и еще ряда составов преступлений против государственной власти определяется посредством такого оценочного понятия, как «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Несмотря на то, что разъяснения данного понятия приводятся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий», его толкование вызывает сложности не только в науке уголовного права, но и в правоприменительной деятельности.

Неопределенность преступных последствий составов преступлений, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ, признается и Конституционным Судом РФ, однако, по его мнению, «оно *не является настолько неопределенным*, чтобы препятствовать единообразному пониманию и применению соответствующих законоположений» (выделено нами. – авт.)³.

Не вступая в дискуссию относительно определенности (неопределенности) понятия существенного нарушения, следует констатировать, что проблемы его толкования имеют место.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор, прекратив производство по уголовному делу за отсутствием в деянии состава преступления, поскольку «переиме-

---

¹ В частности, законодателем не закреплены разъяснения оценочных понятий, используемых в конструкциях основных составов преступлений.

² См., например: Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 24.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 23 марта 2010 г. № 368-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нование улицы в селе не повлекло существенного нарушения прав и законных интересов граждан, охраняемых интересов общества и государства и наступления каких-либо последствий, связанных с причинением морального, физического или имущественного вреда личности»¹.

Сложность установления преступных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства заключается в том, что по каждому уголовному делу необходимо не только указание на конкретные права, гарантированные общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ, но еще и оценка их нарушения как существенного.

Вместе с тем судебные органы зачастую ограничиваются простой констатацией существенного нарушения прав (такое указание на последствия имело место в 7 приговорах из 36 включенных в выборку, что составляет 19,4 %) либо «механическим» цитированием формулировки преступных последствий, предложенной законодателем (4 приговора – 11,1 %). И даже когда в приговоре содержится мотивированное описание преступных последствий, не всегда представленные формулировки отличаются юридической грамотностью (например, «повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов как юридического лица»², «подорвала авторитет»³ и т.д.).

Сложности в правоприменении возникают в тех случаях, когда и основной, и квалифицированный состав конструируется по типу материального с регламентацией момента окончания при помощи оценочных понятий, например, ч. 3 ст. 285, 286, в которых основной состав считается оконченным с момента существенного нарушения прав, а квалифицированный – с момента наступления тяжких последствий. Оценка последствий как существенных и тяжких представляется чрезмерно сложной.

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.02.2013 № 21-Д12-8 (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8. С. 33-36.

² Нижегородский гарнизонный военный суд. URL: <https://rospravosudie.com/court-nizhegorodskij-garnizonnyj-voennyj-sud-nizhegorodskaya-oblast-s/act-554707549/> (дата обращения: 21.08.2017).

³ Енотаевский районный суд Астраханской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-enotaevskij-rajonnyj-sud-astraxanskaya-oblast-s/act-554491392/> (дата обращения: 21.08.2017).

В связи с изложенным следует согласиться с необходимостью минимизации распространения оценочных понятий при описании преступного вреда.

Однако, исходя из того, что полностью отказаться от оценочных понятий невозможно, необходимо ограничить их использование следующими случаями:

1) для описания размера «единого по содержанию вреда, когда для его определения установлено несколько критериев, один из которых является оценочным»;

2) при описании вреда, который не имеет точных единиц измерения;

3) для описания сложного последствия, включающего различные виды вреда¹.

В иных случаях использование оценочных понятий следует признать необоснованным. Например, для отражения преступного вреда в составе уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) закреплено оценочное понятие «значительный ущерб». Между тем особенности причиняемого ущерба (имущественный ущерб) и возможность его измерения свидетельствуют о необходимости конкретизации размера ущерба в денежном эквиваленте без использования оценочных критериев.

Кроме того, в науке уголовного права выработаны принципы, подлежащие учету при применении оценочных понятий в уголовном законе.

В частности, Е.В. Кобзева к таким принципам относит: принцип максимально возможной дефинированности оценочных признаков; принцип максимально возможной достаточности признаков, уточняющих и конкретизирующих уголовно-правовое предписание, выраженное с использованием оценочных понятий; принцип предельной выдержанности оценочной лексики².

Помимо оценочных понятий, при отражении в уголовном законе преступного вреда используются и многозначные термины. Так, в ст. 165 УК РФ говорится об имущественном ущербе. В определении хищения в примечании 1 к ст. 158 УК РФ содержится упоминание об ущербе собственнику или иному владельцу имущества, под которым также подразумевается имущественный ущерб. Однако имущественный (материальный) ущерб в разных регулятивных отраслях

---

¹ Землюков С.В. Указ. соч. С. 115-117.

² Кобзева Е.В. Указ. соч. С. 24-26.

права толкуется неодинаково. Так, в рамках гражданского права имущественный ущерб именуется убытками. При этом согласно ч. 2 ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Таким образом, в цивилистическом плане к имущественному ущербу относят и реальный ущерб, и упущенную выгоду. В Трудовом кодексе РФ под ущербом, подлежащим возмещению работником работодателю, понимается лишь реальный ущерб. В части 1 ст. 238 ТК РФ сказано: «Работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб. Неполученные доходы (упущенная выгода) взысканию с работника не подлежат».

Уголовный кодекс РФ, используя понятие «имущественный ущерб», не содержит его разъяснения, что порождает дискуссии в научной литературе. Господствующей является точка зрения, согласно которой при хищении имущественный ущерб соответствует стоимости изъятого имущества, т.е. реальному (положительному) ущербу¹. Что касается ст. 165 УК РФ, где употребляется термин «имущественный ущерб», то большинство авторов включают в него также упущенную выгоду или только упущенную выгоду². А.В. Хабаров, возражая против высказанной позиции, указывает, что такое толкование ущерба является произвольным³. Исходя из этого законодателю следовало бы уточнить значение термина «ущерб» приме-

---

¹ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. С. 258; Абрамовский Р.А. Ненасильственные хищения с незаконным проникновением в жилище: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 42; Адоевская О.А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России. С. 99; Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986. С. 64-65.

² Панов Н.И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Харьков, 1977. С. 54. См. также: Бойцов А.И. Преступления против собственности. С. 726; Сычева Н.В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой и криминологический аспекты по материалам Уральского федерального округа: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 60.

³ Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 156-157; Хабаров А.В. Преступления против собственности: учебное пособие. Тюмень, 1999. С. 29.

нительно к хищениям и к преступлению, предусмотренному ст. 165 УК РФ.

Помимо основного состава, сконструированного по типу материального, преступные последствия могут закрепляться одновременно и в квалифицированных составах. При этом в одних случаях они отличаются лишь по величине (тяжести), но совпадают по содержанию (например, ч. 1 и ч. 2 ст. 165 УК РФ). В других же случаях последствия в рамках основного и квалифицированного состава различны по своему качеству (к примеру, в ч. 1 ст. 293 УК РФ – крупный ущерб или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, в ч. 2 ст. 293 УК РФ – тяжкий вред здоровью или смерть человека). В последней ситуации для признания квалифицированного вида преступления окончанным необходимо установить последствия, являющиеся признаками как основного, так и квалифицированного состава.

Несмотря на то, что прямое закрепление в уголовно-правовой норме общественно опасных последствий с указанием на характер и размер вреда имеет важное значение для толкования признаков состава и решения вопроса о моменте окончания преступления, сам по себе этот способ формулирования уголовно-правовых предписаний, к сожалению, по объективным причинам не всегда является гарантией четкого понимания момента окончания того или иного преступления. Иногда даже непосредственное описание преступного вреда в законе с указанием на его характер и размер не способно предотвратить разногласия среди ученых и среди практических работников по вопросу толкования момента окончания преступления¹. Тем не менее даже с учетом этого обстоятельства прямое закрепление в уголовном законе общественно опасных последствий, с которыми связывается момент окончания преступления, всегда предпочтительнее его опосредованного закрепления (думается, именно поэтому опосредованное закрепление преступного вреда имеет место только в 8 материальных составах, что составляет 8,1 %).

При опосредованном закреплении характер и размер вреда непосредственно не указывается в диспозиции статьи, а вытекает из описания признаков конкретного состава преступления.

Анализ Особенной части УК РФ показывает, что опосредованное закрепление преступного вреда осуществляется через характе-

---

¹ Вопросам толкования момента окончания преступления посвящен § 2.4.

ристику преступного деяния, представленного термином, выраженным формой отглагольного существительного, соединяющего в себе процесс совершения действия (бездействия) и преступный результат. В частности, можно выделить несколько видов таких деяний:

- 1) заражение (ст. 121 УК РФ);
- 2) уничтожение или повреждение (ст. 168, 243, 261, 323, 325, 326, 346 УК РФ).

Представляется, что такой способ описания преступного вреда должен иметь место в исключительных случаях, когда существуют препятствия прямого отражения вида и размера вреда в нормах уголовного закона, поскольку термины, выраженные отглагольными существительными, применяются в своей основе при отражении формального состава преступления (более подробно этот вопрос будет освещен в § 2.3), что вызывает сложности разграничения формального и материального состава преступления и, как следствие, проблемы установления момента окончания.

Спецификой отражения момента окончания преступления обладают составы опасности, которые включают в себя преступные последствия, но момент окончания преступления связывается только лишь с реальной возможностью их наступления.

Способ описания момента окончания преступления при применении состава опасности заключается в прямом закреплении преступного вреда с использованием в тексте закона специальных оговорок: «если это могло повлечь», «которые могли повлечь», «если эти деяния создали угрозу причинения»¹, которые, с одной стороны, подчеркивают возможный, а не реальный характер вреда, а с другой стороны, акцентируют обязательность установления такой возможности для привлечения к уголовной ответственности.

При этом, как показывает анализ Особенной части УК РФ, законодатель может ограничить рамки состава только одной разновидностью возможного вреда (единичный вред имеет место в восьми составах) либо закрепить несколько видов преступного вреда (используется в четырех составах), что объясняется стремлением охватить наиболее опасные формы его проявления.

Принимая во внимание сходство отражения момента окончания преступления в материальном составе и составе опасности (имеется в виду обязательность описания преступного вреда в рамках этих

---

¹ Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права. С. 300.

составов), необходимо проанализировать виды прямого закрепления преступного вреда применительно к составам опасности.

Так, описание преступного вреда через качественные и количественные показатели имеет место в пяти составах (ст. 122, 179, 247, 217, 217.2); указание исключительно на качественные характеристики вреда используется в четырех составах (ст. 215.3, 340-341, 361 УК РФ)¹. Отражение преступного вреда только через количественные показатели в составах опасности в УК РФ не применяется.

Многочисленным следует признать использование оценочных понятий при отражении вреда в составах опасности. В частности, законодатель применяет такие оценочные понятия, как «существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких» (ст. 179 УК РФ), «существенный вред здоровью человека или окружающей среде» (ст. 247 УК РФ), «нарушение нормальной работы» (ст. 215.3 УК РФ), «опасность свободы и неприкосновенности граждан» (ст. 361 УК РФ).

Применительно к составам опасности использование оценочных понятий следует признать еще более сложным, нежели в материальных составах, поскольку необходимо установить возможность наступления такого вреда, который не имеет четких характеристик и не проявляется в общественной жизни.

---

¹ В представленные данные не вошли ст. 125, 205, 215 УК РФ, поскольку при отражении возможного вреда в этих составах законодатель использует комбинированный способ, сочетая указание на качественные и количественные показатели с исключительно качественной характеристикой.

§ 2.3. Описание момента окончания преступления при использовании конструкции формального, усеченного состава преступления и состава планирования

При использовании конструкции формального состава преступления юридический момент окончания определяется моментом совершения деяния (действия или бездействия), поэтому единственный способ отражения момента окончания в таких составах – это четкое описание признаков преступного деяния.

Однако в действующем уголовном законе при терминологическом оформлении преступного деяния законодатель в большинстве составов использует форму отглагольного существительного, что создает впечатление процесса осуществления деяния, имеющего протяженность во времени.

В русском языке с помощью отглагольных существительных обозначаются процесс (действие) и (или) результат процесса. Соответственно, законодатель при использовании такого существительного может вложить в его содержание различные значения и «связать момент окончания преступления с любой стадией процесса»¹.

Например, термин «вовлечение», используемый во многих составах преступлений против семьи и несовершеннолетних (ст. 150, 151 УК РФ), здоровья населения и общественной нравственности (ст. 240 УК РФ), можно расценивать как деятельность, направленную на склонение лица к чему-либо и как результат такой деятельности, подразумевающий свершившийся факт воздействия. Аналогично двойное значение сочетается в таких терминах, как «склонение» (ст. 230, 230.1 УК РФ), «понуждение» (ст. 133 УК РФ), «воспрепятствование» (ст. 141, 144, 169, 185.4, 294 УК РФ) и т.д.

Использование такого способа описания деяния создает сложности в уяснении конструкции состава преступления, что очевидно прослеживается при анализе научной литературы, когда одни и те же составы относятся к различным группам. Так, неоднозначно в научной литературе решается вопрос о конструкции состава вымогательства (одни специалисты считают этот состав формальным², а другие усеченным³).

---

¹ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Указ. соч. С. 76.

² См.: Российское уголовное право / под ред. А.В. Наумова. М., 2016. С. 344.

³ См.: Российское уголовное право / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2014. С. 354.

Представляется, что проблема состоит не в самом использовании терминов, выраженных отглагольными существительными, а в отсутствии общего правила определения момента окончания преступления, в котором деяние обозначается таким образом.

Так, согласно анализу, представленному в монографии Л.Л. Кругликова, «изнасилование и совершение насильственных действий сексуального характера полагаются оконченными с момента начала совершения таких действий, независимо от их завершения и наступивших последствий; незаконные охота и рыболовство – с момента начала добычи, независимо от того, добыты ли водные животные или растения; изготовление фальшивых денежных знаков – с момента готовности хотя бы одной единицы. Иначе говоря, в одних случаях момент окончания связывается с началом осуществления деятельности, в других – с ее фактическим завершением; в третьих – с успешным (хотя бы частично) итогом для виновного осуществленного им поведения»¹.

Отсутствие единообразного подхода к толкованию вида конструкции состава преступления, а соответственно, и к определению момента окончания преступления прослеживается в преступлениях, предусматривающих ответственность за подстрекательские действия (анализ УК РФ позволят отнести к таким составам следующие: доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ); склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 110.2 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ); оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ); содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ); склонение к употреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ); склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (ст. 230.1 УК РФ); вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ); публичные призывы к осу-

---

¹ Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Указ. соч. С. 73-75.

ществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ (ст. 280.1 УК РФ)).

Вопрос о виде конструкции состава оконченного преступления, используемого законодателем в данных составах, соответственно, и о моменте окончания преступления, относится к числу дискуссионных. Единственное, что можно утверждать с уверенностью – данные составы не являются материальными, поскольку диспозиции выделенных статей не содержат указания на преступные последствия, с которыми бы связывался момент окончания преступления.

В этой части выглядят достаточно удивительно разъяснения Пленума Верховного Суда относительно квалификации преступлений, предусмотренных ст. 150 и 151 УК РФ, следующего содержания: «Если **последствия, предусмотренные диспозициями названных норм**, не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 УК РФ и по ст. 150 УК РФ либо ст. 151 УК РФ»¹ (выделено нами. – авт.). Очевидно, что указанное разъяснение не соответствует законодательной редакции диспозиций статей 150 и 151 УК РФ, в которых последствия совершения преступлений не получили юридического выражения.

Верховный Суд РФ неоднократно подвергал изменениям разъяснения момента окончания преступлений, предусматривающих ответственность за подстрекательские действия.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (в настоящее время утратившее силу) момент окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий не зависел от того, совершил ли несовершеннолетний какое-либо из указанных противоправных действий².

Иное разъяснение предложено в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике

---

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

² О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», в котором момент окончания вовлечения связывается с моментом совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий¹.

В свою очередь, в Постановлении от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» Верховный Суд РФ придерживается предыдущей позиции, не связывающей момент окончания подстрекательских действий с поведением склоняемого лица. В частности, указывается: «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т.п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие. При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог»².

По нашему мнению, неопределенность момента окончания преступлений, предусматривающих ответственность за подстрекательские действия, возникла как раз в связи с использованием при описании деяния термина, выраженного формой отглагольного существительного, что создает впечатление процесса осуществления деяния, имеющего протяженность во времени.

С целью единообразного толкования и применения уголовного закона, а также для обеспечения принципов законности и справед-

---

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 4.

ливости, следует унифицировать понимание значения отглагольного существительного, используемого для описания деяния в формальном составе преступления, подразумевая под ним исключительно фактическую его завершенность.

Субъектам судебного толкования при разъяснении момента окончания преступлений с такой конструкцией состава необходимо руководствоваться аналогичным значением преступного деяния, выраженного отглагольным существительным.

Регламентация момента окончания преступления с формальным составом, по сравнению с другими видами составов, также усложняется тем обстоятельством, что преступный результат в виде причинения вреда охраняемым общественным отношениям может входить в состав преступления, но не получить юридического выражения в качестве обязательного признака.

В связи с чем при установлении момента окончания преступлений с формальным составом необходимо учитывать ту разновидность данного состава, который избран законодателем при конструировании конкретного состава преступления.

В частности, при использовании первой разновидности формального состава, включающей в конструкцию не только деяние, но и преступный результат, не получающий юридического выражения, момент окончания связывается с совершением деяния, но требует доказанности и отражения в процессуальных документах преступного результата. Примером такой конструкции выступают составы, способами реализации преступного результата в которых является применение насилия (ст. 131, 276 УК РФ и т.д.).

При использовании второй разновидности формальных составов причинение вреда охраняемым общественным отношениям не происходит в силу того, что преступный результат не охватывается рамками состава преступления. В этом случае преступный результат не оказывает никакого влияния на момент окончания преступления. Например, в составе угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) вред здоровью находится за пределами состава и не учитывается при признании преступления оконченным.

Наибольшую сложность представляет отражение момента окончания преступления при использовании усеченного состава. Это объясняется тем, что отражение в диспозиции статьи конструкций усеченного и формального состава предполагает указание на одну и ту же стадию механизма – совершение деяния. Именно поэтому по

«внешним признакам» данные конструкции различить достаточно сложно¹.

Грань между усеченным и формальным составом располагается на том отрезке стадии совершения деяния, который избран законодателем в качестве юридического момента окончания преступления. Следовательно, в рассматриваемом случае вывод о конструкции состава должен основываться на моменте окончания преступления. Так, если преступление окончено в момент начала совершения деяния, то имеет место усеченный состав, а если на конечном этапе – формальный состав.

Изложенное приводит к необходимости при использовании формального и усеченного составов четко описать признаки преступного деяния, с которым связывается юридический момент окончания преступления.

Как уже указывалось на страницах работы, в Особенной части УК РФ при описании преступного деяния законодателем используются термины, выраженные отглагольными существительными, позволяющие установить момент окончания на разных этапах деяния.

Для четкой градации конструкций формальных и усеченных составов, а также для единого понимания момента окончания преступлений с такими составами необходимо:

1. Разработать правила описания в законе усеченного состава преступления.

В частности, при описании момента окончания преступления с усеченным составом необходимо использовать такие термины (выражения) для обозначения преступного деяния, которые подчеркивают одномоментность (предельную краткость) совершения деяния, независимость начального акта от завершения преступного деяния и, тем более, от наступления преступного результата.

Например, использование термина «посягательство на жизнь» (ст. 277, 295, 317 УК РФ), исходя из его лексического значения, означающего попытку сделать что-нибудь², демонстрирует установление уголовной ответственности за начальные действия, независимо от успешности их завершения.

---

¹ Трудности разграничения формального и усеченного состава становятся очевидными при анализе научной литературы в части определения конструкций таких составов, как вымогательство, неправомерное завладение транспортным средством и т.д.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 561.

Еще одним способом описания деяния при использовании конструкции усеченного состава выступает указание, наряду с преступным деянием, на цель деятельности преступника, достижение которой находится за рамками состава преступления (такой способ использован во всех усеченных составах). Данный способ позволяет показать временную протяженность преступления, разделяющую преступное деяние и преступный результат. Так, в составе разбоя (ст. 162 УК РФ) такой отдаленной целью является цель хищения, в составе бандитизма (ст. 209 УК РФ) – нападение на граждан или организации и т.д.

Таким образом, терминологическое оформление деяния при использовании усеченного состава должно отражать незавершенность преступления, признание наказуемым его начального проявления.

2. Установить единое правило толкования значений терминов, выраженных отглагольными существительными: в формальном составе использование отглагольного существительного предполагает момент окончания на конечном этапе совершения деяния, а в усеченном составе – на начальном этапе.

В качестве примера проанализируем способы описания деяния в преступлениях, предусматривающих ответственность за подстрекательские действия.

Для описания деяния, заключающегося в подстрекательских действиях, законодатель использует различные термины: доведение, склонение, вовлечение, оказание влияния, призывы. При этом в диспозициях статей данные термины не разъясняются, что вызывает необходимость обращения к их лексическому значению.

Так, термин «склонение» означает «убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения»¹; «вовлечение» – «побудить к участию в чем-нибудь»²; «влияние» – «действие, оказываемое кем-чем-нибудь на кого-что-нибудь, воздействие»³; призыв – одна из форм активного воздействия на сознание, волю и поведение людей для формирования в них побуждения к определенному виду деятельности⁴.

Очевидно, что, по своей сути, данные термины выступают синонимами с общим смысловым значением, заключающимся в оказании

---

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 712.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 83.

⁴ Галяшина Е.И. Лингвистика против экстремизма. М., 2006. С. 17.

влияния одного лица на другое для достижения определенной цели. Эта цель может касаться как совместного совершения преступления, так и выполнения склоняемым иных непроступных действий (например, самоубийства, занятие проституцией и т.д.).

В научной литературе эти термины также используются как синонимы. Например, в комментариях к УК РФ разъясняется: «Вовлечение в занятие проституцией означает склонение лица к систематическому вступлению в сексуальные отношения за плату»¹.

Вывод относительно синонимичности терминов, описывающих подстрекательские действия, свидетельствует о несовершенстве диспозиции ст. 151.2 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего», закрепляющей формулировку: «Склонение или иное вовлечение...», в связи с чем считаем необходимым диспозицию ст. 151.2 УК РФ привести в соответствие с ее названием, исключив термин «склонение».

Представленное семантическое значение группы терминов «склонение», «вовлечение», «оказание влияния», «призыв» свидетельствует о необходимости их понимания как процесса воздействия на склоняемое лицо, независимо от результативности совершенных действий.

Однако судебные органы в приговорах по данным преступлениям описывают не только процесс воздействия, но и результат. Так, из 24 проанализированных приговоров по ст. 230 УК РФ в 21 имеется указание на совместное употребление наркотических средств как результат склонения (87,5 %). Аналогичное описание используется в приговорах по ст. 240 УК РФ, в которых суд излагает деятельность по оказанию сексуальных услуг вовлекаемым как необходимое условие вовлечения.

По нашему мнению, содержание терминов, выраженных отглагольными существительными, используемых в ст. 110.1, 110.2, 230, 240, 280, 280.1 УК РФ, позволяет сделать вывод об усеченной конструкции данных составов, предполагающей установление момента окончания преступления на начальном этапе воздействия, независимо от того, удалось ли виновному лицу достичь преступного результата. Следовательно, в судебном решении достаточно обосновать факт воздействия на лицо, без указания на его результат.

---

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. С. 122.

Именно поэтому следует признать верными разъяснения момента окончания данных преступлений, предлагаемые в научной литературе. Например, применительно к составу публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности указывается: «...публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности признается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет»¹.

Иное значение у термина «доведение», под которым понимается «привести в какое-нибудь состояние, вызвать, породить в ком-нибудь (чем-нибудь) какие-нибудь последствия»². Очевидно, что данный термин охватывает не только процесс осуществления, но и тот результат, к которому стремиться виновный.

Именно поэтому законодатель в диспозиции ст. 110 УК РФ точно описывает не только доведение, но и те изменения, которые должно произойти после его совершения (речь идет о самоубийстве или покушении на самоубийство).

Следовательно, состав доведения до самоубийства следует признать формальным, а момент окончания связывать только с подстрекательской деятельностью, которая привела к достижению необходимой цели.

При отражении момента окончания преступления в составе планирования необходимо описать в диспозиции статьи конкретные приговорительные действия, совершение которых свидетельствует о юридическом моменте окончания преступления.

Анализ Особенной части УК РФ позволяет выделить несколько способов указания на приговорительные действия:

1. Использование формулировок приговорительных действий из Общей части УК РФ, например состав незаконного изготовления оружия (ст. 223 УК РФ).

2. Описание приговорительных действий через обобщенные формулировки, включающие в себя различные их проявления. Например, в составе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) термин «вовлечение» свидетельствует об объявлении оконченным преступлением такого приговорительно-

---

¹ Ермакова О.В. Квалификация следователем составов преступлений экстремистской направленности (ст. 280, 282, 282.1-282.2 УК РФ) на стадии возбуждения уголовного дела. Барнаул, 2014. С. 12-13.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 166.

го действия, как приискание соучастников; в составе организации экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) используемый термин «организация» означает объединение нескольких лиц в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности и осуществления ими умышленных действий, *направленных на создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности* (выделено нами. – авт.); термин «руководство» предполагает разработку общих планов деятельности экстремистского сообщества, подготовку к совершению конкретных преступлений экстремистской направленности (например, распределение ролей между членами сообщества, организацию материально-технического обеспечения, разработку способов совершения преступлений, принятие мер безопасности в отношении членов экстремистского сообщества)¹.

Использование второго способа в УК РФ находит большее распространение (составляет 86,7 %), что предполагает комплексное толкование признаков составов преступлений и терминов, используемых при их описании в диспозициях статей Особенной части для правильного определения конструкции состава оконченного преступления и момента окончания преступления (объединенное представление относительно способов описания момента окончания преступления в различных конструкциях составов представлено в приложении 3).

---

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Рос. газ. 2011. 4 июля. № 142.

§ 2.4. Вопросы толкования момента окончания преступления, а также проблемы его установления в правоприменительной деятельности

По общему правилу, вид конструкции состава и регламентация момента окончания преступления должны соответствовать принципу законности, что проявляется в требовании закрепления в уголовном законе таких конструкций, которые в полном объеме содержат обязательные признаки деяния, объявляемого преступным.

Однако, как указывал еще А.Э. Жалинский, «законодатель лишь стремится к определенности, но полностью достичь ее не может»¹, что порождает необходимость толкования уголовного закона.

Проблемы толкования закона в своей основе разработаны в общей теории права. При этом в науке сложилось в целом единое мнение, что толкование представляет собой процесс (деятельность) по уяснению и объяснению смыслового значения правовых норм².

Вопросы толкования момента окончания преступления возникают при анализе фактически каждого состава преступления. Это объясняется не только «неаккуратностью парламента»³, проявляющейся в неясности уголовного закона в части установленного момента окончания; бланкетности используемых формулировок момента окончания преступления; изменчивости смыслового содержания, заложенного в уголовно-правовые нормы с течением времени, но и неизбежностью толкования, вытекающей из диалектики соотношения нормы права и ситуации, в которой она применяется.

Чаще всего вопросы толкования момента окончания преступления вызывают «необходимость обращаться к авторитетным ориентирам в толковании, содержащимся в действующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, обзорах практики по конкретным делам»⁴. Однако немаловажную роль играет доктринальное толкование, осуществляемое в рамках развития науки уголовного права.

---

¹ Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. / отв. ред. О.Л. Дубовик. М., 2015. Т. 2. С. 169.

² См.: Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 5-6; Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 212; Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 285.

³ Бойко А.И. Указ. соч. С. 128.

⁴ Панько К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве. М., 2011. С. 19. Возросшая роль постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а также основных направлений судебной практики породила многочисленные споры о существовании судебного прецедента в российской уголовно-правовой системе. Более подробно см.: Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. / отв. ред. О.Л. Дубовик. Т. 2. С. 167-173.

К слову, необходимо отметить, что в настоящее время роль Пленума Верховного Суда РФ и его разъяснений возведена в высочайший ранг, а все суды точно воспроизводят формулировки постановлений, хотя еще XVIII в. отрицалась возможность судебной власти толковать закон. Так, Беккариа писал: «Уголовные судьи не могут иметь права толковать уголовные законы по тому соображению, что они не суть законодатели»¹.

Вопросы толкования момента окончания преступления могут возникать при анализе состава преступления, закрепленного в Особенной части УК РФ (как раз такой вид толкования чаще всего осуществляется Пленумом Верховного Суда РФ и доктриной уголовного права) либо в рамках конкретного уголовного дела.

Первая разновидность толкования возникает в тех случаях, когда совокупность объективных и субъективных признаков состава преступления не дает ясности момента окончания преступления.

При этом для уяснения момента окончания преступления необходимо не только основываться на диспозиции статьи Особенной части УК РФ, но и на иных признаках состава преступления, не нашедших отражение в норме уголовного закона.

Вторая разновидность толкования предполагает установление момента окончания при применении уголовно-правовых норм в рамках конкретного уголовного дела. Осуществление такого толкования всегда связано с вопросами судебного усмотрения², поскольку в этом случае суд должен определить наступление юридического момента окончания в конкретной жизненной ситуации.

Необходимость представленных видов толкования момента окончания преступления возникает в следующих случаях:

1. Использование для описания момента окончания преступления оценочных понятий (это характерно для преступлений с материальным составом)³.

«При применении таких норм важно определить границы судебного усмотрения», – пишет Ю.В. Грачева, предлагая в качестве ра-

---

¹ Цит. по: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. С. 98-99.

² Вопросы судебного усмотрения подробно освещены в работе Грачевой Ю.В. Судейское усмотрение в правоприменении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения. С. 143.

³ По данным Ю.В. Грачевой, в 51,43 % случаях оценочные понятия используются в УК РФ именно для описания преступных последствий. См.: Грачева Ю.В. Указ. соч. С. 163.

мок, ограничивающих возможность выбора, использовать непосредственный объект.

Например, использование в законе такого оценочного признака, как иные тяжкие последствия (ст. 205, 215.1, 246, 248 УК РФ и т.д.), предполагает включение в их характеристику вреда, причиняемого «тем же или сходным непосредственным объектам»¹.

Именно поэтому следует согласиться с К.К. Панько, утверждающим, что «установление содержания оценочного признака вне контекста уголовно-правовой нормы практически невозможно. Содержание оценочного признака должно быть присуще той норме, в которой оно находится»².

Однако, принимая во внимание сложность установления оценочных понятий (особенно при отсутствии постановлений Пленума Верховного Суда РФ), в качестве перспективного направления выступает их разъяснение в уголовном законе в виде открытых перечней, которые выступали бы ориентиром при осуществлении толкования.

Например, в составе самоуправства момент окончания преступления связывается с причинением существенного вреда. Представленное описание преступного вреда нельзя признать удачным, поскольку отсутствует указание на качественную характеристику такого вреда, а количественный показатель определен через оценочное понятие (не разъясненное даже Пленумом Верховного Суда РФ).

Анализ судебной практики показывает, что в большинстве уголовных дел (97,7 %) качественный показатель вреда в самоуправстве связывается с имущественным вредом (87 уголовных дел из 89 изученных). В единичных примерах существенный вред был усмотрен в нарушении конституционных прав граждан (1,1 %)³, лишении возможности заключить сделку (1,2 %)⁴.

Отсутствие количественного показателя (особенно в части минимального размера) также дезорганизует судебную практику, расширяя границы судебного усмотрения.

---

¹ Рапог А.И. Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений // Уголовное право. 2000. № 1. С. 41.

² Панько К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве. М., 2011. С. 101.

³ Уголовное дело № 1-17/2017. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-260-mirovogo-sudi-ximkinskogo-sudebnogo-rajona-moskovskoj-oblasti-s/act-238886839/> (дата обращения: 21.08.2017).

⁴ Уголовное дело № 1-78/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-1-veselovskogo-rajona-rostovskoj-oblasti-s/act-233744736/> (дата обращения: 21.08.2017).

2. Наделение одного и того же термина, используемого в норме закона, различным содержанием (полисемия применяемого термина).

Например, в большинстве статей УК РФ законодатель использует такое оценочное последствие, как «иные тяжкие последствия», включая в него различные проявления преступного вреда (п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, п. «а» ч. 3 ст. 127.1, п. «б» ч. 3 ст. 131, ч. 3 ст. 137 УК РФ и т.д.).

При этом содержание таких последствий в различных составах преступлений существенно разнится.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» разъясняется, что «к иным тяжким последствиям изнасилования или насильственных действий сексуального характера, предусмотренным пунктом “б” части 3 статьи 131 и пунктом “б” части 3 статьи 132 УК РФ, следует относить, в частности, самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего лица, беременность потерпевшей и т.п.»¹.

Иные разъяснения понятия «иные тяжкие последствия» приводятся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем»: «К тяжким последствиям, причиненным по неосторожности в результате умышленного уничтожения или повреждения имущества (часть вторая статьи 167 УК РФ), относятся, в частности, причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку либо причинение средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам; оставление потерпевших без жилья или средств к существованию; длительная приостановка или дезорганизация работы предприятия, учреждения или организации; длительное отключение потребителей от источников жизнеобеспечения – электроэнергетики, газа, тепла, водоснабжения и т.п.»².

---

¹ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Очевидно, что во втором случае содержание понятия «иные тяжкие последствия» представлено в значительно более широком варианте.

Считаем, что наделение одного и того же понятия различным содержанием негативно сказывается как в толковании уголовного закона, так и в правоприменительной деятельности.

Как указывает В.Ф. Щепельков, при толковании многозначных терминов такое слово необходимо распознать и выбрать соответствующее значение слова в конкретном контексте¹.

Не отрицая значимость предложенных рекомендаций, наиболее важной представляется унификация содержания применяемых в законе терминов, при которой будет отсутствовать необходимость уяснения в каждой норме содержательной составляющей.

3. Неясность того вреда, который охватывается составом преступления, но не получает юридического выражения (речь идет о разновидности формальных составов преступлений, включающих преступный вред).

По общему правилу, вопросы включения того или иного объема вреда в состав преступления должны решаться на сопоставлении различных статей УК РФ (как диспозиций, так и санкций) либо различных частей одной и той же статьи.

Однако толкование таких конструкций чаще всего оказывается дискуссионным, а высказываемые предложения противоречивыми, что приводит к расширению судебного усмотрения в правоприменительной деятельности. Например, в науке уголовного права неоднозначно решается вопрос о включении тяжкого вреда здоровью в состав применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), сконструированного по типу формального состава с включением определенного объема вреда².

Подобные сложности в толковании объема вреда, охватываемого рамками формального состава преступления, могут быть решены путем легального толкования самого деяния, образующего объективную сторону состава.

---

¹ Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М., 2003. С. 33.

² Сопоставительный анализ санкций позволил Н.Г. Иванову сделать вывод о включении тяжкого вреда здоровью в ч. 2 ст. 318 УК РФ, что вызвало критику в научной литературе. См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2001. С. 764; Грачева Ю.В. Указ. соч. С. 161.

4. Сложности установления опасности наступления преступных последствий, закрепленных в статье Особенной части УК РФ, при определении момента окончания состава опасности.

Опасность причинения вреда следует определять через схожую категорию реальной возможности.

По мнению В.Н. Винокурова, возможность причинения вреда характеризуется объективными и субъективными аспектами. При субъективном понимании возможности, оценка деяния зависит от субъективных качеств оценивающего лица – его личного опыта, эмоциональной настроенности, психических переживаний. Как объективная категория возможность выражает определенное состояние самой действительности, наличие в ней условий, которые в своем закономерном развитии могли привести к фактическим последствиям, но их наступлению помешали случайные для данной закономерности обстоятельства¹.

Трансформируя представленные положения применительно к понятию опасности причинения вреда, можно сделать вывод, что последняя представляет собой такое состояние действительности, при котором из совершенного деяния с необходимостью вытекает преступный вред. Однако в данной конкретной ситуации его наступление не произошло по случайному стечению обстоятельств.

Например, в приговорах по ч. 1 ст. 122 УК РФ («Заражение ВИЧ-инфекцией») судом описывается само деяние, которое закономерно должно было породить заражение, однако в рамках конкретной ситуации данные последствия не наступили².

В тех же случаях, когда в конкретной обстановке «не сложилась совокупность всех условий, при которой наступают вредные последствия... нельзя считать, что действие или бездействие обвиняемого создавало реальную возможность наступления вреда»³.

5. Использование терминов, представляющих собой отглагольные существительные, при описании преступного деяния (в преступлениях с формальным либо усеченным составом), имеющих двойственное значение – процесса совершения деяния либо его ре-

---

¹ Винокуров В.Н. Объект преступления: аспекты понимания, способы установления и применение уголовного закона. М., 2012. С. 141.

² Судами используется общая формулировка, что «были проведены лабораторные исследования на ВИЧ-инфекцию, по результатам которых ВИЧ-инфекция обнаружена не была». См.: уголовное дело № 1-46/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-67-pervomajskogo-rajona-s/act-225252157/> (дата обращения: 21.08.2017).

³ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 178.

зультата (более подробно проблема использования отглагольных существительных в качестве терминов рассматривалась в § 2.3).

Толкование момента окончания преступления при использовании терминов, выраженных отглагольными существительными, должно основываться на едином понимании того значения, которое вкладывает законодатель в характеристику деяния. Как уже указывалось на страницах работы, в формальном составе термины, выраженные отглагольными существительными, должны пониматься с точки зрения завершенности преступного деяния (иначе говоря, как результат); в усеченном же составе целесообразно использовать единое понимание процесса совершения деяния.

Кроме того, толкование момента окончания в рассматриваемом случае должно осуществляться только с учетом лексического, грамматического и синтаксического значений слов, применяемых в своей совокупности.

6. Неясность момента наступления преступных последствий, вызванная временной протяженностью преступного деяния.

Так, момент окончания родового состава хищения, сконструированного по типу материального, согласно примечанию 1 к ст. 158 УК РФ, определяется моментом причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества, под которым понимается часть прямого (реального) имущественного ущерба, выраженная в утрате имущества. Однако хищение – это деяние, которое протекает во времени. Поэтому возникает вопрос: в какой момент совершения хищения указанный имущественный ущерб может считаться причиненным, а хищение – оконченным? Этот вопрос уже много десятков лет не находит однозначного ответа в отечественной теории уголовного права и правоприменительной практике.

Проблема момента окончания хищения в российской науке уголовного права была поставлена и активно обсуждалась еще дореволюционными исследователями. К ней обращались как в связи с анализом в ретроспективном плане уже утратившего силу законодательства XVII-XIX вв., так и в связи с необходимостью разъяснения норм Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Стоит подчеркнуть, что поскольку родового понятия хищения в его современном понимании в то время не существовало, ученые рассматривали момент окончания либо отдельных преступлений, которые ныне относятся к хищениям, либо так называемого похищения, объединяющего собой кражу, мошенничество, грабеж и разбой.

И.Я. Фойницкий отмечал, что по вопросу о моменте совершения (момента окончания) похищения в доктрине представлены три раз-

личные теории: 1) теория прикосновения; 2) теория уноса; 3) теория завладения¹. На них же применительно к краже указывал Л. Белогриц-Котляревский².

«Теория прикосновения (*contrectatio*), – писал И.Я. Фойницкий, – объявляет похищение оконченным с момента, в который виновный противозаконно прикоснулся к чужому имуществу. Она опирается на римское определение похищения, даваемое юристом Павлом, но идет очень далеко, видя совершение в такой деятельности, которая сама по себе не создает еще изменений в имущественной сфере и не может быть твердым признаком для установления намерения, руководившего виновным»³. В результате теория прикосновения еще в позапрошлом веке была признана русскими юристами абсолютно непригодной для определения момента окончания рассматриваемой группы преступлений, в связи с чем специалисты к ней уже не возвращались.

Иной оказалась судьба двух других теорий – теории уноса и теории завладения.

«Теория уноса (*Ablations-Theorie*), – отмечал И.Я. Фойницкий, – отодвигает окончание похищения к моменту противозаконного удаления виновным чужого имущества из того помещения, в котором оно находилось»⁴. Подобное определение момента окончания хищения встречалось и на законодательном уровне: например, Артикул воинский 1715 г. связывал момент окончания кражи с уносом вещи с места преступления⁵.

В дореволюционной уголовно-правовой науке и правоприменительной практике теория уноса была расценена как несостоятельная по двум причинам: во-первых, из-за совершенной неопределенности, на какое расстояние имущество должно быть перенесено с прежнего места; во-вторых, в связи с тем, что «полный разрыв юридической и фактической связи хозяина с его имуществом возможен без выноса его из прежнего помещения»⁶. В решении по делу Чернытина о краже Сенат подчеркивал, что унос имущества вовсе не составляет необходимого условия для признания этого преступления

---

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1901. С. 179.

² Белогриц-Котляревский Л. О воровстве-краже по русскому праву. Киев, 1880. С. 33.

³ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 179.

⁴ Там же.

⁵ См.: Елисеев С.А. Преступления против собственности в истории уголовного законодательства России. Томск, 2005. С. 27.

⁶ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 179.

совершившимся, т.к. «унос вещи служит только для избежания опасности быть пойманным и для извлечения пользы из покраденного»¹. Тем не менее, как констатируют современные специалисты, свое развитие эта теория получила в XX в., преобразовавшись в позицию, отождествляющую окончание хищения с моментом получения виновным реальной возможности пользоваться имуществом или распорядиться им по своему усмотрению².

Господствующее положение в XIX – начале XX в. занимала теория завладения (Occupations-Theorie), согласно которой «похищение признается оконченным с момента перехода имущества из владения потерпевшего во владение виновного»³. Теории завладения придерживались, в частности, такие известные исследователи, как Л. Белогриц-Котляревский⁴, И.Я. Фойницкий⁵, Н.С. Таганцев⁶, Н.Д. Сергиевский⁷, П.П. Пусторослев⁸. Так, Л. Белогриц-Котляревский связывал момент окончания кражи с моментом, когда вор поставил вещь в фактическую, телесную зависимость от себя. «Момент совершения воровства, таким образом, – писал он, – совпадает с тем моментом, когда лицо поставит вещь в такую телесную зависимость от себя, что его воля может воздействовать на вещь так, как воздействует вообще воля фактического владельца вещи»⁹. Аналогичные рассуждения находим и у И.Я. Фойницкого, который также понимал владение в смысле фактического отношения лица к вещи¹⁰.

Теория завладения определяла и основное направление правоприменительной практики, складывающейся в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Например, в решении Сената по делу Тюркова указывалось: «Для окончания кражи необходимо только, чтобы похищенные вещи на самом деле перешли из владения хозяина их во владение похитителя или, по

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Таганцевым Н.С. СПб., 1898. С. 791.

² См., например: Токарчук Р.Е. Момент окончания хищений и его соотношение с принципами и задачами Уголовного кодекса Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2007. № 3. С. 57.

³ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 179-180.

⁴ Белогриц-Котляревский Л. Указ. соч. С. 33.

⁵ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 179.

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных... С. 791.

⁷ Сергиевский Н.Д. О мошенничестве по русскому праву. С. 402-403.

⁸ Пусторослев П.П. Из лекций по Особенной части Русского уголовного права. Юрьев, 1908. С. 175-176.

⁹ Белогриц-Котляревский Л. Указ. соч. С. 33-34.

¹⁰ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 179.

крайней мере, были поставлены в такое положение, что по понятию о праве собственности на движимые имущества могли быть почитаемы находящимися во владении вора»¹.

Однако широкое распространение теории завладения и использование большинством ученых того времени и правоприменительными органами термина «завладение» для определения момента окончания похищения или отдельных его видов отнюдь не свидетельствовали о достижении единообразия в решении этого вопроса. Несмотря на то, что общие положения о моменте окончания кражи и некоторых других форм хищения, сформулированные разными авторами, были близки друг другу, само завладение сторонники рассматриваемой теории понимали не всегда одинаково, из чего вытекали и расхождения в оценке идентичных конкретных ситуаций. Так, Л. Белогриц-Котляревский считал, что кража будет оконченной не только тогда, когда вор уже уносит вещь, но и тогда, когда он успел приготовить ее для уноса, например, положил в корзину². Подобная же мысль была отражена и в решении Сената по делу Строева: Сенат указал, что кража должна считаться оконченной, если похититель, войдя в чужую квартиру, положил уже вещь в карман, хотя бы он был пойман и украденная вещь у него отнята³. И.Я. Фойницкий же полагал, что вещь не похищена, пока она не вышла из того помещения, на которое распространяется исключительная власть физического господства потерпевшего⁴; отсюда вполне логичным оказывается вывод о том, что нахождение вещи, например, в корзине виновного до тех пор, пока сама корзина вместе с ним находится в помещении, принадлежащем потерпевшему, не превращает похищение на кражу в оконченное преступление.

То, что с помощью теории завладения, как и с помощью теории уноса, не во всех ситуациях можно было дать однозначный ответ на вопрос о моменте окончания хищения, было в значительной степени объективно обусловлено. И.Я. Фойницкий отмечал, что момент окончания кражи во многом зависит от свойств похищаемой вещи и от способа обладания, каковым может быть держание не только в собственных руках, но и в находящихся под властью лица помещениях (карман сюртука, квартира, огороженный или неогороженный двор) или посредством третьих лиц: «Платком, находившимся в нашем кармане или в нашей квартире, мы перестаем владеть, как

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных... С. 791.

² Белогриц-Котляревский Л. Указ. соч. С. 33-34.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных... С. 793.

⁴ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 180.

только он взят лицом посторонним; телега, стоящая на нашем дворе, мебель в квартире, перестают быть предметом нашего владения лишь тогда, когда они удалены со двора или из квартиры; для признания похищения совершившимся в одних случаях необходим унос вещи, в других его не требуется»¹. Таким образом, определение момента окончания хищения превращалось в вопрос факта. Это, впрочем, признавал и Сенат: «...При многообразных условиях, при которых может быть совершена кража, зависящих от свойств похищенного имущества и от того положения, в коем находился похититель к законному владельцу, разрешение вопроса о том, перешло ли похищенное во владение вора, т.е. совершена ли кража или существует только покушение на оную, возможно только в каждом данном случае, а признание фактов, служащих основанием для суждения об этом, зависит от суда, рассматривающего дело по существу»².

Как следствие, правоприменительная практика того времени, судя по приводимым учеными примерам, порой была довольно противоречивой. Так, Сенат квалифицировал как оконченную кражу действия Чернытина, похитившего деньги из алтаря церкви и пробравшегося затем через колокольню под крышу церкви, где он и был задержан. При этом было указано, что виновный изъясил деньги из обладания законного владельца – церкви и присвоил их себе. То же обстоятельство, что в момент обнаружения кражи он еще находился в пределах церкви, по мнению Сената, говорит лишь о том, что он не успел унести украденное и извлечь из него пользу, но никак не влияет на признание кражи оконченной³. Между тем, если исходить из того, что имущество еще не вышло за пределы помещения, в котором оно находилось, квалификация содеянного как оконченной кражи выглядит, по меньшей мере, сомнительной. Относительно момента окончания кражи по делу Юханова Сенат отметил, что преступление окончено, если вещь фактически перешла во владение похитителя, что полностью соответствует общим положениям теории завладения; в решении же по делу Уреки утверждалось, что «кража считается совершившеюся с того момента, когда предмет ее изъят из владения собственника»⁴. Не было четкости в определении Сенатом момента окончания мошенничества: в решении по делу Сердешнева он отождествлялся с моментом, когда «имущество, которое было непосредственною целью преступления, было изъято из

---

¹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 180.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных... С. 792.

³ Там же. С. 793.

⁴ Там же. С. 791.

владения обманутого»; в решении же по делу Чолока преступление уже признавалось оконченным «лишь с того момента, когда виновный воспользовался имуществом или трудами других»¹.

Нельзя не упомянуть о том, что еще в дореволюционной уголовно-правовой доктрине в рамках рассматриваемой теории были заложены предпосылки для такого толкования термина «завладение», которое получило распространение в отечественной науке уголовного права во второй половине XX в., послужив, наряду с положениями теории уноса, основой для создания теории реальной возможности пользоваться похищенным или распорядиться им по своему усмотрению. Так, П.П. Пусторослев, являясь сторонником теории завладения, писал: «Не только кража, но и грабеж и разбой находятся в стадии совершения только в том случае, когда посягатель, хотя бы на одно мгновение, действительно приобрел похищаемое чужое движимое имущество или какую-нибудь часть этого имущества *в свое фактическое распоряжение* (выделено нами. – авт.), а сколько времени он обладал приобретенным и что с ним сделал, это совершенно безразлично для наличности стадии совершения»².

Анализ работ перечисленных выше представителей теории завладения показывает, что уже тогда специалисты обращали внимание на возможность разрыва во времени между прекращением владения на стороне потерпевшего и установлением владения на стороне виновного. Так, И.Я. Фойницкий писал: «Похищение есть завладение чужим движимым имуществом, захват его; необходимо поэтому для признания его совершившимся, чтобы имущество не только вышло из владения потерпевшего, но и перешло во владение виновного. Обыкновенно эти моменты совпадают так, что владение, прекращаясь на одной стороне, тем самым устанавливается на другой. Но иногда между ними возможен некоторый промежуток (вор выбросил вещи из чужой квартиры на улицу, следовательно, изъял их из владения потерпевшего, но задержан ранее, чем успел сам выйти из квартиры и овладеть вещами)³». Оценка ситуации с учетом возможности этого разрыва приводила ученых к мысли о том, что изъятия вещи из владения потерпевшего недостаточно для признания кражи оконченной: для этого требуется, чтобы виновный получил имущество в свое фактическое обладание, которое, как уже отмечалось, трактовали неоднозначно.

---

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных... С. 832.

² Пусторослев П.П. Указ. соч. С. 175-176.

³ Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 179-180.

Подводя итог, заметим, что многообразие позиций, объединенных в рамках теории завладения, привело к тому, что эта теория впоследствии разделилась на несколько направлений. Р.Е. Токарчук вслед за В.А. Владимировым называет два таких направления: 1) теорию изъятия (хищение окончено, если имущество изъято из законного владения); 2) концепцию завладения (изъятое имущество должно перейти в обладание виновного)¹. В действительности же теория завладения, в одном из своих проявлений близко примыкая к теории уноса, была прародительницей и современной господствующей теории, связывающей момент окончания хищения с появлением у виновного реальной возможности пользоваться имуществом или распорядиться им как своим собственным.

В первые десятилетия советского периода теорию завладения поддерживало большинство наиболее известных исследователей, занимавшихся проблемами ответственности за преступления против собственности, в частности А.А. Жижиленко, М.М. Исаев. Так, М.М. Исаев полагал, что оконченной кража считается тогда, когда вещь перешла во владение виновного, не уточняя, однако, в какой именно момент это происходит². А.А. Жижиленко указывал, что оконченным похищение имущества должно считаться с момента приобретения виновным чужого имущества. Повторяя положения, сформулированные представителями теории завладения еще в XIX – начале XX в., он отмечал: «Так как для похищения нужно, чтобы владение было прекращено на одной стороне и взамен того было установлено на другой, то для окончания похищения необходимо, чтобы не только потерпевший утратил владение данной вещью, но и чтобы виновный получил это владение, т.е. чтобы оба эти момента были налицо. Однако они обычно совпадают друг с другом, так как поскольку виновный прекращает владение вещью другого лица, постольку он тем самым устанавливает свое владение, становясь в особое отношение к данной вещи, заменяя ее прежнего владельца; раз вещь захвачена виновным, она тем самым приобретена им. Но возможны случаи, когда вещь изъята уже из обладания ее владельца, но не перешла еще во владение похитителя, например, если вор выбросил вещь из окна, чтобы на улице ее подобрать, или спрятал ее во дворе дома, чтобы прийти за ней впоследствии. Здесь еще нет завладения виновным вещью, поэтому похищение еще не окончено».

---

¹ Токарчук Р.Е. Указ. соч. С. 57; Владимиров В.А. Квалификация похищений личного имущества. М.: Юридическая литература, 1974. С. 35-41.

² Исаев М.М. Преступления против социалистической и личной собственности. М., 1945. С. 13.

но»¹. «...Нужно признать, – продолжал он, – что вещь вообще не должна еще считаться похищенной, пока она не вышла из рук потерпевшего или из того помещения, на которое распространяется фактически его господство»². А.А. Жижиленко так же, как и дореволюционные исследователи, обращал внимание на зависимость установления момента окончания похищения от особенностей и свойств предмета похищения. Он подчеркивал, что поскольку преступление считается оконченным с момента захвата вещи, постольку для его состава не имеет значения, что впоследствии сделано с данной вещью и как она была использована похитителем (например, успел ли виновный воспользоваться похищенным и извлечь из кражи какую-нибудь выгоду)³.

Иную точку зрения в тот период развития уголовно-правовой теории высказывал С.В. Познышев. Он считал, что для окончания похищения не требуется установления владения на стороне виновного, т.к. похищение есть изъятие из чужого владения; поэтому хищение он находил оконченным в тот момент, как окончилось изъятие, т.е. прекратилось владение вещью со стороны хозяина⁴. Эта позиция, хотя и основывалась на сформулированном в рамках теории завладения положении о возможности несовпадения моментов прекращения владения на стороне потерпевшего и установления владения на стороне виновного, тем не менее, уже существенно отличалась от данной теории.

Однако до 60-х гг. XX в. превалирующей в отечественной науке уголовного права и правоприменительной практике продолжала оставаться теория завладения. В то же время все более очевидной становилась дифференциация объединяемых ею подходов.

Одни ученые отождествляли завладение с изъятием имущества. Так, М.П. Михайлов указывал, что для наличия состава оконченной кражи вовсе не требуется установления двух моментов – изъятия имущества и последующего завладения им, а вполне достаточно одного – изъятия имущества из чужого обладания, которое одновременно является и актом преступного завладения имуществом⁵. Свою концепцию М.П. Михайлов иллюстрировал следующим примером: вор изъяс бумажник с деньгами и бросил его в окно, но был задер-

---

¹ Жижиленко А.А. Имущественные преступления. Л., 1925. С. 72-73.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 72-73.

⁴ См. об этом: Жижиленко А.А. Указ. соч. С. 72.

⁵ Михайлов М.П. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой. М., 1958. С. 71.

жан; в этом автором усматривалась оконченная кража, т.к. было произведено изъятие имущества, которое в то же время, по его мнению, являлось и завладением¹. Примеры, подобные этому, приводили и дореволюционные исследователи, однако они полагали, что завладения здесь еще нет, а присутствует лишь изъятие, утрата владения потерпевшим.

Другие криминалисты не настаивали на совпадении моментов изъятия и завладения имуществом, отмечая, что момент завладения – это момент фактического получения имущества виновным. В частности, А.А. Пионтковский, В.А. Владимиров, М.И. Бажанов под завладением понимали установление фактического обладания вещью независимо от того, имеется или нет у виновного в этот момент реальная возможность распорядиться этим имуществом по своему усмотрению².

Наконец, некоторые авторы отодвигали момент завладения имуществом, а вместе с ним и момент окончания хищения, не только от момента изъятия имущества из владения потерпевшего, но и от момента фактического получения его похитителем в свое обладание. Такая позиция была сформулирована в середине 60-х – начале 70-х гг. XX в. Г.А. Кригером³. Он писал: «...Кражу следует считать оконченной не в момент установления преступником фактического обладания вещью, а в момент, когда виновный действительно завладевает... имуществом, получая при этом возможность распорядиться им по своему усмотрению»⁴. Объяснение своей позиции Г.А. Кригер видел в том, что признание кражи оконченным преступлением в момент установления фактического обладания социалистическим имуществом, независимо от возможности у преступника распорядиться им по своему усмотрению, могло бы привести к ослаблению борьбы с весьма опасными и относительно распространенными кражами, поскольку напрямую влияло бы на возможность признания в качестве соучастников тех лиц, которые оказывали по-

---

¹ Михайлов М.П. Указ. соч. С. 71.

² Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1955. Т. 1. С. 402-404; Бажанов М.И. Ответственность за кражу личного имущества граждан и за разбой по советскому уголовному законодательству. Харьков, 1957. С. 14; Владимиров В.А. Преступления против личной собственности граждан. М., 1962. С. 8.

³ Кригер Г.А. Борьба с хищениями социалистического имущества. М.: Юридическая литература, 1965. С. 124; Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 116.

⁴ Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. С. 116.

мощь в выносе похищенного имущества с охраняемой территории¹. Современные исследователи справедливо указывают, что передвижение в 60-70-е гг. XX в. момента окончания хищения на момент появления у виновного реальной возможности пользоваться похищенным или распорядиться им по своему усмотрению во многом было связано со стремлением более жестко наказывать лиц, обязанных по долгу службы препятствовать незаконному перемещению социалистического имущества за пределы охраняемой территории в случае обнаружения такого факта (охранников, вахтеров, сторожей и т.д.), но не делающих этого и тем самым содействующих преступнику: только при таком толковании момента окончания кражи они могли признаваться соучастниками хищения². При ином понимании момента окончания хищения указанные лица подлежали ответственности лишь за прикосновенность к преступлению.

Судебная практика до начала 70-х гг. прошлого века в основном шла по пути признания моментом окончания хищения того момента, когда имущество было изъято у потерпевшего, т.е. вышло из его владения и оказалось в фактическом обладании виновного вне зависимости от того, мог ли последний распорядиться им по своему усмотрению или использовать это имущество. Так, Ермолаев и Александров судом первой инстанции были осуждены за оконченную кражу мяса с мясокомбината. Сначала они вынесли мясо из помещения базы мясокомбината в другое помещение и спрятали там, затем пытались вынести мясо за пределы территории комбината, но были замечены охраной и скрылись. В кассационной жалобе осужденные просили квалифицировать содеянное как покушение на преступление. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в кассационном определении указала, что мясопродукты находились в обладании осужденных, которые впоследствии не смогли ими воспользоваться по не зависящим от них причинам, поэтому действия виновных нельзя расценивать как покушение³.

Изменение правоприменительной практики произошло после того, как в п. 10 Постановления «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» от 11 июля 1972 г. № 4 Пленум Верховного Суда СССР указал: «Хищение следует считать оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению

---

¹ Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. С. 106.

² См.: Козлов А.П. Понятие преступления. С. 294.

³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1962. № 11. С. 7.

или пользоваться им»¹. Таким образом, концепция, разработанная Г.А. Кригером, получила закрепление на уровне разъяснений высшей судебной инстанции страны и с тех пор господствует и в теории уголовного права, и в российской правоприменительной практике.

Мнение о том, что хищение окончено с момента появления у виновного реальной возможности пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению изъятым у собственника или иного владельца имуществом, в настоящее время поддерживается большинством ученых². Этот же подход отражен и в действующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, посвященных различным формам хищения. Так, в пункте 6 Постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывается: «Кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)»³. В пункте 4 Постановления от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» говорится: «Мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное

---

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972. № 4.

² См., например: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М., 2006. С. 61; Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М., 2005. С. 221; Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. Киев, 1975. С. 123; Богданчиков С.В. Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности (хищения) / под ред. А.А. Магомедова. М., 2008. С. 83; Богданчиков С.В. Формы хищения чужого имущества по российскому уголовному закону // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 2. С. 83; Векленко В.В. Квалификация хищений чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2001. С. 53; Верин В.П. Преступления в сфере экономики: учебно-практ. пособие. М., 2003. С. 10; Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. М., 2001. С. 48; Гуров А.И. Мошенничество и его профилактика. М., 1983. С. 30; Ераксин В.В. Ответственность за грабеж. М., 1972. С. 30; Завидов Б.Д., Гусев О.Б., Коротков А.П. Уголовно-правовой анализ грабежа, разбоя и вымогательства // Адвокат. 2002. № 5. С. 2; Завидов Б.Д. Кража. Уголовно-правовой анализ диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. М., 2002. С. 11; Севрюков А.П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М., 2004. С. 49; Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб., 2003. С. 203 и др.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 3.

владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению»¹.

Нельзя не заметить, что сами по себе приведенные в постановлениях формулировки не вполне удачны, если оценивать их сквозь призму понятия момента юридического окончания преступления, который должен связываться с проявлением в деянии какого-либо одного признака объективной стороны, завершающим накопление в деянии признаков состава. В данном же случае в обоих процитированных постановлениях при определении момента окончания различных форм хищений называется по два признака: «имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться», «имущество поступило в незаконное владение виновного, и он получил реальную возможность пользоваться или распоряжаться им». Это запутывает представление о механизме развития объективной стороны преступления, поскольку остается неясным, обозначают ли указанные признаки разные моменты в развитии преступления или один и тот же момент. Однако при любой интерпретации оказывается, что правовое значение для определения момента окончания хищения имеет только появление у виновного реальной возможности пользоваться и распорядиться имуществом потерпевшего: во-первых, оно упоминается Пленумом Верховного Суда РФ и в том, и в другом постановлении; во-вторых, если исходить из его несовпадения с другим называемым признаком (в частности, изъятием имущества), во временном отношении появление у виновного указанной возможности все равно происходит позднее. Именно таким пониманием момента окончания хищения руководствуются суды при рассмотрении конкретных уголовных дел. Так, Президиум Московского городского суда указал в своем постановлении, что действия Гунчева, который пытался скрыться с несколькими изъятymi в магазине шубами, но по дороге бросил их и был задержан, нельзя признать оконченным преступлением, поскольку он не имел возможности распорядиться похищенным имуществом².

Изучение уголовно-правовой литературы и судебной практики показывает и иные существенные недостатки подобного подхода к определению момента окончания хищения.

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2. С. 22-23. Аналогичная формулировка содержится в надзорном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 января 2007 г. № 19-Д06-47 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Первый из них заключается в том, что подобное разъяснение в действительности вовсе не фиксирует момент окончания хищения, ведь Пленум Верховного Суда РФ не уточняет, в какой момент можно констатировать появление у виновного реальной возможности пользоваться имуществом или распорядиться им. Поэтому возникает необходимость толкования этого понятия, причем дается оно учеными и лицами, применяющими уголовный закон, весьма произвольно.

Так, при проведении нами анкетирования 47 % опрошенных работников правоохранительных органов и представителей науки уголовного права пояснили, что реальная возможность распоряжения или пользования похищенным означает отсутствие препятствий со стороны третьих лиц; 15 % респондентов считают, что о такой возможности можно говорить только при значительном промежутке времени с момента совершения преступления, а 38 % опрошенных вообще не смогли как-либо интерпретировать это понятие. При этом и отсутствие препятствий со стороны третьих лиц, и значительный промежуток времени с момента совершения преступления фактически зависят от того, на какое расстояние с места изъятия имущества переместился виновный к моменту его задержания. В результате рассматриваемая концепция оказывается не чем иным, как когда-то отвергнутой русскими криминалистами теорией уноса.

Анализ современной судебной практики свидетельствует о том, что суды нередко делают вывод о наличии у виновного возможности пользоваться или распоряжаться похищенным лишь в том случае, если виновный скрылся с места совершения преступления с похищенным имуществом. Если же он был задержан на месте преступления или вблизи него, содеянное, как правило, расценивают как покушение на хищение. В описательной части изученных приговоров нам, например, встретились следующие формулировки: «Крюков был задержан *недалеко* от места совершения преступления, что дает основания суду квалифицировать действия подсудимого как покушение на грабеж»¹; «виновные не смогли довести преступный умысел до конца, поскольку *на расстоянии 15-20 метров* от места совершения преступления они были замечены сотрудниками милиции, не имея реальной возможности распорядиться похищенным»² (выделено нами. — авт.).

---

¹ Архив Новоалтайского городского суда Алтайского края. 2009. Д. № 1-415.

² Архив Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края. 2003. Д. № 1-461.

В уголовно-правовой литературе разъяснению понятия «реальная возможность пользоваться имуществом или распорядиться им по своему усмотрению» не уделяется должного внимания. Анализ научных источников показывает, что единых критериев специалистами не предлагается, и установление указанной возможности на практике превращается в вопрос факта. При его решении ученые рекомендуют учитывать различные обстоятельства: место обнаружения предмета преступления; цели, которые преследует виновный в отношении изъятого имущества¹; свойства похищенного имущества²; личность расхитителя (его способности распорядиться имуществом)³; конкретные условия, при которых совершается преступление, т.е. время суток, погодные условия, наличие в непосредственной близости объектов, затрудняющих наблюдение (зданий, строений, транспорта, коммуникаций и т.п.)⁴; намерения лица о порядке использования имущества, а в ряде случаев субъективную оценку ситуации самим преступником⁵. Однако даже этот перечень признать исчерпывающим нельзя, поскольку можно выделить и другие факторы, например, особенности территории, с которой похищается имущество, наличие посторонних лиц, которые могут этому помешать, и т.д. Между тем еще в XIX в. Сенат в решении по делу Елифанова совершенно справедливо указал: «Признавать похищение чужого имущества совершившимся с момента, в который похититель вступит в спокойное владение оными и воспользуется всеми плодами своего законопротивного деяния, значит уничтожать всякое существенное различие между преступлением и покушением и ставить, в каждом данном случае, признание того или другого в зависимости от совершенно случайных обстоятельств»⁶.

Сложившееся положение с толкованием момента окончания хищения приводит к тому, что, как справедливо отмечает В.Н. Литовченко, происходит утрата объективного критерия момента оконча-

---

¹ См.: Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. С. 225-226.

² См.: Курченко В. Оконченное преступление или покушение? // Законность. 2005. № 11; Хиллута В.В. Момент окончания хищения в доктрине уголовного права: практика применения теоретических концепций // Правоведение. 2006. № 6. С. 103.

³ См.: Букаев Н.М. Теоретические проблемы первоначального этапа расследования преступлений против собственности: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2001. С. 39.

⁴ См.: Третьяк М., Волошин В. Определение момента окончания хищения // Уголовное право. 2007. № 3. С. 64.

⁵ См.: Сухарев Е.А., Горбуза А.Д. Методика квалификации преступлений против социалистической собственности. Сухуми, 1983. С. 28.

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных... С. 793.

ния преступления и остается широкий простор субъективным суждениям в оценке достижения виновным реальной возможности пользоваться похищенным имуществом или распорядиться им по своему усмотрению¹. Подтверждением тому являются и некоторые примеры из судебной практики. П. встретил на улице М., выхватил из ее рук сумку и побежал. Патрулировавший улицу наряд милиции проследовал за П., и через несколько минут он был задержан. Октябрьский районный суд г. Барнаула квалифицировал действия П. как оконченное хищение, ссылаясь на то, что у последнего была возможность пользоваться или распоряжаться имуществом по своему усмотрению². Возникает, однако, вопрос, в какой момент преследования эта возможность появилась у виновного?

Таким образом, следует констатировать, что определение Пленумом Верховного Суда РФ момента окончания хищения через такое оценочное понятие, как наличие у виновного реальной возможности пользоваться похищенным имуществом или распорядиться им по своему усмотрению, негативно сказывается на правоприменительной практике³. Не случайно и в научной литературе встречаются суждения о том, что никакого универсального решения здесь быть не может, а все зависит от конкретных обстоятельств дела⁴.

Второй недостаток разъяснений, данных высшей судебной инстанцией страны, состоит в том, что приведенное в постановлениях толкование не соответствует определению хищения, закрепленному в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Из понятия хищения вытекает, что момент окончания преступлений, относящихся к хищениям, должен связываться с причинением имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества. В постановлениях же о причинении имущественного ущерба потерпевшему вообще ничего не говорится. Указывая в качестве момента окончания хищений момент появления у виновного реальной возможности пользоваться похищенным или распорядиться им по своему усмотрению, Пленум Верховного Суда РФ фактически производит подмену понятий, отождествляя момент появления указанной возможности и момент при-

---

¹ Литовченко В.Н. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность (понятие хищения). М., 1985. С. 50.

² Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. 2005. Д. № 1-24.

³ Об этом же пишут и другие авторы: см., например: Векленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 140-147; Токарчук Р.Е. Указ. соч. С. 58.

⁴ См., например: Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000. С. 83; Векленко В.В. Квалификация хищений чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2001. С. 210.

чинения имущественного ущерба собственнику или иному владельцу. Между тем абсолютное тождество этих моментов еще нужно доказать. Как показало проведенное нами исследование, они далеко не всегда совпадают, о чем будет сказано далее.

Третий недостаток предложенного Пленумом Верховного Суда РФ определения момента окончания хищений видится в том, что оно неудачно с философской точки зрения. Категория возможности фиксирует объективную тенденцию развития существующих явлений, наличие условий их возникновения или, как минимум, отсутствие обстоятельств, препятствующих их возникновению¹. В философии принято различать реальную и абстрактную возможность. Абстрактная возможность выражает отсутствие каких-либо условий, порождающих некоторое явление, но вместе с тем и отсутствие условий, препятствующих его возникновению. Реальная же возможность характеризуется наличием ряда необходимых условий для перехода возможности в действительность². Из этого вытекает вывод о том, что в правоприменительной практике момент возникновения реальной возможности пользоваться изъятым имуществом или распорядиться им по своему усмотрению должен быть отодвинут от момента изъятия даже еще дальше, чем это обычно делается сейчас, и устанавливаться с учетом конкретных случайных обстоятельств, например, таких, как близкое расположение мест, где виновный мог бы реализовать имущество, или встреча с лицами, которым это имущество можно было бы сбыть. Момент же, когда отпадают препятствия со стороны третьих лиц, с которым в настоящее время суды нередко связывают момент окончания хищения, с философских позиций может расцениваться всего лишь как момент появления у похитителя абстрактной возможности пользоваться или распорядиться имуществом, а такая возможность, с точки зрения Пленума Верховного Суда РФ, недостаточна для признания хищения оконченным. В научной литературе приводится пример, когда виновные вместе с тайно изъятыми ими во дворе дома металлическими трубами удалились от места кражи на 500 метров, но судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда переквалифицировала их действия с оконченной кражи на покушение, указав, что после изъятия имущества они не имели реальной возможности распорядиться трубами по своему усмотрению, например, спрятать или

---

¹ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 69.

² Там же.

продать, как они намеревались¹. Если исходить из изложенного выше философского понимания реальной возможности распорядиться имуществом по своему усмотрению, данное решение вовсе не выглядит абсурдным: необходимых условий для реализации труб или их припрятывания на момент задержания действительно еще не существовало. Нетрудно, однако, представить, к чему способно привести подобное толкование момента окончания хищений: виновный, изъявший чужое имущество в безлюдной местности (например, оборудование в трансформаторной подстанции, находящейся на значительном расстоянии от населенных пунктов, кабель с электрических сетей, проходящих вдоль железной дороги), будет считаться совершившим лишь покушение на кражу, даже проехав несколько десятков километров от места совершения преступления.

Наконец, в теории уголовного права отдельными авторами обращается внимание на еще один недостаток разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, касающихся определения момента окончания хищений. А.П. Козлов отмечает, что предложенное Верховным Судом РФ толкование момента окончания хищения основывается на учете интересов виновного, поскольку момент окончания хищения связывается с появлением у него возможности пользоваться или распоряжаться похищенным, а не с утратой этой возможности потерпевшим². Р.Е. Токарчук справедливо полагает, что такой подход противоречит задачам Уголовного кодекса РФ, к числу которых относится и охрана собственности, поскольку отдаляет момент окончания хищения от причинения вреда отношениям собственности; более того, он не соответствует Конституции РФ, закрепляющей признание и защиту всех форм собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ)³.

Несовершенство современного толкования Пленумом Верховного Суда РФ момента окончания хищения приводят ученых к мысли о необходимости поиска иного способа разрешения обозначенной проблемы.

Так, С.М. Кочои предлагает использовать определение момента окончания хищения через реальную возможность распоряжаться похищенным только при совершении хищений с охраняемой территории, а во всех остальных случаях исходить из того момента, когда потерпевший лишается своего имущества⁴. Это предложение вряд

---

¹ Курченко В. Указ. соч.

² Козлов А.П. Понятие преступления. С. 294-295.

³ Токарчук Р.Е. Указ. соч. С. 58.

⁴ Кочои С.М. Указ. соч. С. 132.

ли может быть поддержано. Приняв его, мы фактически признаем, что в случае совершения хищения с охраняемой территории два указанных момента не совпадают: потерпевший лишается имущества раньше, чем виновный приобретает реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению. Возражений против того, что такое возможно, нет¹. Непонятно только, почему, если потерпевший уже лишен своего имущества в результате совершения виновным действий, направленных на обращение этого имущества в свою пользу (или пользу других лиц), хищение остается незавершенным. К тому же потребуют более или менее удовлетворительных объяснений и различия в толковании момента окончания преступления при хищении с охраняемой территории и при любом другом хищении. Состав преступления как основание уголовной ответственности не меняется в зависимости от того, откуда совершается хищение, он один и тот же. Следовательно, не может быть и таких существенных различий в фиксации момента окончания хищения.

Ряд авторов предлагают момент окончания хищения по-прежнему определять через момент завладения имуществом². Несмотря на то, что в теории уголовного права завладение в его соотношении с изъятием исследователи толкуют по-разному (одни их приравнивают³; другие признают изъятие начальной стадией завладения⁴; третьи обособляют их как два последовательных этапа одного процесса⁵), на решении вопроса о моменте окончания хищения в такой его трактовке эти различия не сказываются, поскольку момент окончания в любом случае связывается не с процессом, а с результатом деятельности виновного лица. Так, А.И. Бойцов, обосновывая необходимость использования понятия «завладение» для фиксации

---

¹ Как будет показано далее, моменты лишения собственника имущества (причинения ему имущественного ущерба) и появления у виновного реальной возможности пользоваться похищенным или распорядиться им по своему усмотрению действительно в ряде случаев не совпадают.

² См., например: Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации). М., 1971. С. 23; Гельфер М.А. Преступления против личной собственности граждан. М., 1987. С. 23; Елисеев С.А. Указ. соч. С. 96; Складов С.В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // Государство и право. 1997. № 9. С. 67 и др.

³ См., например: Гринь М.В. Неоконченное преступление: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 132.

⁴ См., например: Третьякова Н.С. Лингвистические особенности уголовно-правовых норм об ответственности за хищения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 9.

⁵ См., например: Курс советского уголовного права. Часть Особенная / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1973. Т. 3. С. 360.

момента окончания хищения, указывает, что это термин, «соединяющий в себе динамическую составляющую изъятия (обретение фактического обладания имуществом лицом, ранее не владевшим им), и его статическую составляющую (осуществление полного контроля, господства над этим имуществом, при котором виновный обретает реальную возможность пользоваться или распоряжаться изъятим имуществом как своим собственным или, по крайней мере, возможность не давать пользоваться и распоряжаться им иным лицам, например, в случае сокрытия похищенного имущества)»¹.

В советский период в теории уголовного права были высказаны некоторые возражения против того, чтобы связывать момент окончания хищения с моментом завладения имуществом потерпевшего. Так, А.А. Пинаев указывал, что завладение не предполагает обязательного постоянного выхода имущества из фондов собственника, а может быть и временным². Это положение находит свое подтверждение и в действующем законодательстве: в ст. 166 УК РФ, предусматривающей ответственность за угон как временное использование чужого транспортного средства, употребляется именно термин «завладение».

Однако можно привести и гораздо более весомые аргументы против рассматриваемого подхода.

Во-первых, история развития теории завладения свидетельствует о том, что в ее рамках так и не было достигнуто единообразного решения вопроса о моменте окончания хищения. Различное понимание учеными того, в какой момент лицо считается завладевшим чужим имуществом, привело в конечном итоге к выделению в рамках этой теории нескольких относительно самостоятельных направлений, о чем говорилось выше.

Во-вторых, в настоящее время те исследователи, которые разъясняют, что именно следует считать завладением, в основном исходят из того, что завладение предполагает обретение фактического обладания имуществом лицом, ранее не владевшим им, и осуществление полного контроля, господства над этим имуществом, при котором виновный получает возможность распоряжаться изъятим как своим собственным³. К такому выводу приводит и анализ значения понятия «завладение» («завладеть» – «взять в свое полное владение, захватить»⁴). Исключение составляет позиция отдельных авторов (в

---

¹ Бойцов А.И. Указ. соч. С. 267.

² Пинаев А.А. Уголовно-правовая борьба с хищениями. С. 86.

³ См., например: Бойцов А.И. Указ. соч. С. 267.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 195.

частности, А.П. Козлова¹), которые не связывают завладение с таким владением имуществом со стороны виновного, когда у него появляется реальная возможность распоряжаться вещью, а сводят его к простому передвижению вещи от собственника к преступнику. Таким образом, при ближайшем рассмотрении теория завладения в ее сегодняшнем виде оказывается той же самой теорией реальной возможности.

Как уже отмечалось, современное толкование Пленумом Верховного Суда РФ момента окончания хищения базируется на отождествлении моментов причинения ущерба собственнику имущества, лишения его возможности осуществлять свои полномочия в отношении имущества (изъятия) и получения виновным реальной возможности пользоваться похищенным или распорядиться им по своему усмотрению (завладения). Утверждения о полном совпадении этих моментов можно найти в работах многих авторов. Так, А.И. Бойцов отмечает, что «ущерб наступает только тогда, когда собственник лишен возможности распорядиться своим имуществом, что естественно корреспондирует с обретением такой возможности похитителем»². А.И. Санталов пишет, что «моменты изъятия имущества из чужого владения и завладения им совпадают: прекращение владения одного лица есть в этом случае установление владения другого лица»³. Таким образом, презюмируется, что между господством над вещью со стороны собственника или иного владельца и господством над нею со стороны виновного лица при незаконном переходе фактического владения не может быть никаких промежуточных состояний, когда либо оба владеют вещью, либо ни один из них не владеет ею.

Однако не все ученые столь категоричны в своих выводах. В частности, И.Г. Филановскому «представляется неосновательным утверждение о совпадении моментов изъятия и завладения, ибо если эти моменты по времени совпадают, то тогда между ними никакой разницы нет». «Оговорка о том, что они обычно совпадают, – указывает он, – не укрепляет, а ослабляет аргументацию, ибо свидетельствует о признании существования случаев, когда эти моменты не совпадают»⁴. Более того, уместно напомнить, что еще в дореволю-

---

¹ Козлов А.П. Понятие преступления. С. 293-297.

² Бойцов А.И. Указ. соч. С. 267.

³ Курс советского уголовного права. Часть Особенная / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1973. Т. 3. С. 360.

⁴ Там же. С. 759-760.

ционный период исследователи обращали внимание на возможность несовпадения указанных моментов¹.

Для того чтобы более детально разобраться в этом вопросе, необходимо обратиться к цивилистической литературе. Поскольку причинение реального ущерба собственнику имущества выражается в лишении его вещи и возможности осуществлять в отношении нее свои полномочия, надлежит выяснить, в какой момент с точки зрения гражданского права такое лишение происходит. Согласно ч. 1 ст. 209 ГК РФ собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Практически все специалисты обращают внимание на исключительность правомочий собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом². Полномочия собственника связаны между собой. Ю.К. Толстой отмечает, что во владении (хозяйственном господстве собственника над вещью) выражается статика отношений собственности, а в пользовании (извлечении из вещи полезных свойств) и распоряжении (определении судьбы вещи) – их динамика³. В подавляющем большинстве случаев пользование и распоряжение невозможно без владения вещью⁴. Поэтому лишение возможности осуществлять владение вещью по общему правилу означает и лишение возможности пользоваться имуществом и распоряжаться им.

Возникает вопрос о том, чем именно характеризуется владение и как происходит трансформация владения одного лица во владение другого при его недобровольной утрате. Основу современных представлений об этом заложили еще римские юристы. Выработанные ими положения в дальнейшем были заимствованы и развиты отечественной наукой гражданского права, особенно в дореволюционный период⁵.

---

¹ См., например: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 179-180.

² См., например: Власова М.В. Право собственности в России: учеб. пособие. М., 2007. С. 36; Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения. М., 2000. С. 52-55; Якимов А.А. Субъективное право собственности и основания его возникновения по гражданскому законодательству РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

³ Гражданское право: учебник / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. СПб.: Изд-во «Теис», 1996. Ч. 1. С. 293.

⁴ В литературе приводятся примеры, когда происходит пользование вещью без владения ею, например, пользование игровыми автоматами в специально отведенных помещениях (См.: Гражданское право: учебник / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. Ч. 1. С. 297). Распоряжение без владения вещью возможно, если речь идет об объекте недвижимости, вопреки воле собственника занятом другим лицом.

⁵ В современной гражданско-правовой литературе владение в основном рассматривается в контексте правомочий собственника.

Анализируя понятие владения в римском праве, которое придавало большое значение данному институту, В.А. Краснокутский писал: «Владение есть прежде всего реальное господство лица над вещью, вытекающее из фактического, физического отношения лица к предмету владения. Лицо стоит или сидит на земле, оно держит вещь. Это состояние, однако, должно быть не преходящим, а представлять упрочившееся отношение лица к вещи... Это господство распространяется целиком на всю вещь в совокупности всех ее свойств и отношений»¹. Римские юристы различали во владении два элемента: а) субъективный (*animus possessionis*) – намерение владеть вещью для себя (этим владение отличалось от держания, при котором за субъектом не признавалась воля владеть для себя) и б) объективный (*corpus possessionis*) – реальное господство над предметом владения².

Позднее, как отмечал И.Б. Новицкий, «*corpus possessionis* стали понимать не так грубо, а более утонченно: стали признавать, что *corpus possessionis* имеется во всех тех случаях, когда при нормальных условиях для лица обеспечена возможность длительного беспрепятственного проявления своего господства над вещью»³. «...*Corpus possessionis*, – писал он, – определяли как такое положение лица в отношении вещи, в каком нормально находятся собственники в отношении своих вещей: если по нормальным условиям предполагается нахождение вещей в жилище собственника (например, платье, домашняя обстановка и т.п.), а такого рода вещь находится в конкретном примере за пределами жилища, *corpus possessionis* признать нельзя; если же сложили бревна, кирпичи и т.д. даже не во дворе, а перед воротами дома, названные строительные материалы все же считаются находящимися в фактическом владении данного лица, потому что в жизни для этих вещей такое положение нормально...»⁴.

На это же обращали внимание и русские исследователи дореволюционного периода. Так, Д.И. Мейер считал, что «материальную связь лица, как деятеля владения, с вещью не нужно представлять себе ежеминутно существующей. ... Достаточно одной возможности для владельца во всякое время поставить себя в фактическое отно-

---

¹ Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. С. 169.

² Там же. С. 170. См. также: Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М.: Юридическая литература, 1972. С. 92.

³ Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 93.

⁴ Там же. С. 94.

шение к владеемой вещи...»¹. «...Если по существу вещи нет надобности в ее постоянном держании, – продолжал он, – то для признания владения продолжающимся вполне достаточно одной только возможности материального соприкосновения с вещью, достаточно, чтобы вещь была, например, за ключом владельца, в его доме или даже только в его заведовании...»².

Для недобровольной потери владения в римском праве достаточно было утраты фактического господства³. Как указывал И.Б. Новицкий, «владение лица прекращалось, как только вещь выходила из его обладания...»⁴.

Действие, которым устанавливается господство над вещью, русские ученые называли овладением. «Овладение не требует непременно физического прикосновения к вещи, – писал Г.Ф. Шершеневич, – достаточно такое обращение с вещью, какое предполагается у собственника»⁵. Он выделял две разновидности овладения вещью: с согласия и при участии прежнего ее владельца (передача) и помимо его (захват). Захват определялся как односторонний акт овладения, предполагающий такое отношение к вещи, которое давало бы возможность господства над ней. «Если вещь до этого времени находилась во владении другого лица, то необходимо устранить это лицо от господства», – отмечал указанный автор⁶. Среди вариантов прекращения владения Г.Ф. Шершеневич упоминал и захват ее со стороны другого⁷.

На первый взгляд может показаться, что некоторые из последних приведенных положений подтверждают мнение о том, что прекращение владения со стороны одного лица влечет автоматическое обретение господства над вещью другим лицом. Однако это не так. Из изложенного вытекает, что овладение вещью, получение над ней полного контроля одним лицом против или помимо воли другого (захват) действительно прекращает предыдущее владение. Еще римские юристы считали, что невозможно владение одной и той же вещью со стороны двух или нескольких лиц, допустимо только владе-

---

¹ Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 1997. Ч. 2. С. 10.

² Мейер Д.И. Указ. соч. С. 10-11.

³ Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. С. 182.

⁴ Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 99.

⁵ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. С. 157.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 158.

ние в идеальных, нераздельных частях¹. В то же время сказанное не означает, что если в процессе захвата вещи у собственника последний утратил фактическое господство над ней, то лицо, осуществляющее захват, это господство в тот же момент приобрело. Вполне возможна ситуация, когда ни один из них не имеет полной власти над вещью – эта власть ограничена присутствием и поведением другого. Собственник уже утратил абсолютное господство над имуществом и не может беспрепятственно осуществлять ни одно из своих полномочий. Захватчик же его еще не приобрел, поскольку тоже ограничен действиями потерпевшего или других лиц.

У этой ситуации может быть множество оттенков. В некоторых из них присутствует условное приравнивание имеющегося состояния к наличию владения со стороны потерпевшего. Так, если вор проник в квартиру, взял желаемую вещь и был при этом застигнут хозяином, нахождение вещи у него в руках, безусловно, ограничивает господство над нею собственника: тот уже не может совершенно беспрепятственно взять вещь, пользоваться ею. Однако власть над вещью самого вора ограничена еще более тем, что он находится в квартире потерпевшего. Перемещение этой вещи в пределах квартиры не прекращает владения со стороны собственника. Поэтому в таких случаях считается, что держанием вещи виновным потерпевшему реальный имущественный ущерб не был причинен. Случаи, когда преступник, испугавшись, что его задержат и привлекут к ответственности, бросил имущество в квартире и скрылся или попытался скрыться, в современной судебной практике обоснованно оцениваются как покушение на кражу.

Другое дело, если виновный вместе с вещью оказался за пределами квартиры, например, на лестничной клетке, и был застигнут хозяином там. В этом случае, несмотря на то, что собственник еще может отобрать вещь у преступника, исходя из классических цивилистических воззрений, он уже утратил свое господство над ней. Считать, что он продолжает владеть вещью, вынесенной вором из квартиры, нельзя, даже если виновный не успел отойти на какое-то расстояние от квартиры, а только переступил порог. При этом не имеет значения, находится ли вещь в руках преступника или она брошена вором, которого спугнули прохожие, прямо в подъезде. Последний случай особенно ярко демонстрирует, что владение со стороны хозяина вещи уже прекратилось. Г.Ф. Шершеневич, анализируя прекращение владения при потере вещи, в свое время писал,

---

¹ Римское частное право / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. С. 169.

что владение прекращается в том случае, если «возможность господства открывается для всех других»¹. Брошенная вором у двери квартиры вещь оказывается именно в таком положении – в отсутствие хозяина подобрать ее может любой. Таким образом, вне зависимости от конкретных обстоятельств совершения преступления выход вещи против воли собственника за пределы его жилища, когда по нормальным условиям это имущество должно находиться внутри жилища, свидетельствует о прекращении владения со стороны собственника. Это прекращение на первых порах не сопровождается обретением полного господства над имуществом со стороны преступника: нахождение вещи у него в руках за пределами квартиры еще не говорит о том, что он получил реальную возможность пользоваться этой вещью или распорядиться ею по своему усмотрению. Однако на факт прекращения владения имуществом со стороны его хозяина это никак не влияет. А.П. Козлов справедливо, на наш взгляд, подчеркивает: «После того, как вещь покинула пределы квартиры, реальное владение, пользование и распоряжение имуществом со стороны собственника исчезает»².

Современная судебная практика оценивает подобные ситуации иначе. Так, Октябрьским районным судом г. Барнаула Р. был осужден по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ за преступление, совершенное при следующих обстоятельствах. Р., имея умысел на кражу, пришел к квартире потерпевшего М. Убедившись, что за его действиями никто не наблюдает, он путем подбора ключа открыл входную дверь и незаконно проник в квартиру, откуда похитил имущество М. на сумму 7 500 рублей, причинив последнему значительный ущерб. С похищенным имуществом Р. попытался скрыться, однако на лестничной площадке был задержан сотрудниками милиции³. Полагаем, что квалификация, данная судом, не верна, и здесь имеет место оконченное преступление, поскольку совершено изъятие имущества, лишаящее собственника возможности владения, пользования и распоряжения им.

Резюмируя изложенное, подчеркнем, что с цивилистических позиций при недобровольном переходе владения вполне возможны ситуации, когда отсутствует господство над вещью как со стороны ее собственника, так и со стороны лица, осуществившего захват вещи: моменты прекращения владения одним лицом и обретения его

---

¹ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 158.

² Козлов А.П. Понятие преступления. С. 293.

³ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. 2008. Д. № 1-298.

другим могут не совпадать. В итоге то, что многие специалисты в области уголовного права и Пленум Верховного Суда РФ принимают за бесспорное положение (совпадение момента изъятия имущества у собственника и момента появления у виновного реальной возможности пользоваться похищенным имуществом или распоряжаться им по своему усмотрению), в действительности таковым не является.

Одной из причин столь распространенной в настоящее время позиции по рассматриваемому вопросу можно считать то, что в большинстве случаев, когда хищение обнаруживается потерпевшим или третьими лицами, оно действительно в своем развитии оказывается на такой стадии, что грань между указанными выше моментами стирается и создается видимость того, будто они совпадают. Так, если потерпевший обнаружил факт кражи из квартиры, вернувшись в нее спустя несколько часов после совершения преступления, то совершенно понятно, что и ему уже причинен ущерб, и виновный, унеся имущество в свое жилище, уже получил реальную возможность использовать его и распоряжаться им, а иногда – уже и реализовал эту возможность. Однако анализ судебной практики и научной литературы показывает: существует целый ряд ситуаций, наглядно демонстрирующих, что два указанных момента могут существенно отстоять друг от друга во времени, когда у потерпевшего имущество уже изъято, реальный ущерб ему причинен, а виновный еще не получил господства над вещью.

Во-первых, такая ситуация имеет место при хищении вещи вместе с хранилищем (например, сейфом), в котором она находится, если виновный не в состоянии ее оттуда извлечь, даже находясь в безопасности. Можно ли считать, что он получил возможность пользоваться и распоряжаться похищенным, если иметь в виду, что преступник в первую очередь ставил целью завладеть деньгами, драгоценностями и т.п., а не сейфом? Конечно, нет. В лучшем случае он может использовать сам сейф и то не по назначению, а в качестве подставки либо тяжелого предмета, которым можно что-то подпереть. В то же время очевидно, что потерпевшему ущерб уже причинен.

Аналогичной является картина в тех случаях, когда виновное лицо, унеся хранилище на безопасное расстояние, не успевает вскрыть его до момента задержания. В периодической печати встречались сообщения о хищении банкоматов и платежных терминалов с целью извлечения из них денежных купюр. В научной литературе приводится пример хищения небольшого сейфа, который виновный

переместил не только за пределы охраняемой территории, но и на некоторое расстояние от нее, а затем попытался вскрыть, но был задержан¹. Суд квалифицировал содеянное как оконченную кражу. По своей сути, нам это решение представляется правильным. Между тем, если руководствоваться толкованием момента окончания кражи, данным Пленумом Верховного Суда РФ, то ее следовало бы признать неоконченной, поскольку реальной возможности воспользоваться похищенными деньгами, находящимися в сейфе, у преступника не было. Не случайно исследователи, приводящие этот пример, оценивают решение суда как неверное².

Во-вторых, ситуации, когда момент причинения ущерба собственнику и момент получения виновным возможности пользоваться или распоряжаться похищенной вещью не совпадают, наблюдаются при преследовании преступника, убегающего с вещью, и задержании его в процессе преследования. В настоящее время такие ситуации оцениваются в судебной практике по общему правилу как покушение на преступление, в частности, на грабеж. Суды исходят из того, что виновный еще не мог ни пользоваться, ни распоряжаться вещью. Отсюда делается вывод о том, что и потерпевшему ущерб еще не причинен. Однако возникает вопрос, каким образом потерпевший все это время мог владеть, пользоваться и распоряжаться вещью, которая находилась в руках убегающего преступника? Очевидно, что и у него возможности осуществлять эти полномочия не было. Совершенно прав А.П. Козлов, который, критикуя подход Верховного Суда РФ к определению момента окончания хищения, пишет: «...сколько должен бегать за виновным работник милиции, чтобы преступление стало оконченным, при условии, если бы преступник не бросил похищенную вещь, – километр, два или день, два, неделю? Не трудно представить себе ситуацию с непрерывной погоней, в т.ч. на автомашинах, когда собственник давно лишился вещи, она погибла при перестрелке, в результате случайного пожара и т.п., однако преступление все еще не окончено...»³.

В-третьих, несовпадение момента причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества и момента обретения виновным возможности пользоваться или распоряжаться похищенным по своему усмотрению может быть в тех случаях хищения с охраняемой территории, когда преступник, изъяв имущество из его место-

---

¹ Третьяк М., Волошин В. Указ. соч. С. 63.

² Там же.

³ Козлов А.П. Понятие преступления. С. 295-296.

нахождения, припрятывает его. А.П. Козлов правильно указывает, что снятие вещи с конвейера или изъятие из обычного места хранения и припрятывание с целью завладения сразу выводит ее из владения собственника, уничтожая возможность ее дальнейшего продвижения к потребителю»¹. Лишенный информации о том, где находится имущество, потерпевший, безусловно, не может осуществлять в отношении него полномочия владения, пользования и распоряжения. Не может их в полной мере осуществлять и виновный, причем такая ситуация способна сохраняться длительное время.

В-четвертых, виновный может лишить потерпевшего возможности пользоваться и распоряжаться имуществом и не приобрести сразу же такую возможность сам в тех случаях, когда имущество выводится за пределы помещения или территории, принадлежащей собственнику, а виновный остается в этом помещении или на этой территории. Например, преступник, проникнув в квартиру, выбрасывает вещи с балкона, чтобы впоследствии их там подобрать, или с той же целью перебрасывает имущество через забор охраняемой территории. Перебросив вещи через забор, он может еще какое-то время (например, до конца рабочего дня) находиться на этой территории. Причинен ли при этом ущерб собственнику? Да, поскольку имущество вышло из его обладания и его местонахождение ему не известно. Но и виновный еще не получил возможность пользоваться или распоряжаться этим имуществом.

Таким образом, изучение положений науки гражданского права, относящихся к понятию владения, анализ уголовно-правовой литературы, судебной практики показывают, что причинение реального имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества происходит вследствие недобровольного прекращения владения им вещью, когда имущество изымается у него виновным помимо или против его воли. Однако не всегда при этом виновный в тот же самый момент обретает полное господство над имуществом, получает возможность пользоваться и распоряжаться им по своему усмотрению. Момент причинения ущерба собственнику изъятием у него имущества (т.е. момент прекращения владения им вещью) и момент получения виновным возможности пользоваться имуществом и распоряжаться им по своему усмотрению (т.е. момент установления полного господства над имуществом со стороны виновного) в ряде случаев не совпадают. Момент окончания хищения должен связываться с первым из них – с моментом изъятия. Именно та-

---

¹ Козлов А.П. Понятие преступления. С. 294.

кое решение соответствует законодательному определению хищения, включающему в себя причинение имущественного ущерба потерпевшему.

Нельзя не заметить, что даже после признания в 70-е гг. XX в. Пленумом Верховного Суда СССР моментом окончания хищения появления у виновного реальной возможности пользоваться изъятым имуществом или распорядиться им по своему усмотрению при оценке хищений с охраняемой территории суды в ряде случаев квалифицировали содеянное как оконченное преступление, ориентируясь на момент, когда имущество вышло из обладания собственника, т.е. на момент изъятия.

В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по протесту заместителя Прокурора РСФСР отменила приговор районного суда, кассационное определение и постановление президиума Куйбышевского областного суда, которыми действия Теренина, Дудина и Моисеева были квалифицированы как покушение на кражу, в связи с неправильной уголовно-правовой оценкой содеянного, и направила дело на новое рассмотрение. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. Теренин, Дудин и Моисеев, работники Куйбышевского мясокомбината, договорились о совершении хищения продукции. Один из них спрятал тележку с пятью мешками мясопродуктов в подсобном помещении цеха. Вечером следующего дня они подкатили тележку к забору, перебросили мешки через забор, перелезли сами и стали грузить мешки в стоящую за забором автомашину, но были задержаны сотрудниками милиции. Заместитель Прокурора РСФСР в протесте указал, что суд ошибочно квалифицировал содеянное как покушение на кражу, правильная же уголовно-правовая оценка была дана органами следствия, которые считали, что совершено оконченное хищение. Судебная коллегия Верховного Суда РФ согласилась с доводами, приведенными в протесте, отметив, что имущество было изъято и вынесено за территорию мясокомбината. По ее мнению, в данном случае преступление следует считать оконченным после того, как виновные перебросили похищенное через забор, поскольку имущество вышло из владения собственника¹. Правда, при этом было указано, что виновные получили возможность распоряжаться изъятым имуществом и даже начали это делать (переносили его к автомашине). Фактически же Верховный Суд РСФСР при принятии

---

¹ Практика прокурорского надзора при рассмотрении судами уголовных дел: сб. док-тов. М.: Юридическая литература, 1987. С. 183-184.

решения опирался на то, что изъятием имущества уже причинен ущерб собственнику, с чем и следует связывать момент окончания хищения.

В определении было высказано еще одно принципиально важное соображение, которое сейчас суды мало принимают во внимание: то, что преступники были задержаны сразу после того, как имущество оказалось за пределами территории мясокомбината, само по себе отнюдь не свидетельствует о незавершенности преступления; задержание возможно как во время совершения преступления, так и после него. Между тем сегодня факт задержания виновного рядом с местом совершения преступления нередко расценивается как неопровержимое доказательство того, что преступление не окончено, что, безусловно, является ошибочным¹.

Представленный четвертый и пятый случай необходимости толкования приводят к выводу, что момент окончания преступления может корректироваться судебной властью путем его перемещения в рамках избранной законодателем конструкции состава оконченного преступления.

---

¹ Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 91-116.

Заключение

Вопросы конструирования составов преступлений в последние годы находятся под пристальным вниманием науки уголовного права, в т.ч. и вследствие способности законодателя варьировать юридический момент окончания преступления, передвигая его на различные этапы механизма преступного деяния.

Различия юридического момента окончания преступления послужили основой для разработки конструкции состава оконченного преступления, а также классификации видов конструкций составов оконченных преступлений.

В представленном исследовании последовательно доказывается, что оконченное преступление нельзя признавать стадией совершения преступления, поскольку такое понимание не соответствует лексическому значению слова «стадия» (как этап развития преступного деяния).

Правовая природа оконченного преступления (к слову сказать, как и приготовления к преступлению и покушения на преступление) заключается в признании последнего конструкцией состава преступления, т.е. моделью, позволяющей привлекать лиц к уголовной ответственности.

Оконченное преступление призвано воспроизводить юридический момент окончания преступления. При этом, учитывая многообразие таких моментов, конструкции составов оконченных преступлений целесообразно свести к определенным видам.

Классификационным основанием, объединяющим виды конструкций оконченного преступления, следует признать особенности момента окончания преступления.

В рамках данной классификации следует выделять следующие конструкции составов оконченного преступления: материальный состав, в котором момент окончания связывается с наступлением преступных последствий, указанных в диспозиции статьи Особенной части УК РФ; формальный состав, когда момент окончания установлен на этапе совершения деяния; усеченный состав, когда момент окончания перенесен на начальную стадию совершения деяния; состав планирования считается оконченным с момента совершения preparatory actions; состав опасности — момент окончания связывается с совершением деяния, создающего реальную опасность наступления последствий, обозначенных в диспозиции статьи Особенной части УК РФ; комбинированный состав пред-

ставляет собой сочетание различных моментов окончания преступления.

Каждый из обозначенных составов характеризуется отличительными способами отражения в нормах Особенной части УК РФ.

В частности, при использовании материального состава следует обозначить преступные последствия (наиболее удачным представляется прямое указание на вид и размер таких последствий).

Формальный и усеченный состав в действующем УК РФ отражается при помощи терминов, выраженных отглагольными существительными, что создает сложности в определении вида конструкции состава преступления и момента окончания преступления, в связи с чем целесообразно унифицировать значение терминов, выраженных отглагольными существительными, для данных составов, ограничивая их значение в усеченном составе процессом совершения деяния, а в формальном составе – фактическим завершением деяния.

Кроме того, при описании деяния в усеченном составе целесообразно использовать такие формулировки, которые подчеркивали бы незавершенность деяния и установление момента окончания преступления на начальных этапах его исполнения.

Особую сложность в толковании момента окончания преступления создает использование оценочных понятий, которые не обладают четким содержанием, в связи с чем законодателю следует минимизировать применение таких понятий при описании конструкции состава преступления и момента окончания преступления.

В завершение хотелось бы отметить, что представленные в работе положения не исчерпывают проблему законодательных конструкций составов оконченных преступлений, поскольку представляют собой только первую ступень в разработке сложного вопроса выбора вида конструкции состава оконченного преступления, решение которого будет составлять дальнейшие исследования многогранной проблемы конструкций составов оконченных преступлений.

Список литературы

I. Нормативные правовые акты

1. Конституция (Основной закон) Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 51 от 27 декабря 2007 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

5. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4 (постановление утратило силу).

6. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 4.

7. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

II. Научные и учебные издания

8. Анисимова И.А. Уголовно-правовое значение преступного вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008. 26 с.

9. Безверхов А.Г. О проблеме конструирования составов преступлений по моменту окончания // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2012. № 1. С. 70-78.

10. Благов Е.В. Особенности назначения наказания за неоконченное преступление (вопросы дифференциации и индивидуализации). Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1994. 48 с.
11. Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание. М.: Юрлитформ, 2010. 320 с.
12. Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М.: Юридическая литература, 1967. 240 с.
13. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в правоприменении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения. М.: Изд-во МГЮА, 2011. 199 с.
14. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М.: Изд-во Московского университета, 1967. 319 с.
15. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М.: Юридическая литература, 1955. 209 с.
16. Ермакова О.В. Квалификация следователем составов преступлений экстремистской направленности (ст. 280, 282, 282.1-282.2 УК РФ) на стадии возбуждения уголовного дела. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. 60 с.
17. Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011.
18. Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика. М.: Юрлитформ, 2013. 208 с.
19. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2009. 400 с.
20. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1991. 244 с.
21. Иванов В.Д. Ответственность за покушение на преступление. Караганда: ВНИИРИО Карагандинской высшей школы МВД СССР, 1974. 137 с.
22. Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 462 с.
23. Иванчин А.В. Проблемы определения вида состава преступления в зависимости от функциональной роли последствий в его законодательной конструкции // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 63.
24. Иванчина С.А. Оконченное преступление. М.: Юрлитформ, 2013. 192 с.

25. Клейменов М.П. Криминология: учебник. М.: Норма, 2009. 448 с.
26. Кобзева Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 31 с.
27. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 353 с.
28. Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2005. 912 с.
29. Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 336 с.
30. Кудрявцев В.Н. Механизм преступного поведения. М.: Наука, 1981. 248 с.
31. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Юридическая литература, 1960. 244 с.
32. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М.: Госюрисдат, 1958. 218 с.
33. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. 204 с.
34. Курс советского уголовного права: в 6 т. / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1970.
35. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 248 с.
36. Мальцев В.В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. М.: Юрлитформ, 2014. 648 с.
37. Мишунин П.Г. Очерки по истории советского уголовного права 1917-1918 гг. М.: Юридическая литература, 1954. 230 с.
38. Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Неоконченное преступление и его виды. М.: Ось-89, 2003. 160 с.
39. Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 785 с.
40. Панько К.К. Теория и практика законотворчества в уголовном праве. М.: Юрлитформ, 2011. 312 с.
41. Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 232 с.
42. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: Проспект, 2008. 528 с.

43. Семенюк Р.А. Криминология. Барнаул: БЮИ МВД России, 2011. 318 с.
44. Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2011. 232 с.
45. Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М.: Ось-89, 2006. 160 с.
46. Советское уголовное право / под ред. М.И. Ковалева. Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. ин-та, 1972. 226 с.
47. Тадевосян Л.З. Неоконченные преступления. М.: Юнити-Дана, 2008. 207 с.
48. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1977. 216 с.
49. Тишкевич И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. М.: Юридическая литература, 1958. 260 с.
50. Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 898 с.
51. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1951. 388 с.
52. Утевский Б.С. Уголовное право. М.: Юридическая литература, 1950. 278 с.
53. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 281 с.
54. Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М.: Юрлитинформ, 2003. 416 с.

Виды конструкций состава оконченного преступления с соответствующим каждому виду моментом окончания преступления

1. Конструкция материального состава: юридический момент окончания устанавливается на стадии наступления преступного результата, с приданием ему юридического выражения.

2. Конструкция состава опасности: момент окончания преступления связан с угрозой наступления последствий, обозначенных в норме закона.

3. Конструкция формального состава: юридический момент окончания преступления перенесен на стадию совершения деяния.

4. Конструкция усеченного состава: момент окончания преступления связывается с началом совершения деяния (но по своему описанию такой состав не отличается от формального состава).

5. Конструкция состава планирования: юридический момент окончания преступления переносится законодателем на этап совершения preparatory действий (иначе говоря, на стадию планирования).

Способы указания на вид конструкции состава преступления в нормах уголовного закона

1. Конструкция материального состава преступления: отражение в диспозиции статьи преступных последствий либо их опосредованное включение в характеристику деяния.

2. Конструкция состава планирования: использование preparatory действий для описания деяния.

3. Конструкция формального состава: законодатель дает представление о самом совершаемом деянии (действии или бездействии), без указания на преступные последствия.

4. Конструкция усеченного состава: описание деяния при помощи таких терминов, которые подчеркивает незавершенный характер деяния, в котором преступный результат отдален от самих действий.

Способы отражения момента окончания преступления при использовании различных видов конструкций составов

Момент окончания в составе планирования:

- 1) использование формулировок приговорительных действий из Общей части УК РФ, например состав незаконного изготовления оружия (ст. 223 УК РФ);
- 2) описание приговорительных действий через обобщенные формулировки, включающие в себя различные их проявления.

Момент окончания в материальном составе:

- 1) прямое указание на преступные последствия;
- 2) опосредованное закрепление последствий, с которыми связывается момент окончания преступления.

Момент окончания в формальном составе:

указание на преступное деяние, терминологическое оформление которого свидетельствует о его понимании не только в качестве процесса совершения, но и охватывает фактическую завершенность.

Момент окончания в усеченном составе:

указание на преступное деяние, терминологическое оформление которого свидетельствует о его понимании в качестве процесса совершения, не охватывающего собой его фактическую завершенность.

Момент окончания в составе опасности:

прямое указание на преступные последствия с использованием формулировок, свидетельствующих о возможности их наступления (например: «создают опасность», «могут повлечь» и т.д.).

Содержание

Введение	3
Глава 1. Конструкция состава оконченного преступления: понятие, виды, взаимосвязь с моментом окончания преступления.....	5
§ 1.1. Понятие конструкции состава оконченного преступления ..	5
§ 1.2. Научные подходы относительно классификации конструкций составов оконченных преступлений	36
§ 1.3. Взаимосвязь вида конструкции состава оконченного преступления с моментом окончания преступления.....	55
Глава 2. Описание вида конструкции состава оконченного преступления и момента окончания преступления в уголовном законе	60
§ 2.1. Общие положения относительно описания вида конструкции состава оконченного преступления и момента окончания преступления в уголовном законе.....	60
§ 2.2. Отражение момента окончания преступления при использовании конструкции материального состава преступления и состава опасности	64
§ 2.3. Описание момента окончания преступления при использовании конструкции формального, усеченного состава преступления и состава планирования	77
§ 2.4. Вопросы толкования момента окончания преступления, а также проблемы его установления в правоприменительной деятельности.....	87
Заключение.....	123
Список литературы.....	125
Приложения	129

Научное издание

Ермакова Ольга Владимировна

**Законодательные конструкции составов
преступлений и их влияние на определение
момента окончания преступления**

Монография

Редактор
Корректурa,
компьютерная верстка
Дизайн обложки

М.В. Егерь
С.В. Калининой
М.Ю. Барабаш

Лицензия ЛР № 02213552 от 14.07.1999 г.
Лицензия ПЛр № 020109 от 05.07.1999 г.

Подписано в печать 10.11.2017. Формат 60х90 1/16.
Ризография. Усл. п.л. 8,3. Тираж 500 экз. Заказ 544.
Барнаульский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; www.бюи.мвд.рф.